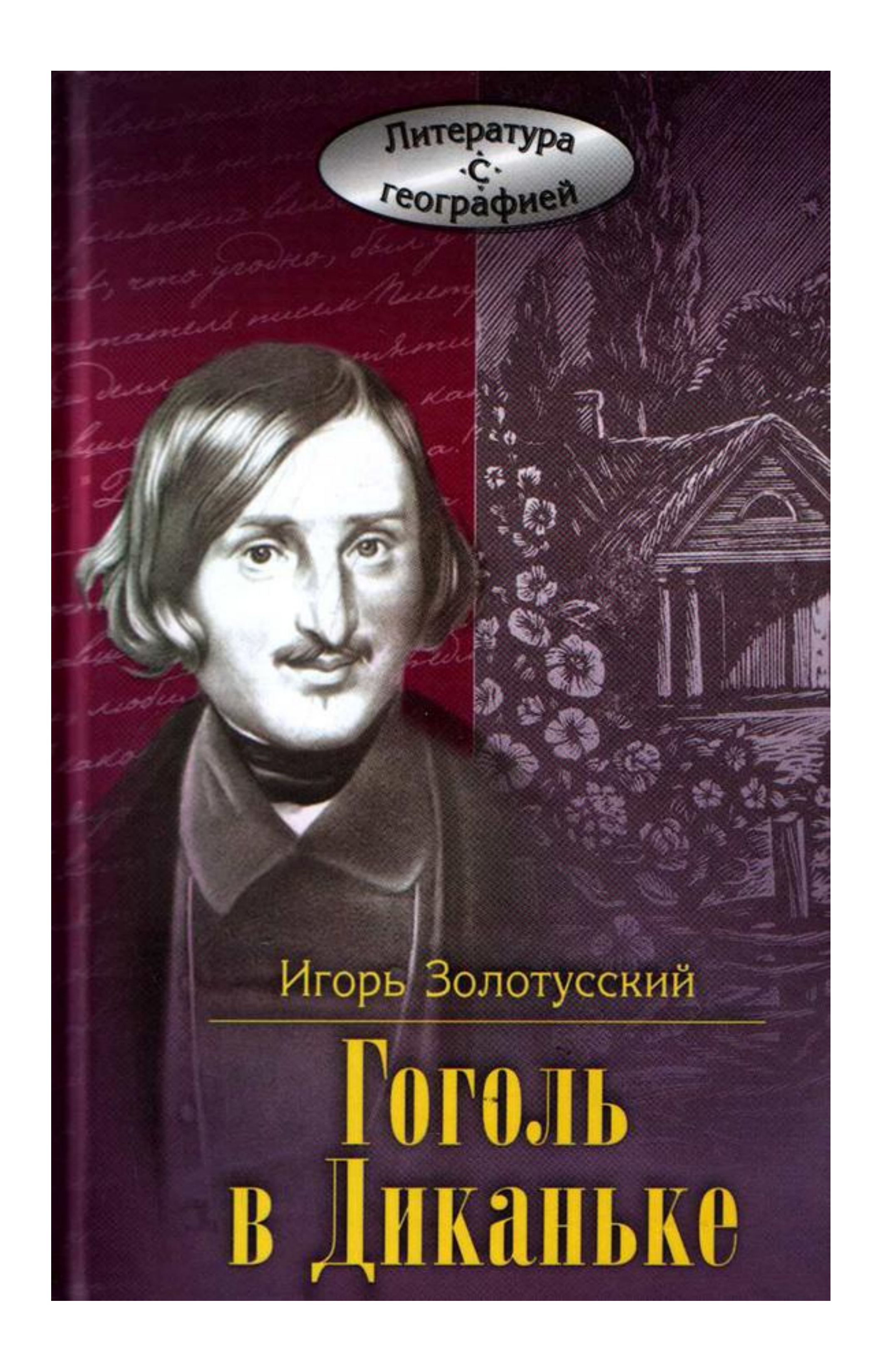
Игорь Золотусский

Гоголь в Диканьке

Вон небо клубится передо мною; звездочка сверкает вдали; лес несется с темными деревьями и месяцем; сизый туман стелется под ногами; струна звенит в тумане; с одной стороны море, с другой Италия; вон и

русские избы виднеют. Дом ли то мой синеет вдали? Мать ли моя сидит перед окном?

Гоголь

От автора

Гоголь часто называл себя путником, странником и считал своим домом дорогу. Он действительно много путешествовал, но все-таки есть несколько мест на земле, которые были для него не только временным отдыхом в пути. Гоголя нельзя представить без Васильевки, без Диканьки, Сорочинец, без Петербурга, где он стал писателем, Рима, Москвы. В Сорочинцах он родился, в Москве умер и похоронен. В Риме Гоголь прожил с перерывами десять лет, там писались «Мертвые души».

Гоголь как-то сказал, что ландшафт, который видит ребенок, едва научившийся различать предметы, влияет на его взгляд на мир. Это правда. Мир Гоголя – это не только внутренний мир, но и мир вокруг него, живые черты тех мест, которые помнят его.

Глава I

Сорочинцы

1

В один из жарких дней августа тысяча восемьсот… не будем уточнять, какого именно года, на мосту через реку Псел появился воз, груженный пенькою и полотном, на верху которого сидели две женщины – одна уже немолодая, с неприятным и «диким» лицом, другая – совсем еще молоденькая, «с круглым личиком, с черными бровями, ровными дугами поднявшимися над светлыми карими глазами, с беспечно улыбавшимися розовыми губками». Воз направился на ярмарку и здесь, на мосту, за которым начинались окраины местечка Сорочинцы, славившегося на Миргородщине своими ярмарками, и повстречали его веселые парубки.

Красавице они улыбнулись, над ее соседкою посмеялись, за что выслушали немало брани, впрочем, никак не нарушившей ленивую тишину августовского полдня, неторопливого хода тянущих воз волов и невозмутимости хозяина обоза – козака Черевика, который привык и к крикам жены, и к восхищению, которое вызывала у молодых козаков красота его дочери.

По этому мосту въехала когда-то в Сорочинцы и облепленная весенней грязью карета с Марией Ивановной Гоголь. Существует предание, что

Гоголь родился в дороге, что разлившаяся река снесла мосты и не дала обозу из Васильевки вовремя поспеть в Сорочинцы.

Но родиной Гоголя все равно считаются Сорочинцы. Даже если права легенда, то ехала-то Мария Ивановна сюда, здесь ждал ее доктор Трохимовский, к которому она направлялась и который сказал свои знаменитые слова о новорожденном: «Славный будет сын». Он, конечно, имел в виду его жизнь и здоровье, но получилось, что слова те обрели иной смысл, и сын Марии Ивановны и Василия Афанасьевича стал славным сыном России.

Может быть, недаром действие самой беспечной повести Гоголя «Сорочинская ярмарка» происходит на его родине. Может быть, поэтому так молодецки весела она, так полна жизнью, красками, звуками, изобилием света и цвета Украины. Из нее бьет юношеская свежесть Гоголя.

Домик М. Трохимовского, где (согласно другой – и давно принятой за единственную – версии) родился Гоголь, стоит неподалеку от упомянутого моста через Псел, вернее, стоял, потому что сейчас на том месте другое здание, а обиталище доктора сгорело во время Великой Отечественной войны, подожженное фашистами.

Место это Трохимовский выбрал не случайно – он лечил водою Псела, целебными травами, настоянными на этой воде. И в нынешних Сорочинцах так лечат и детей, и взрослых. Детей, например, кладут в корытце с теплой псельской водой, заматывают их в полотенца, пропитанные травяным настоем, – и отступают болезни, дети растут крепкими, здоровыми.

Гоголь, в течение своей жизни много болевший, не раз пользовался травами и когда наезжал в Васильевку, и когда жил в Петербурге (туда присылала ему травы мать), и в далеком Риме, куда он тоже прихватывал с собой целебные настойки и мешочки с сушеною травой. Пользоваться ими его научила еще бабушка Татьяна Семеновна – большая искусница по этой части, ее знание перешло потом к сестре Гоголя, Ольге Васильевне Гоголь-Головне, дом которой в Васильевке стал приютом для сотен страждущих. Гоголь, кстати, очень хотел, чтоб после его смерти в Васильевке было устроено нечто вроде бесплатной больницы, где лечили бы всякого, кто обратится за помощью.

Мария Ивановна Гоголь ехала к Трохимовскому, чтобы спасти дитя, – ведь двое ее предыдущих детей родились мертвыми. Мальчик выжил, трех недель от роду он был отправлен вместе с матерью в Васильевку.

Гоголь не выбирал места своего рождения, но оно во всех отношениях оказалось историческим. Там, где стоял дом Трохимовского, были некогда конюшни гетмана левобережной Украины Даниила Апостола.

Апостол одно время имел квартиру в Сорочинцах. От квартиры гетмана вел потайной подземный ход в церковь, высящуюся неподалеку на берегу Псела, – церковь Спасо-Преображения, где крестили Гоголя. Церковь эту построил Даниил Апостол, построил как память о себе и собственную усыпальницу – под тяжкими плитами каменного пола покоятся его останки.

Храбрый то был полковник и горячий. Служил верою и правдою царю Петру, потом чуть не ушел с Мазепой, но вовремя одумался, пал Петру в ноги и попросил смерти или милости. Выпала милость. Полковник Апостол стал гетманом Апостолом.

Был он дальним предком знаменитых Муравьевых-Апостолов, ставших декабристами. Их имение, точнее, имение их отца Ивана Матвеевича Муравьева-Апостола находилось недалеко от Сорочинец. Оно и посейчас цело, называется Хомутец, и стоит там посреди разросшегося запущенного парка дом Апостолов, а в углу парка, в конце аллеи, срослись стволами три дуба, посаженные стариком Муравьевым-Апостолом в честь сыновей – Матвея, Сергея и Ипполита, принимавших участие в событиях 14 декабря. Один брат – Ипполит – застрелился при неудаче восстания Черниговского полка, другой – Сергей – был казнен, третий сослан в каторгу. Отец сочинил о сыновьях элегию на греческом языке, которую читал своим друзьям, когда приходили они на то место, где росли три дуба.

Гоголь не бывал в Хомутце, но зато он бывал и живал в Кибинцах – имении Д. П. Трощинского под Миргородом, у которого часто гостили братья Муравьевы-Апостолы, как и их друг, подпоручик Полтавского пехотного полка М. Бестужев-Рюмин.

Многих знаменитых людей мог видеть Гоголь в детстве. Это и князь Н. Г. Репнин, малороссийский генерал-губернатор, родной брат декабриста С. Г. Волконского, и Василий Васильевич Капнист, владелец соседствующей с Сорочинцами Великой Обуховки, автор «Ябеды», и Гаврила Романович Державин, который в июле 1813 года посетил своего друга Капниста в Обуховке. По словам матери Гоголя, вся их семья находилась в то время в гостях у Капнистов. Проверить это трудно, но дух Державина (мало того, что поэты были друзья, они были еще женаты на родных сестрах) витал в Обуховке.

Капнист, по рассказу той же Марии Ивановны, первый поощрил поэтические занятия маленького Никоши. Не знаем, что именно было предложено ему прочесть из ранних стихов Гоголя, но старый поэт поступил с начинающим пиитом снисходительно: сказал, что из него будет толк. Но добавил при этом, что тому нужен хороший учитель.

Мать писателя Мария Ивановна Гоголь-Яновская

Земля, на которой явился свету Гоголь, имела славное прошлое. Тут казачьи полки рубились с поляками, на землю эту заглядывались и литовцы. И сейчас в лесах Миргородщины находят клады, отрывают старинные бочонки с золотом, находят богато украшенное оружие, подземные траншеи и «мины» – подземные ходы. Начало одного такого подземного хода автору этих строк показывали в Диканьке. Говорят, он вел до самой Полтавы.

В. В. Капниста Гоголь любил, с него брал пример, будучи юношей. По примеру Капниста Гоголь хотел сделаться «совестным судьею» (должность, в которой некоторое время пребывал и сам Капнист) и пойти по юридической части. Капнист всю жизнь служил отечеству. Служил, состоя в должности и находясь в отставке. Он был полтавским

генеральным судьей, предводителем полтавского дворянства, основателем училища для бедных дворян в Полтаве, ведал репертуаром императорских театров. У себя в Обуховке он был честным помещиком. Телесных наказаний не было в Обуховке, как не было их, кстати сказать, и в Васильевке. Если Капнист замечал самоуправство или несправедливость, он жестоко карал виновных, привлекал их к суду.

По многим запутанным делам, касающимся других лиц, он ездил в Петербург – «ужасный лабиринт», как он называл этот город.

Дочь В. В. Капниста, С. В. Скалон, оставила записки о своей жизни, где поминаются ее встречи с Гоголем. Одна из них относится к 1828 году, когда Никоша Гоголь уезжал со своим другом Данилевским в Петербург. Прощаясь с автором записок, он говорил: «Прощайте, или вы обо мне ничего не услышите, или услышите нечто весьма хорошее». Я тогда подивилась самонадеянности сына Марии Ивановны, пишет Скалон, потому что мы в нем ничего замечательного не видели. Прошло много лет. В 1851 году Гоголь в последний раз посетил Полтаву. И Софья Васильевна напомнила ему тот давний разговор. Он улыбнулся, и на глазах его показались слезы.

Между прочим, в архиве Капнистов сохранились письма Михаила Трохимовского В. В. Капнисту, в которых тот дает поэту врачебные советы.

2

В 1929 году в домике Трохимовского открыли музей. Он был беден, но в нем показывали некоторые вещи Гоголя – его портфель, сюртук. Они перешли сюда от бывших владельцев Васильевки. После войны на этом месте зияло пепелище. Вся Полтавщина тогда напоминала селение, по которому прошелся большой пожар. Война и Васильевку опустошила. Немцы вырубили сад и парк. Уходя, поджигали хаты, а колодцы заливали бензином. Если б не поспевшие на бахчах арбузы, жители села умерли бы от жажды.

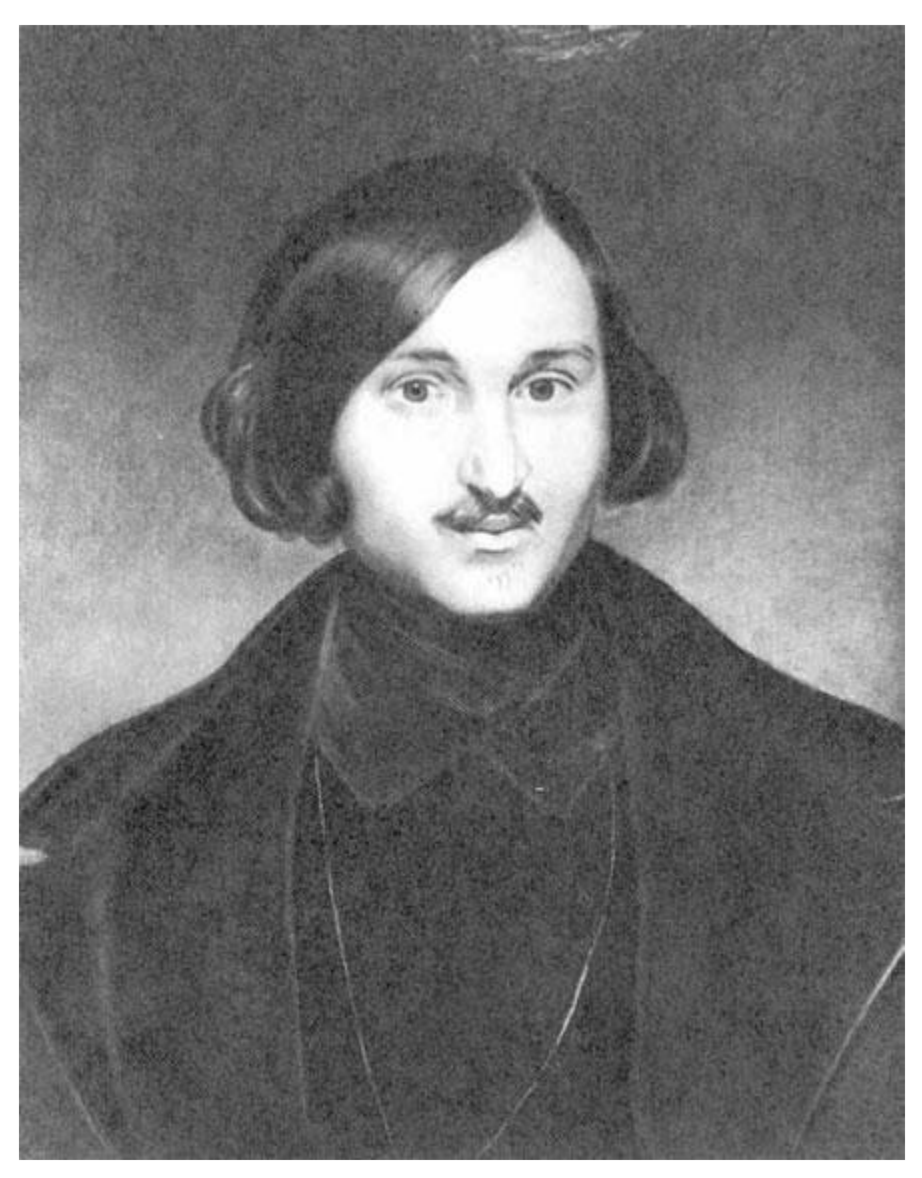
Об этом мне рассказывал отпускник-майор, с которым мы вместе ехали из Васильевки в Полтаву. У майора был удивительно острый, по-гоголевски птичий и длинный нос.

Дом в Сорочинцах не восстановили, на его месте построили новый. Кирпичный, низенький, он побелен так же чисто, как белят на Украине старые хатки. В затененных зеленью сада окнах видны просветы неба, прохлада даже в самые жаркие дни царит в бережно убранных, до блеска отмытых комнатах. Перед входом стоит бюст Гоголя. Гоголь иронически улыбается.

В Сорочинцах нашлись люди, которые по собственному почину стали собирать библиотеку музея. Один из них – Г. С. Брайко – ездил в Москву и Ленинград, скупал бесценные издания Гоголя у букинистов. Иные из букинистов не верили, что в Сорочинцах можно сохранить редкие книги, приезжали сюда сами, смотрели, удостоверялись, что «старый» Гоголь обрел надежный приют. Деньги на книги собирали у любителей литературы. Сейчас в музее редчайшее собрание сочинений Гоголя, вышедших при его жизни.

Есть тут и вещи Гоголя – жилет, цилиндр, портфель, чемодан. Есть сделанные его рукой рисунки, отрывок из письма лицейскому товарищу. И копия портрета работы Ф. Моллера, очень похожая на подлинник. Портрет этот Гоголь подарил матери, и однажды – уже после смерти сына – Мария Ивановна приняла портрет за его живое лицо. Она была женщина «страшного воображения», как любил выражаться отец, Гоголя Василий Афанасьевич.

Спасо-Преображенская церковь в двух шагах от музея. Стоит она на обрывистом берегу Псела. Берег не так высок, но с него открывается вид на окрестности, на раскинувшиеся над Пселом луга. Церковь выстроена в стиле украинского барокко. Золоченые кресты, зеленые купола оттеняют яркую белизну стен, украшенных национальной лепкой. Кажется, каменный рушник опоясывает ее карниз и надвратные изгибы стен.

Николай Васильевич Гоголь. Портрет работы Ф. Моллера. Рим. 1841 г.

Когда смотришь на эту гоголевскую реликвию со стороны заречья или с моста, по которому подъезжала к Сорочинцам красавица Параска, героиня «Сорочинской ярмарки», то церковь кажется величественной, огромной. Тень ее при заходе солнца падает через весь Псел. Сорочинцы тонут в садах, крыши хат (а теперь уже каменных домов) как будто утоплены в зелени деревьев. Изобильна полтавская земля, все родит, всем кормит – всякого «дрязгу», как говорил Гоголь о яблоках, грушах, вишнях, абрикосах, здесь много.

3

Гоголь любил дорогу, действие многих его сочинений происходит в дороге. С дороги, ведущей в Сорочинцы, открывается его первая повесть, дорогою заканчивается и последняя – последние главы «Мертвых

душ», – это дорога Чичикова, дорога Хлобуева, дорога князя, едущего с отчетом государю в Петербург.

Гоголь всю жизнь ездил. Беспокойство гнало его по городам и весям, он нигде подолгу не заживался, не задерживался. И всюду он был гость, проезжий путник, а не постоянный житель. Недолго жил он в Петербурге, в Риме, все время выезжая из него, скитаясь по Европе, в Москве. И до последних дней своей жизни мечтал он куда-нибудь уехать – на острова Средиземного моря, на Камчатку («хоть фельдъегерем», – грустно иронизировал он), в Сибирь (чтоб собрать материалы для второго тома «Мертвых душ»), в волжские губернии, на Север, в Кострому, в Ярославль. И очень хотелось ему в Крым, к теплу, к которому он, южанин, так привык с детства и которое ему дарил Рим. «Весной, – пишет он сестре Ольге в декабре 1851 года, за два месяца до смерти, – если поможет Бог… надеюсь заглянуть к вам…»

Но не суждено ему было более посетить места своего рождения. Летом в Васильевку из Москвы прибыли сначала сундуки с книгами, вещи Гоголя, которые сопровождал мальчик Семен Григорьев (присутствовавший при сожжении второго тома поэмы и при кончине хозяина), затем и его бумаги. Их привез С. П. Шевырев. Он писал в своем дневнике: «Крестьяне Васильевки и козаки (вольные крестьяне), знавшие покойного, никак не думают, чтобы он умер, а говорят, что у него было много врагов и император Николай Павлович, чтоб скрыть его от врагов, услал в Европу западную отыскивать брата его Александра Павловича, также еще живого, но что он возвратится. Они гадали об нем – и выходило, что он жив».

Гадали по-всякому, в том числе и так: в чистую крынку с глянцевыми стенками сажали паука. Если паук за ночь выберется из крынки (или горшка), то тот, на кого гадают, жив. Если нет – умер. На Гоголя гадали – получилось, что жив.

В семье Гоголя верили в приметы и предсказания, Василий Афанасьевич незадолго до кончины своей слышал «голоса», предвещающие ему смерть. «Голоса» слышались в последние дни жизни и его сыну.

Отсюда, из Сорочинец, начал он свой путь по жизни. Здесь – в окружении детей помещиков, поручиков, крестьян, козаков – был записан в метрическую книгу Спасо-Преображенской церкви и получил духовное напутствие. В книге этой рядом с отметкой о рождении и крещении Гоголя помянуты некие Иван Зеленый, Матвей Могильный, Василий Пищилыка (один – мещанин, другой – козак, третий – «порутчик»). У всех записано: «Местечка Сорочинец… родился и… крещен». Про Гоголя сказано: «У помещика Василия Яновского родился сын Николай и крещен…» Не сказано весьма важного: «Местечка

Сорочинец». Только про одного Гоголя и не сказано. Может, он и вправду родился в дороге?

В «Сорочинской ярмарке» Гоголь воздает должное своей родине. Родина есть родина – она и праздник души, и грусть, и все, что описано Гоголем в первых строках этой повести: «Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии!..»

Глава II

Васильевка

1

16 мая 1848 года Гоголь писал в письме к А. С. Данилевскому: «Ты спрашиваешь меня о впечатлениях, какие произвел во мне вид давно покинутых мест. Было несколько грустно, вот и все. Подъехал я вечером. Деревья – одни разрослись и стали рощей, другие вырубились. Я отправился того же вечера один степовой дорогой, позади церкви, ведущей в Яворивщину, по которой любил ходить некогда, и почувствовал *сильно* (выделено Гоголем. – *И. З.*), что тебя нет со мной. Вероятно, того же вечера я был в То́лстом, но То́лстое пусто, и мне стало еще грустнее… Чувство непонятной грусти бывает к нам ближе, чем что-либо другое. Василия Ивановича я, однако же, видел и у него плотного ремонтера[1] средних лет, Николая Васильевича, которого прежде видел делающим микроскопические дрожечки вместе с братьями».

Письмо это сразу отбрасывает несколько отсветов и в сочинения, и в жизнь Гоголя. Вспомним для начала такой эпизод из «Ревизора». Петр Иванович Добчинский на приеме у Хлестакова. Он рассказывает Хлестакову о своем старшем сыне: «Мальчишка-то этакой… большие надежды подает: наизусть стихи разные расскажет и, если где попадет ножик, сейчас сделает маленькие дрожечки, так искусно, как фокусник-с…» Способности ремонтера из сельца То́лстое, принадлежавшего отчиму А. С. Данилевского В. И. Чернышу, Гоголь отдал своему герою. Воспоминание то было взято из детских лет, стало быть, и плотный ремонтер Николай Васильевич (тезка Гоголя) был в то время ребенком, по годам под стать сыну Петра Ивановича Добчинского.

Гоголь всегда так: будто и сочиняет, выдумывает, берет все из своего воображения, но шкатулка памяти подбрасывает кое-что и из своих запасов. То фамилия выглянет знакомая (бабка Гоголя была Лизогубиха; Пульхерия Ивановна в «Старосветских помещиках» – Товстогубиха), то дом, в котором живет один из приятелей Поприщина («Записки сумасшедшего»), окажется домом, в каком жил в Петербурге

сам Гоголь, то невеста в «Женихах», переделанных потом в «Женитьбу», получит родовую примету сестер Гоголя – длинный нос.

Искали и до сих пор ищут пасеку, на которой жил Пасичник Рудый Панько. Ищут ее вблизи Диканьки, ищут в других местах – не могут найти. А надо встать лицом к востоку и отправиться из Васильевки той самой степовой дорогой, которую поминает Гоголь. Менее чем через час ходьбы очутишься в густой роще яворов (так на Украине называется разновидность клена), лип и дубов, там, где стояла когда-то пасека Гоголей и где жил, конечно, «пасичник», но не Рудый Панько (его Гоголь выдумал), а какой-нибудь старик из Васильевки, знавший много сказок про эту местность, полную чудес и преданий. И сейчас, когда вступаешь под сень деревьев, окунаешься в их густую тень и земля начинает уходить вниз в овраг, на дне которого громко – в мертвой тишине уснувшего леса – гремит ручей, кажется, переступаешь в иной мир.

Дорога мимо Яворивщины ведет далее, в Диканьку, по ней не раз ездили и ходили Гоголи на богомолье. В Диканьке было две церкви: Троицкая, стоящая посреди села, вся увитая резною лепкой, нарядная, парадная, и строго-красивая, с гладкими стенами и широким, приплюснутым куполом церковь Николы Диканьского, родовая церковь владельцев Диканьки Кочубеев, фамилия которых образовалась от имени их татарского предка Кучум-бея. Были Кочубеи широколицы и узкоглазы, их азиатское происхождение сказывалось и в их характерах. Они были дерзки, решительны. Василий Леонтьевич Кочубей сложил голову на плахе по навету Мазепы. Его дочь, увековеченная Пушкиным в «Полтаве», полюбила старого гетмана. Матрена, или Мотря, Кочубей назначала гетману свидания ночью под дубом, встречалась с ним в околдованном диканьском лесу (Диканьку потому и назвали Диканькой, что леса вокруг нее были дикие), а кончила послушничеством, монашеством, и похоронили ее, по рассказам, на кладбище Крестовоздвиженского монастыря в Полтаве. Монастырь тот стоит на горе и поныне (остались стены, колокольня, реставрируется церковь), но могила дочери Кочубея затерялась.

Письмо Гоголя А. С. Данилевскому возвращает нас и к тому эпизоду в его жизни, когда впервые обрел он друга – друга в виде сверстника, сына соседей Саши Данилевского. Был этот мальчик строен, красив, яркоглаз, яркогуб.

Данилевский – это первые игры, первые откровения юности, первые мытарства в Петербурге. Детство, проведенное бок о бок, юность, мелькнувшая, как ласточка за окном, затем холодная квартира на Гороховой – первое их обиталище в Северной Пальмире, новая квартира на Екатерининском канале; переезд в дом Зверкова – все это вместе с

Данилевским, вместе с «ближайшим», «братом», как станет называть его в своих письмах Гоголь.

Двенадцать детей родила Мария Ивановна, были среди них и сыновья, да рано умирали. Дольше всех прожил брат Иван, который был младше Гоголя на год, другие же – Андрей, Дмитрий, умерли младенцами.

Гоголь поздно научился говорить (в три года) и очень стеснялся вначале говорить на людях. Он даже свои любимые песни, слова в которых он произносил довольно ясно, пел, закрывшись за дверью:

Бабка кисіль варила,

На морозі цідила.

К брату Ивану Гоголь был очень привязан, вдвоем провели они год в полтавском поветовом училище, но Иван пропускал уроки, часто болел, родители взяли его обратно в Васильевку, но, видно, не суждена ему была долгая жизнь. Гоголь лишился брата, когда ему было десять лет. Он плакал, сочинил о брате и о себе трогательную поэму под названием «Две рыбки», где скорбел о смерти одной из них.

Вообще фатальность в отношении к потерям была одной из черт Гоголей. Василий Афанасьевич никак не мог смириться со смертью своей любимой дочери Анны. Он уходил за усадьбу в поле, ложился там на землю и плакал. Однажды после очередного приступа горя он заснул на сырой земле и с тех пор стал слабеть грудью. От этой болезни он и умер.

Уезжая лечиться в Лубны в 1825 году, он сказал Марии Ивановне, что едет умирать, и слова его сбылись.

Мария Ивановна, когда узнала о его смерти, отказывалась от пищи и не хотела жить. В потере близкого существа было не только горе, невозможность сжиться с утратой (Мария Ивановна возроптала даже на бога, хотя свято верила в него). В потере видели знак, намек, предупреждение. Мария Васильевна Гоголь, старшая из сестер Гоголя, рано потеряла мужа. Она чахла и чахла, блекла ее красота, не нужная никому, и, когда Данилевский (а он вырос в красавца и сделался любимцем женщин) не ответил на ее чувство, для нее все кончилось. Скоротечная чахотка свела ее в могилу.

Для самого Гоголя смерть брата, смерть отца были ударами, от которых он не оправился. Они сделались началом тех недобрых предзнаменований, которые преследовали Гоголя всю жизнь. Очередная смерть близкого или даже знакомого человека как бы напоминала о его собственной близящейся смерти.

Вспомним, как Пульхерия Ивановна в «Старосветских помещиках» говорит о пропавшей кошечке, которая вдруг вышла из леса, что это ее смерть за ней приходила. После этого она ложится в постель и уже более не встает. Смерть приходит от сознания смерти, а не от какой-нибудь болезни. Так же и Афанасий Иванович. Услышав в жаркий день в саду голос Пульхерии Ивановны (уже покойницы), он верит, что она пришла за ним, зовет его. И так же быстро «уходит» вслед за ней.

2

Вообще Гоголи жили недолго. Василий Афанасьевич скончался на сорок восьмом году жизни, Гоголь не дожил до сорока трех лет. Как говорил он о себе и о своем отце, сложения они были слабого. Но вот прадед Гоголя, Василий Танский, дожил до восьмидесяти пяти лет. Этот петровский полковник, бывший приближенным гетмана Скоропадского, все перенес – и славу, и бесславье (когда его сослали за жестокое обращение с козаками в Илимск), и потерю имений, и семь лет Сибири. Жену его звали Ганна (Анна), она была женщина с крутым характером; единственную дочь свою они тоже назвали Ганнусей (вспомним героиню «Майской ночи», возлюбленную Левко), – она и стала женой Семена Лизогуба, чья фамилия тоже была известна на Украине: Лизогубы состояли в родстве, с одной стороны, с гетманом Скоропадским, с другой – с Павлом Полуботком, который, по народной легенде, в цепях в тюрьме дал свой грозный ответ царю Петру, напоминая ему о Страшном суде перед лицом всемогущего бога (этот сюжет вдохновил художника Волкова, написавшего картину «Петр I и Полуботок»). Так что среди предков Гоголя были и свои возмутители спокойствия. Полковник Танский, судя по всему, человек смелый, но и честолюбец, испытавший тяжесть опалы, к концу жизни раскаявшийся и нашедший утешение в вере, смутьян Полуботок и прадед Гоголя Семен Лизогуб, – тихий, набожный, добрый, – таковы были крови, которые смешались в роду Гоголя и образовали свою взрывчатую смесь.

Потому что, несмотря на добрый нрав, в гневе Гоголь бывал и резок и неудержим, его ум, «карауливший над собою», как любил он говорить о своем уме, не всегда имел власть над чувством.

Кроткая кровь Семена Лизогуба породила воплощенный образ любви и добросердечия – бабку Гоголя, Татьяну Семеновну Лизогуб. Ее черты он отдал любимой своей героине – Пульхерии Ивановне Товстогуб.

«Отдаленная деревня» Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны так же удалена от городов, как и Васильевка – имение отца Гоголя Василия Афанасьевича Гоголя-Яновского, доставшееся ему в наследство от матери, Татьяны Семеновны. И «низенький домик с галереею из маленьких почернелых деревянных столбиков», и ковер под развесистым кленом (где, кстати сказать, любили проводить время

сестры Гоголя), и двор с амбарами и кухней, и пруд – все это виды Васильевки, все это родина Гоголя, его пенаты. Кстати об одной подробности, оправдывающей «владетелей» этой деревеньки. У Гоголя сказано: «Я иногда люблю сойти на минуту в сферу этой необыкновенно уединенной жизни, где ни одно желание не перелетает через частокол...» Обычно эти слова относят к героям повести, относят и ставят им в вину – вот, дескать, как скудно они жили, ни о чем, кроме своего дома, не думали. Но речь здесь идет не о них, а об авторе, вспоминающем их жизнь, о его желаниях в данную минуту воспоминания, погруженных в собственное вдохновение. Это *его* мысли не перелетают через частокол. Гоголь действительно любил «эту скромную жизнь», как признается он в первых строках повести. Не раз его бричка или коляска останавливалась у крыльца дома в Васильевке, где жили его мать и сестры и где он провел одиннадцать лет жизни. Сначала он наезжал сюда студентом, потом автором «Вечеров на хуторе близ Диканьки», затем – «Миргорода» и «Арабесок» и, наконец, просто *Гоголем*.

«Я думаю, все переменилось, но мое сердце всегда останется привязанным к священным местам родины», – писал он матери в 1825 году. Эти слова он мог бы повторить и на закате жизни. По свидетельству племянника Гоголя, Н. Трушковского (сына сестры Гоголя Марии), Гоголь хотел, чтоб его прах покоился в Васильевке.

«Сегодня ездил с Трушковским в Данилов монастырь, – писал в одном из писем биограф Гоголя П. Кулиш. – Дорогою он объявил мне, что Гоголь завещал перевезти его тело в Васильевку». Сейчас на месте бывшего Васильевского кладбища, находившегося, как и все сельские кладбища, у стен церкви, осталась одна могила – могила родителей Гоголя, Василия Афанасьевича и Марии Ивановны Гоголей-Яновских.

Васильевская усадьба делилась на две части прудом, по ту сторону пруда, на возвышении, ничего не было – одна голая земля. Гоголь насадил там маленькие клены, липки, дубки. Он брал в руки пригоршню камней и разбрасывал их по полю – где камень упадет, там и расти дереву. К концу века, когда Гоголя давно уже не было в живых, парк разросся и в нем построили дом, в котором поселился сын сестры Гоголя, Елизаветы Васильевны – Н. Н. Быков. Судьба свела ветви Пушкина и Гоголя – внучка поэта, Мария Александровна, стала женой Н. Н. Быкова.

Дочь Н. Быкова, Софья Николаевна Данилевская, рассказывала мне в 1979 году в Полтаве, что на их – быковской – стороне по просьбе Гоголя крестьянами был насыпан невысокий холм земли, с которого, если подняться на самый его верх, была видна соседняя усадьба Черныша. А еще говорили, что в нем спрятал Николай Васильевич перед отъездом из Васильевки свои рукописи. «Мы детьми часто играли возле этой насыпи, – рассказывала Софья Николаевна, – и даже пытались разрыть

ее, прорыли глубокую нору, но ничего не нашли». «Когда поэта спрашивали, – пишет В. Чаговец, – зачем он насыпает этот холм, он, говорят, ответил: «Когда-нибудь люди будут очень благодарны мне за это». Эти таинственные слова Гоголя и дали повод для слухов о зарытых в земле рукописях.

Отец Гоголя умер 31 марта 1825 года. Смерть настигла его в имении родственника Гоголей, Д. П. Трощинского, Кибинцах. Мария Ивановна, узнав о его кончине, просила ее положить рядом с мужем, отрезала прядь его волос, спрятала их на груди. Несколько дней она молчала, не хотела даже видеть детей, но потом сила жизни взяла верх. Она пережила мужа на сорок три года (а сына на шестнадцать лет) и умерла от апоплексического удара в дни Пасхи.

Мария Ивановна, в возрасте одного года отданная родителями тетке Анне Матвеевне Трощинской, училась лишь зиму, добирала знания умом, сметливостью, через мужа и детей. Отец ее, Иван Матвеевич Косяровский, был почтмейстером. Это была в некотором роде фамильная гоголевская профессия. И Василий Афанасьевич начинал службу по почтовой части и долго числился в ней. И покровитель семьи Гоголей могущественнейший вельможа Д. П. Трощинский, переживший трех царей и у каждого из них бывший в чести, состоял одно время министром почт.

Василий Афанасьевич только числился, как мы сказали, по почтовой части, но на самом деле не служил, чины шли ему в порядке производства. Отец хотел записать Василия в гвардию, чтоб он таким же образом повышался в военных чинах, но к тому времени состоять в гвардии, не служа, как было ранее, стало невозможным (эту привилегию для дворян отменили), и Афанасий Иванович через Трощинского хлопотал об устройстве сына в Московский университет. Но и туда не суждено было попасть отцу Гоголя.

Он, окончив духовную семинарию, остался помещиком, хозяином бывшего хутора Купчинского, доставшегося его бабке еще от Танских, и сельца Яреськи. В детстве Васюта любил голубей, писал стихи; этим занятиям он предавался и в зрелом возрасте. Поэта из него не получилось, почтовым служащим он был только на бумаге, все его интересы сосредоточились в семье.

Единственным его увлечением был театр. Расторопный помещик преображался, когда в специально построенном Трощинским в своем имении Кибинцы здании распахивался занавес и зрительный зал замирал перед сценой, с которой начинали звучать речи героев древних трагедий, перебранка героев «Недоросля» или капнистовской «Ябеды».

Василий Афанасьевич играл в этих пьесах, оформлял спектакли, даже принимал участие в шитье костюмов. Вместе с ним на подмостках кибинецкой сцены появлялась и Мария Ивановна.

После отца Гоголя осталось две коротенькие комедии (одна из них – «Простак або хитрощі жінки, перехитрені москалем. Комедія на одну дію» – дошла до наших дней) и несколько стихотворений.

В семье Гоголей была своя поэтическая традиция. Стихи писали и двоюродный брат Марии Ивановны, Иван Петрович Косяровский, и некогда Василий Танский. Также сказывалось влияние и духовного звания предков Гоголя по деду – Афанасию Демьяновичу. Гоголи ездили на молебствование в далекие и ближние монастыри, в Ахтырку, в Лубны, а позднее в Киев, в Воронеж. Но чаще их дорога пролегала из Васильевки в Диканьку, где в церкви Николы Диканьского (справа от иконостаса) стояла в серебряном окладе икона Николая-чудотворца, «крестного отца» Гоголя. Отец и мать молились перед этой иконой о даровании жизни их дитяти.

Икона, по преданию, «явилась» диканьчанам на обломке дуба, сваленного грозой, и засияла тихим голубым сиянием. Она являлась трижды – и на этом месте поставили божий храм. Из того дуба, на котором явился образ Николая-чудотворца, сделали крест, крест вкопали в землю и на том месте воздвигли алтарь. Этот крест, как бы ставший основанием церкви, ее краеугольным камнем, и по сей день – не источенный временем – стоит прочно.

Была церковь и в Васильевке. Строительство началось еще при бабушке и дедушке Гоголя и окончилось, когда он вырос. Сначала Афанасий Демьянович хотел поставить деревянную церковь, что обошлось бы дешевле. Но полтавское духовное начальство запретило. На каменную денег не было, и Татьяна Семеновна велела провертеть в своем сундуке дырку и стала бросать туда медяки. Длинный и высокий сундук этот при Гоголе стоял в девичьей. Годы шли, а сундук пополнялся медленно. Умер Афанасий Демьянович, хозяином Васильевки стал его сын, а молиться все так же ездили в Сорочинцы или в Диканьку. Особенно трудно это было весной, так как Голтва разливалась и смывала мосты. Тогда Василий Афанасьевич и Мария Ивановна решили присоединить к бабушкиным деньгам выручку от четырех ярмарок. Архитектора, вычертившего план, наняли по знакомству – из Кибинец. Архитектор-итальянец за малую плату набросал план скромного одноглавого храма. Каменщик запросил 6000 рублей. Ему платили по долям – сколько набиралось денег, столько и давали. Кирпич «выпалювалы» на собственном кирпичном заводе, а песок возили мужики и козаки, согласившиеся делать это без платы.

Три года понадобилось, чтоб, наконец, на высоком месте села, там, где раньше гоняли скот на пастбище, у выхода в Яворивщину, граничившую с имениями Кочубея, встала церковка. Она была маленькая, белая, с зеленой луковкой-куполом и единственным крестом. Но она сразу организовала вокруг себя и господский дом, и хаты и всю местность как бы приподняла, освятила своим присутствием. Дом стоял напротив, и надо было перейти лишь дорогу, чтоб попасть из усадьбы на церковный двор.

По семейному преданию, церковь Василий Афанасьевич и Мария Ивановна заложили в благодарность богу за рождение сына. Иконостас родители Гоголя хотели заказать своему знаменитому земляку Владимиру Лукичу Боровиковскому. Боровиковский родился в Миргороде и до 1785 года жил там, занимаясь, как и его отец, религиозной живописью. Перебравшись в Петербург, он стал известен как портретист.

Кисти Боровиковского принадлежат портреты Г. Р. Державина, В. В. Капниста, Д. П. Трощинского. Гоголи не хотели отстать от своих знатных знакомых и, вероятно, через Капнистов или Трощинского обратились к художнику с просьбой принять их заказ. В «Гоголиане»[2] есть переписка между Василием Афанасьевичем и доверенным лицом В. Боровиковского В. Леонтьевым. В. Леонтьев сообщает отцу Гоголя, что «В. Л. Боровиковский соглашается написать иконостас за 2 тысячи рублей». Чем кончилась эта история, мы не знаем. Вероятнее всего, Гоголи отказались от тщеславной идеи, так как цена была запрошена немалая. А денег и так не хватало: чтоб купить плащаницу, пришлось продать столовое серебро. Первые годы церковь стояла без ограды. Потом, когда Гоголь прислал матери деньги в подарок, она выстроила каменную ограду.

3

Таинственна глубина лесов на родине Гоголя. И невелики они, а темны, глухи. Мерцает сквозь листву остекленевшая вода прудов, затянутых по краям ряской, в лунную ночь так и кажется, что появятся на берегу пруда русалки, кто-то завоет в чаще, кто-то откликнется. Стоят вдоль дороги в Диканьку тысячелетние дубы-великаны – осталось их всего три (когда-то, во времена Мазепы, была целая роща), – и о чем-то перешептываются их поредевшие кроны. Им есть о чем рассказать друг другу.

От Яворивщины рукой подать до Жуков (там стояли на постое шведы в 1708–1709 гг.), а от них уже и до Диканьки. «Богат и славен Кочубей, его поля необозримы», – писал Пушкин. Все вдоль этой дороги принадлежало богатым соседям Гоголей. Скромная Васильевка казалась маленькой перед лицом Диканьки, щедро раскинувшейся вдоль

Зеньковского шляха, ведшего из Полтавы в Петербург. Диканька была украшена двумя церквами и белыми каменными триумфальными воротами на въезде, которые воздвиг в честь визита царя Александра I хозяин усадьбы Кочубей.

Сам хозяин жил в Петербурге, был министром.

Это соседство стесняло Гоголей, как, впрочем, и родство с Д. П. Трощинским, при котором Василий Афанасьевич, по существу, состоял управляющим его экономиями. В «Гоголиане» хранится деловая переписка отца Гоголя с подчиненными ему приказчиками и управляющими имений и усадеб Трощинского, разбросанных не только на Полтавщине. В ней есть письма о посылке Дмитрию Прокопьевичу архитектора для сооружения крыльца в Кибинцах, о поставках ему турецкого табаку и зайцев к обеду. Многие из местных помещиков благодарят Василия Афанасьевича за услугу, кто-то готов поднести и ему «подарочек», чтоб он замолвил слово у «вельможи». Соседи спрашивают о новостях, которые могли просочиться из Кибинец, приказчик – о том, сколько выдать крестьянам хлеба в неурожайный год, другой помещик – о цене продаваемой семьи крепостных.

Отец Гоголя был бережлив, запаслив. Ни одна бумажка у него не пропадала. На письмах, записках, присланных из Кибинец и из других мест, он писал: «Получено такого-то», «Отвечено такого-то». Аккуратно складывал записки в конвертик, а конвертик клал в конторку. Оттуда они по прошествии времени перекочевывали в фамильный сундук. В сундуке лежала грамота о присвоении Гоголям дворянства, счета и казенные бумаги из суда, из палат, из Миргорода, Полтавы, Киева.

Служба при Трощинском требовала унижений – в любую минуту «благодетель», как звали в доме Дмитрия Прокопьевича, мог вызвать в Кибинцы, в ночь-полночь потребовать объяснений. Это мучило отца Гоголя, который был горд, самолюбив. Закипала в нем кровь Танских и Полуботков. Но верх брали лизогубовское смирение и душевность.

Отец Гоголя остался в описаниях биографов немножко как чудак, отчасти как поэт, а более как хозяин, погруженный то в свои заботы, то в заботы и дела Трощинского. Он и в самом деле пописывал комедии, стихи, имел в парке специальный грот, выложенный из камней, который назывался гротом отдохновения. Хозяйственная сметка уживалась в нем с поэтической грезой. Среди его стихотворений были и такие:

Но что же делать мне, я, право, сам не знаю,

Без денег трудно жить, а что я затеваю,

Того уж невозможно исполнить никогда,

Но, впрочем, бы не худо – да что же за беда —

Продать отцовский дом старинного фасаду,

Но одного при нем фруктового жаль саду…

Позже он вставил эти стихи в одну из своих комедий.

Но помимо этих его странностей – странностей на фоне помещичьего захолустья, – Василий Афанасьевич был человек глубокий, умный, человек сильных, но скрытых страстей. Его переписка с Трощинским, сохранившаяся по большей части в черновиках, которые отец Гоголя оставлял для себя, полна оппозиционных интонаций. Эти интонации в беловиках Василий Афанасьевич смягчал, убирал – в черновиках они остались. Василий Афанасьевич не то чтобы перечит грозному родственнику (а Дмитрий Прокопьевич был зело строг), но уклоняется от подчинения ему. Он сказывается больным, ссылается на какие-то «припадки», которые мешают ему прибыть в Кибинцы, на «воображение». Твердая рука Трощинского и достает, и как бы не достает его. Одна воля наталкивается на сопротивление другой воли, не менее властной.

Но если Трощинский говорит прямо (и его письма сохранились), то Василий Афанасьевич отвечает уклончиво. Иногда словесная казуистика его писем настолько темна, что даже опытный графолог и психолог не сможет точно сказать, соглашается ли Василий Афанасьевич с Дмитрием Прокопьевичем или требует, чтоб с ним согласились. Например: «Признательно осмеливаюсь доложить… по сему предмету, что сколько мне ни приятно служить всеми силами вашему превосх. (наверху: «оставляя свои». – *И. З.*), столько прискорбно, что я не могу показать вам сего видным образом моего рвения о ваших пользах… не удачные годы от многих причин беспрестанно как бы нарочно встречаться, чтобы затмить… мои…» и т. д. Самолюбие, не имея сил высказаться открыто, ищет обходных путей, стилистических околичностей, оно утаивает себя под слогом, как бы ссылаясь на несовершенство последнего.

Отец писателя Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский

Так будет писать свои письма и Гоголь. Так писал их и дед его Афанасий Демьянович. Он сам пробивал себе дорогу в жизни. Хватка человека, привыкшего все устраивать самому, сочеталась в нем с неким ухарством и удалью безрассудного козака, хотя дед Гоголя ни в каких битвах не участвовал, а – по окончании Киевской духовной академии – служил в канцеляриях и дослужился до войскового канцеляриста. Зато он знал пять языков – русский, греческий, латынь, польский, немецкий, – не говоря уж об украинском, и мог блеснуть цитатой, книжным оборотом, премудрым силлогизмом, а то и чтением наизусть целой поэмы, чем, вероятно, и пленил юную Татьяну Семеновну.

История их любви отчасти описана Гоголем в «Старосветских помещиках». Афанасий Иванович (Гоголь только отчество деда изменил) увозит из дома Пульхерию Ивановну, они венчаются на стороне.

Дед Гоголя родился в 1738 году, и Гоголь, судя по всему, не застал его в живых. Но бабушку он помнил. Она пела ему козацкие песни, учила вышивать по тюлю, она первая дала ему в руки карандаш и бумагу и попросила срисовать пейзаж: кусочек пруда, дерево на берегу. У бабушки в саду стоял отдельный домик, и стены его, как и у Пульхерии Ивановны, были увешаны пучками трав, картинками осьмнадцатого века, так же засиженными мухами, как и в домике Товстогубов. Вот что пишет знаток детства Гоголя В. Чаговец: «Общие характерные черты жизни и взаимных отношений старосветских помещиков… могли быть известны Гоголю из рассказов, передаваемых старыми людьми, но некоторые факты… поэт почерпнул из письменных источников; так, например, страсть Афанасия Ивановича к составлению различных наливок, настоев, «декохтов» – черта любопытная и имеющая прямое отношение к деду поэта. В нашем распоряжении находится интересная тетрадь, составленная Афанасием Демьяновичем, наполненная рецептами для различных «декохтов» и настоек, и, что всего интереснее, там встречаются те же названия (как перегонять водку на персиковые листья, на черемуховый цвет, на золототысячник, на вишневые косточки), что и в повести Гоголя, точно так же и лекарственные настойки на шалфее (от боли в лопатках), на золототысячнике (от звона в ушах и от лишая) или различные соленья и способы их приготовления, упоминаемые в повести».

О деде Гоголя еще известно, что он любил гостей, любил рассказывать анекдоты и современные истории, сведения о которых доносились к нему через своих людей из Полтавы.

Верстах в тридцати пяти от Васильевки находилась деревня Олиферовка. Там в местной церкви священствовал дядя Гоголя – двоюродный брат Василия Афанасьевича. Сам род Гоголей-Яновских происходил из духовного звания. Прадед поэта, отец Иоанн (Ян) Гоголь, ведший свою родословную от некоего полковника Гоголя (то ли Остапа, то ли Андрея), тоже имел свой приход в селе Кононовке.

Вот почему в сочинениях Гоголя так много дьяков, поповичей (вспомним поповича, который перелезает к Солохе через забор). Читатель помнит, конечно, и дьяка Диканьской церкви Фому Григорьевича, автора «Вечера накануне Ивана Купала», «Пропавшей грамоты» и «Заколдованного места».

«Заколдованные места» встречаются и сейчас на родине Гоголя. Стоит выехать из бывшей Васильевки в сторону Шишак, простучать колесами по бревнышкам Каменецких мостков (по ним не раз ездил Гоголь)[3] и взять немного влево, мимо села Малокивщина, как вскоре за селом откроется вид, которого, как любил говорить Гоголь, трудно сыскать в природе. Кругом необозримая даль, впереди виднеется лес, спускающийся вниз, к реке. Лес тот загадочно синеется, наплывает по

мере приближения к нему, и темная его стена становится все выше и выше, она встает до неба, и, когда въезжаешь под купы деревьев, лес сразу поглощает, проглатывает, и ты оказываешься во власти его безмолвия, его пугающего безлюдия.

Этот лес зовется Стенкой, и принадлежал он когда-то Гоголям. Стенка по-украински означает спуск к реке. Этот спуск зарос деревьями, и вершины их, волнообразно спускающиеся к пойме, покрывают весь ближний обзор. Сюда, в этот лес, не ходят по грибы и по ягоды, хотя и того и другого добра тут вдоволь, сюда не наведываются отдыхать в воскресные дни. В сыром нутре этого урочища много змей, они играют тут змеиные свадьбы, раздаются из утробы леса какие-то голоса, и народ боится этого места, обходит его. Поэтому нетронутой стоит трава, пышно цветут цветы, птицы собираются сюда в весенние дни на свои игрища, а людей не видать – тихо, глухо, пустынно. Свободно гуляют по нему лишь дикие кабаны да козы, лоси, не слышавшие звука ружья.

Под Стенкой, неярко мерцая, течет Голтва – речка, которая в иных местах уже пересохла, а некогда была полноводной. Какая-то серебристая нитка блестит вдали, когда смотришь на нее сверху, с острия «гоголевского шпиля» (как зовут самое высокое место Стенки), с небольшой поляны, откуда открывается вид на «все четыре стороны света». И действительно, как писал Гоголь в «Страшной мести», далеко видно вокруг. Стоит на той стороне речки одинокое ширококупное дерево – одно-одинешенькое, как бы отбежавшее от своего прародителя – леса, а за ним расстилается даль, та даль, которую можно лишь вобрать в себя душой и умилиться ей, поклониться.

Дорога бежит дальше, тонущая в наплывающих сумерках. Стенка остается позади, и через некоторое время вы въезжаете в Яреськи – село, где сейчас самый большой в Шишацком районе колхоз, а когда-то было имение Д. П. Трощинского. Да и Гоголям тут принадлежало 100 десятин[4] земли. Для сравнения скажем, что у Трощинского было – 8000 десятин земли в одной Малороссии, не считая других губерний, у Гоголей всего 1000 десятин земли и 300 душ крестьян. Были они средней руки помещики. Эти десятины и эти души получил Василий Афанасьевич в наследство от отца, а у родителей Марии Ивановны десятка душ, наверное, не набралось бы, были, как у Чичикова, только кучер, да слуга, да, может быть, две дворовые девки, да повар на кухне. Оттого и переезжал из города в город полуслепой Иван Матвеевич (из Орла в Курск, из Курска в Харьков), ища местечка потеплее, оклада пощедрее.

В Яреськах Мария Ивановна Гоголь провела детство и юность. Тут, под присмотром тетки, училась читать и играть на фортепьянах, плясать для гостей (среди которых бывал и экс-министр Трощинский) «казачка», делать женскую работу. Сюда стал наезжать к ней ее будущий жених

Васюта Гоголь, сначала тоже мальчик, потом юноша, бурсак, потом помещик.

Яреськи стоят на высоком берегу Псела – реки рек Полтавской губернии. От бывшего дома Трощинских две сотни шагов до обрывистой кручи, с высоты которой открывается не менее волшебное зрелище, чем с высоты «гоголевского шпиля». Та же река внизу – но зеркало ее шире, берега песчано-белы, ветви ив свешиваются в воду. Псел извивается крупными кольцами, все тонет в дымке, бог знает что чудится за этой дымкой – Новороссия, и Крым, и сама Азия.

В виду этой бесконечности, этой нерукотворной красоты и зародилась любовь матери и отца Гоголя. Она с девушками гуляла по берегу Псела, он, прячась с наемными музыкантами в кустах, услаждал ее слух витиеватой музыкой. Слал страстные записки, слал их с верховыми, сам наезжал через день, пока не потребовал у Косяровских руки их четырнадцатилетней дочери, и в требовании своем был неумолим: как ни мала была Маша, отдали ее Васюте и благословили.

«Лошади домчали нас до Васильевки менее, нежели в час», – вспоминала потом Мария Ивановна Гоголь.

4

Летом 1832 года Гоголь после четырех лет отсутствия прибыл в родные пенаты уже автором «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

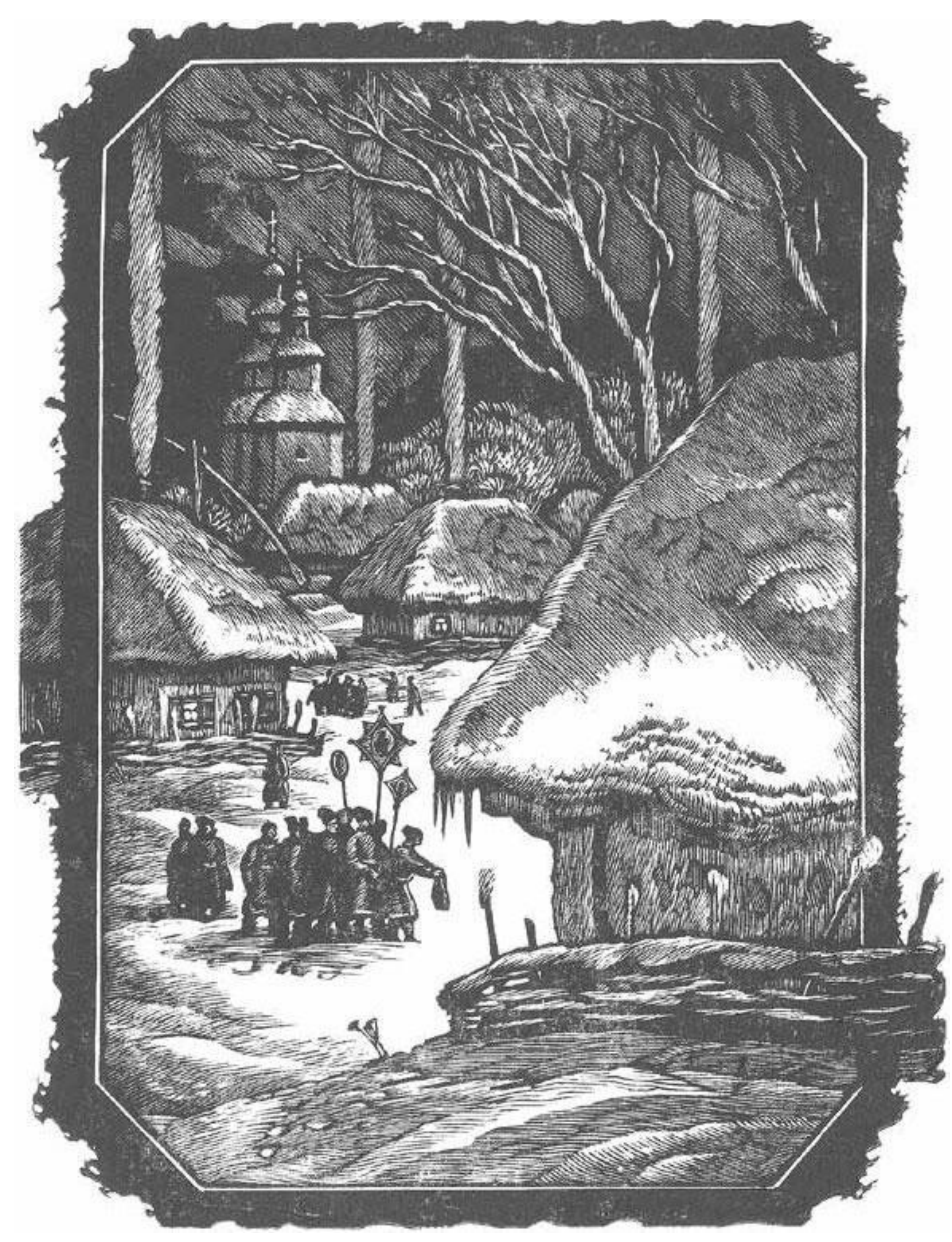
Вполне вероятно, что именно в этот приезд на родину начал он пьесу, которая сначала носила название «Женихи» и была пьесой не из столичной, а из провинциальной жизни. Весною 1831 года Мария Васильевна Гоголь вышла замуж за поляка-землемера Трушковского. Гоголь отговаривал сестру от столь раннего и не по любви брака, писал об этом маменьке, но сестра не послушалась. Сидеть в девках не хотелось. А лучших женихов не было. Наезжали в Васильевку какие-то отставные юнкера, пожилые фаты или совсем молоденькие дворянчики без роду без племени, бывшие военные, коллежские регистраторы из губернии; для них устраивались балы и танцы, но скука и тоска царили на тех празднествах. Другая сестра Гоголя, Ольга Головня, вспоминала, что выбирать было не из кого.

Гоголь наблюдал эти сцены всякий раз, как наезжал домой. Мария Васильевна готовила себя к лучшей партии, она училась в пансионе мадам Арендт, знала французский, но в захолустье ее знания были не нужны.

Первая сцена «Женихов» доносит до нас эти терзания провинциальной невесты. Она сетует: «Что это, Господи боже мой, долго ли я буду в девках оставаться? Нет-да и нет женихов. Вымерли, как будто от чумы.

Бывало прежде, благовоспитанные люди сами отправляются искать невест, а теперь ищи их. Ей-богу, никакого уважения к женскому полу. Я послала Марфу Фоминишну, не сыщет ли хоть на ярманке…»

Сваха Марфа Фоминишна разъезжает в этом варианте пьесы на таратайке, которую дал ей заседатель (любимое комическое лицо почти всех повестей «Вечеров на хуторе»), помещик Яичница расспрашивает, сколько у невесты «рыбы в прудах» (тоже намек на Васильевский пруд), а невеста, хоть и пышна телом, но… нос ее подводит. «Нос только очень длинен», – слышатся реплики. «Нос в сажень длиной. У ней нос, я вам говорю, в три аршина. Этакая машиница!»

«Ночь перед Рождеством». Худ. С. Харламов

Женихи здесь именно те, каких мог видеть Гоголь в Васильевке, и фон тут почти миргородский, сорочинский, полтавский, то есть тот, который навеяли ему впечатления летней поездки 1832 года.

Но еще одна история вошла в его душу в то лето. То была история о двух старичках, о русских Филемоне и Бавкиде, как назвал их Пушкин. Трудно поверить, что она могла ожить без освежения воспоминаний

юности, без отрадного чувства встречи с потерянным детством, с патриархальщиной украинской глуши.

Радость и сожаление охватили его, когда он ступил за порог родного дома. Умерла бабушка Татьяна Семеновна, опустел ее домик, никто больше не жил в нем, ее ласковый голос уже не звучал в знакомых стенах. Одиноко висели на них пучки зверобоя, ромашки, мяты, которыми бабушка лечила крестьян, в сундук улеглись ее платья и акварели. Но запах бабушки остался. Он веялся из старого шкафа, где когда-то висела ее одежда, от аккуратно застеленной постели, от ковриков и трав, от длинного железного сундука, где, кроме нарядов, хранился и дедовский архив. Письма дедушки Афанасия Демьяновича, его награды, дворянская грамота, счета, записки, которые дедушка писал бабушке, когда она была его невестой.

Еще в «Шпоньке», описывая одну из тетушек невесты героя, Гоголь вспомнил о «вздохе осьмнадцатого столетия» и пожалел о нем. Теперь защемило сердце при виде покинутого жилья, ушедшего прошлого, невозвратимой жизни.

Из этого чувства и родились «Старосветские помещики». Если ранее Гоголь требовал в посылках и письмах из Васильевки сведений о прошлом и таким образом самого прошлого, его сказок, вымыслов и преданий, то в этот раз он приехал на родину за настоящим и увез это настоящее в своем сердце.

В 1832 году Гоголь задержался в Васильевке ненадолго. Он просрочил свой отпуск и прибыл в Петербург глубокой осенью, когда в Северной столице уже выпал снег и Нева замерзла.

В эту осень он привез из Васильевки своих сестер Анну и Лизу, чтобы определить их в институт, в котором преподавал. Сестрам пришла пора учиться, он решил, что учиться они должны в Петербурге. И хотя в Патриотический институт принимали лишь детей военных (точнее, дочерей военных, так как институт был женский), сестер Гоголя приняли, а через некоторое время перевели на казенный кошт. Подобные благодеяния оказывались только в исключительных случаях и с согласия шефствующей над институтом императрицы.

В следующий раз Гоголь навестил Васильевку в 1835 году. В этом году вышли в свет «Арабески» и «Миргород». Маменька, не стесняясь, называла Никошу в письмах гением (за что он сердился на нее), в Полтаве, в Миргороде, в Сорочинцах и в Диканьке его считали важной птицей, и полтавский почтмейстер более не рисковал распечатывать его почту.

В подорожной, которая была выдана Гоголю, значилось, что он адъюнкт-профессор, что сбивало с толку многих станционных

смотрителей, ибо непонятное им слово «адъюнкт» сильно смахивало на «адъютанта». Кто знает, чьим адъютантом он мог быть – генерала или генерал-губернатора, а может, кого-нибудь из великих князей. Гоголь не очень старался разочаровывать стражей почтовых станций, хотя и не настаивал особенно на том, что он адъютант. Он скромно присаживался на лавку в прихожей, протягивал свою подорожную и осматривал картины на стенах, а то просил показать ему ближайшие строения, конюшню, спрашивал, сколько на станции лошадей, чем их кормят и т. д. Это внушало подозрение. Платье на нем было петербургское, одет по последней моде, да ехал с ним еще товарищ по Нежину, В. Пащенко, тоже вполне приличный господин.

По рассказу Пащенки, позже записанному биографом Гоголя В. И. Шенроком, Гоголь и он быстро входили в свои роли и, понимая, что их принимают не за тех, кто они есть, подыгрывали смотрителям. Пащенко даже в некоторых случаях заезжал вперед, старался опередить появление Гоголя на новой станции и намекал там, что ожидается важный чиновник, но держится он скромно, себя не выдает пустяками, ничего не требует, но в его портфеле очень важные полномочия. Смотрители верили, слово «адъюнкт» в подорожной делало свое дело, и приятели катили от Москвы до Полтавы безо всяких препятствий.

Так разыгралась на русских дорогах репетиция «Ревизора». «Ревизор» был написан в конце того же 1835 года, когда Гоголь, выпросивши у Пушкина сюжет комедии, духом выдал ее в свет. Конечно, это был не тот «Ревизор», который мы привыкли видеть, и даже не тот, который был представлен впервые на сцене Александринского театра в Петербурге 19 апреля 1836 года. В первых редакциях пьесы было гораздо больше подробностей, связанных с местами детства и юности Гоголя. Так, на стене в суде у Ляпкина-Тяпкина сушился табачок бакун, много слов и словечек из малороссийского быта звучало в речах героев. Да и Иван Александрович Хлестаков был еще Александром Васильевичем (отчество Гоголя), и ехал он не в Саратовскую губернию, в которой Гоголь никогда не бывал, а в соседнюю с Полтавской Екатеринославскую, то есть по тому пути, по которому не раз путешествовал и его автор.

А почтмейстер Шпекин как две капли воды походил на полтавского почтмейстера, с которым у Гоголя была давняя вражда. Городничий в первой редакции комедии прямо говорил ему: распечатай и прочти. «Весьма может быть, что там какой-нибудь или донос содержится или, может быть, просто переписка. А если нет, то можно опять запечатать – для этого есть разные глиняные формы, – или можно так отдать письмо – распечатанное…»

Сам Хлестаков в этой редакции очень напоминал его создателя в пору петербургской безвестности – с мечтами иметь платье и сапоги от

лучшего петербургского портного и сапожника, кареты от Иохима (в доме Иохима – лучшего каретного мастера в столице – жил Гоголь в 1829 году), с хвастовством, что он знаком с посланниками, министрами и «бывает у князя Кочубея». Сосед Гоголей В. П. Кочубей был в то время канцлером Российской империи.

5

Минуло тринадцать лет. Все это время Гоголь лишь писал письма на родину, но не появлялся в отчем доме. Сюда вернулись, отучившись в Петербурге, его сестры, подросла и стала невестой младшая, Оленька, умерла, так и не найдя своего счастья, Мария, оставив после себя сына, племянника Гоголя, названного в его честь Николаем.

Матушка и сестры изредка выезжали в Полтаву или на богомолье в Киев и Воронеж, но основным их местопребыванием были все та же Васильевка и Кагарлык, где гостили они у дядюшки Андрея Андреевича Трощинского. Гоголь все эти годы помогал им, помогал по преимуществу советами, так как денег у него по-прежнему не было, мечта взять маменьку с собой, пристроить при себе и таким образом обеспечить ее старость так и осталась мечтой. Сестры, получившие высшее по тем временам образование, тоже глохли в глуши. Их знание языков и хороших манер не были нужны на конюшне, в кладовой, в поле.

В Васильевке ждали Гоголя, ждали его писем, вестей о нем. Он приехал 9 мая 1848 года. Это был день его именин. Никто не был предупрежден о его приезде (он хотел сделать матери и сестрам сюрприз), крестьяне были в поле, в доме не нашлось ни пирога, ни шампанского. Наскоро выкатили во двор бочку горилки, отпустили мужиков с барщины, сестры были как безумные от счастья, маменька плакала.

Весна в тот год выдалась неудачная. Ранняя жара побила посевы, хлеб у крестьян кончился. Доставали из господских амбаров, кормили голодных, а вскоре на Полтавщину явилась холера. Заболел и Гоголь. Начались рвота, боли в желудке. Несколько дней дом в Васильевке был в тревоге. Сестра Ольга лечила его травами, мать не отходила от его постели. Он выздоровел. Сильно осунувшийся и грустный, ходил он по аллеям запущенного парка, вспоминал юность, невозвратимую пору неведения, когда все впереди казалось ликующим, светлым.

Сестры Анна и Елизавета любили брата. Он заботился о них, как мать, он и был им как мать в годы пребывания их в Петербурге – пекся об их здоровье, заказывал для них платья, ездил по магазинам, выбирая наряды и украшения. Улучив минуту, он старался побыть с сестрами – то в пустом классе института, то в коридоре; он нежно ухаживал за обеими, когда они после выпуска жили вместе с ним в доме М. П. Погодина на Девичьем поле.

«Сердце этого ангела, – писала Мария Ивановна Гоголь после смерти сына, – было полно нежнейших чувств, но он скрывал это под суровой наружностью». И это была правда. Внешне нелюдимый, казавшийся многим гордым в общении, заносчивым, Гоголь способен был на самые неожиданные проявления любви и привязанности. Так преданно любил он А. С. Данилевского, как нянька ухаживал на вилле Волконской в Риме в 1839 году за безнадежно больным И. Вьельгорским, который умер у него на руках, так верно и неизменно любил он мать (хотя бывал суров и с ней), сестер, заботился об А. А. Иванове, даже опекал его, так любил он Жуковского, Аксаковых, Языкова.

В Васильевке Гоголь пытался работать. Чтоб укрыться от жары и от домашних, он поселился в небольшом флигеле, стоявшем отдельно от дома, где у него было две комнаты. «В одной комнате стояла кровать и конторка, – пишет В. Чаговец, – перед которой он занимался (Гоголь писал всегда стоя); убранство другой комнаты было так же просто, как и первой; в ней находился стол, заваленный книгами, этажерка, диван, перед которым стоял небольшой круглый столик, два кресла и ничего больше». Три окна выходили в сад, навес над верандой подпирался тоненькими деревянными колоннами – здесь Гоголь отдыхал, здесь слушал шум дождя, как слушает его рассказчик в «Старосветских помещиках».

Впрочем, дожди редко выпадали в то лето. «Голод грозит повсеместный, – писал Гоголь П. А. Плетневу. – Урожая покуда еще нечего даже собирать. Все не выросло и выжглось, что не жнут, а вырывают руками по колоскам… Я ничего не в силах ни делать, ни мыслить от жару. Не помню еще такого тяжелого времени».

Гоголь ходил вместе с сестрой Ольгой по крестьянским хатам, они раздавали бедным деньги, травы, спрашивали о хозяйстве. Иногда он и сам отправлялся в поле и жал хлеб вместе с крестьянами. Приехавший спустя много лет в Васильевку киевский журналист В. Чаговец слышал от многих мужиков, помнивших Гоголя, что был тот «добрый барин», что помогал и советом и делом, чем мог и как мог. Он работал в саду, сажал деревья, а тем крестьянам, которые помогали ему, платил особо, потому что это был труд сверх барщины. А однажды он попросил у Марии Ивановны полведра наливки, велел испечь пирогов с сыром и пригласил всех крестьян, за исключением пьяниц и ленивых. Когда они собрались перед крыльцом, он вышел к ним, поздоровался и сказал: «Спасибо вам, добрые люди, что вы своими воликами хорошо землю вспахали моей матушке…» Затем он подал каждому стакан наливки и пирог; все пили за здоровье его и Марии Ивановны, обещая работать так же усердно, как и раньше; в заключение он дал каждому по два рубля и, простившись с ними, ушел в комнаты.

В отношениях Гоголя с народом не было ни заискивания, ни лицемерия. Он, рассердившись на своего слугу Якима Нимченко, как вспоминает П. В. Анненков, мог простодушно сказать, что побьет ему рожу, но он же и заботился об этом Якиме, женил его на девке Матрене и поселил их обоих в своей квартире в Петербурге. Позже Яким по его завещанию был отпущен на волю. Гоголь знал цену хитрости мужика, недоверию мужика к барину и невозможность откровенности между барином и мужиком, но он умел быть естественным в этом неестественном положении, при котором один подчинен другому, навсегда придан и продан другому, – для него мужик был прежде всего человек, а уж потом мужик, крепостной, его подданный, как выражались тогда. Поэтому он посылал сестре Ольге (которая со временем сделалась его ближайшим помощником в таких делах) деньги для покупки скота крестьянам, на лекарства, одежду.

«Один старик крестьянин, – пишет В. Чаговец, – на наши расспросы о Николае Васильевиче только мог ответить: «О, що то був за паныч добрый, Николай Васильевич, нехай его душенька царствуе! Бувало мене малого распытают, що роблю, що обидаю; иноди пьятака давали, а раз то подарували черевычки, таки легеньки, та крипеньки; и то довго я в них ходив; и людям теж богато помагали. Дай им бог царство небесное!» И старик снял шапку и перекрестился».

Но в Петербурге, куда Гоголь взял Якима с собой в 1828 году, тот несколько развратился, перестал готовить и предпочитал брать обед для барина в трактире, а большую часть времени проводил на лежанке за перегородкой, где или спал, или читал вверх ногами взятые у барина книги. Зимою он любил ходить «под горы» – то есть на Адмиралтейскую площадь, где устраивались ледяные горки, а весною – туда же поглазеть на балаганы, где показывали разных ученых зверей, где фокусники разрезывали человека пополам и где всегда толпился простой народ.

Гоголь, заждавшись своего слугу (который забывал почистить платье и натереть сапоги), делал за него все сам, ругал его на чем свет стоит, грозил наказать, но почти никогда не приводил своих угроз в исполнение. Их с Якимом связывали Васильевка, детство, и не было в Петербурге существа, более понимающего Гоголя, чем его слуга. Он мог молчать, посмеиваться над барином, мог притворяться, что не слышит его приказаний или не понимает их, но Гоголь часто видел себя в Якиме, как в зеркале. Да и одевался тот так же, как барин, донашивая его модные одежки, и старался говорить так же, и приврать любил по-гоголевски – с размахом.

Осип отчасти списан с Якима, как, впрочем, и другие слуги в сочинениях Гоголя. Их, кстати, много. Иван в «Носе», Степан в «Женитьбе», Никита в «Портрете», Петрушка в «Мертвых душах».

Осип относится к Хлестакову, как к дитяти. Он прекрасно видит легкомыслие своего господина и ловко пользуется им. Осип не так простодушен, как Хлестаков. Если Хлестаков готов оставить купцам веревочку от сахара, то Осип говорит: давай и веревочку. Он, смекнув гораздо ранее Хлестакова, что их принимают не за тех, кто они есть, тонко вводит в эту игру городничего и других. Он намекает им, что его барин, может быть, выше полковника. Не сговариваясь с Хлестаковым и не получив от того никаких полномочий на это вранье, он врет сознательно, предвидя поживу и для себя. Но когда над ними нависает гроза и обман готов разоблачиться, уговаривает Хлестакова почти что отечески: поедем, загостились уже. Тут страх смешивается с жалостью к Хлестакову, потому что достанется больше всего тому, батюшка выпорет розгами того, хотя и Осипу не миновать тумаков.

«Сорочинская ярмарка». Худ. С. Харламов

Конечно, Осип не Яким – он не только жалеет, но и презирает своего барина. Он не прочь подставить ему ножку. Он издевается над его образом жизни в Петербурге, а сам завидует ему, ему самому хотелось бы так гулять по Невскому, дуться в картишки и жить за счет аглицкого короля. Вместе с тем он чувствует неосновательность всей этой жизни, ее непрочность, вертопрашество. И чувства дядьки, старшего по

отношению к Хлестакову, житейского опекуна «елистратишки», смешиваются в нем с издевкой и желанием мщения.

Яким был пуповиной, связывавшей Гоголя с крестьянской Россией, с хитростью и дальним умом мужика, с его непобедимой уверенностью, что все само собой образуется. Во всех своих пылких прожектах, начинаниях, предприятиях, остывая, он обращался к Якиму – и тот помогал ему притаптывать романтический огонь. В нем было некое *спокойствие*, которое есть во всех слугах Гоголя. Они даже меланхолики, а точнее, стоики – им все нипочем. Бричка вывалила барина в грязь – переживем. Нос отнялся, и на лице образовалось гладкое место (для барина это трагедия) – образуется, вернется нос (куда ему деться?). Беспокоится барин из-за женитьбы – минует и эта суета. Слуги у Гоголя своею невозмутимостью оттеняют суетливость господ. Те вечно куда-то спешат, куда-то рвутся: то за платьем незнакомки, то за богатством, то за генеральством, – они смотрят на это и ждут. Все равно барин вернется, как возвращается *на место* утерянный нос майора Ковалева.

В этом ожидании есть какая-то мудрость и, пожалуй, духовное здоровье, хотя кажется, что это разврат безделья и упования на русский «авось». Слуги у Гоголя, конечно, не чистые крестьяне, это дворовые, тот особый слой в русском крестьянстве и народе, который успел уже развратиться своей близостью к господам, ожесточиться, видя блага, которые имеют господа и которых нет у них, но они еще сохраняют первородный юмор народа и его иронию не только по отношению к тем, кто стоит над ними, но и по отношению к жизни вообще.

Если перейти от слуг к мужикам, которых редкими штрихами набросал в своих книгах Гоголь, то мужики у него тоже зрители действий господ, зрители по большей части иронические. Таков мужик, который отвечает Чичикову, как доехать до Плюшкина (которого он называет «заплатанной»), мужики, разнимающие сцепившиеся тройки Чичикова и губернаторской дочки, мужики, бредущие обочь дороги, по коей путешествует герой «Мертвых душ», мужики, стоящие у въезда в гостиницу и рассуждающие о достоинствах чичиковского колеса (в смысле – доедет оно до Казани или нет).

И лишь в Селифане (который не так развращен, как Петрушка) просыпается иногда лирическое чувство, и Гоголь отправляет его теплым летним вечером на свидание к городским девкам, и тот мечтает о «политичном держанье за белы ручки» и семейном счастии.

Мужики у Гоголя пьянствуют, работают и мрут «как мухи», но силою воображения Гоголь оживляет их в своей поэме, и тогда встают с ее страниц разные Степаны Пробки и Григории Доезжай-Недоедешь, которыми изобильна русская земля, и Гоголь слагает гимн их

бесшабашности, умению строить, таскать суда посуху, грузить баржи с зерном на Волге и опять-таки гулять, в хмельном веселье глуша тоску по воле. Страницы в «Мертвых душах», где Чичиков – этот холодный делец – рассматривает список купленных им крестьян, становятся поэмой в поэме, истинной песнью Гоголя русскому народу, и такого накала достигает это чувство, что сам Чичиков замирает перед ожившей картиной и восклицает почти любовно: да где же вы, милые? Куда занесла вас жизнь? Где бродите вы сейчас? (Это о беглых.)

Чичиков, иронизирующий над необъятностью русских пространств (в разговоре с генералом Бетрищевым), Чичиков, имеющий, кажется, только свою лично корыстную цель, оживает вдруг вместе с этими «мертвыми душами», каждая из которых прекрасна сама по себе, ибо за именем, за фамилией, за простой строкой в ревизской сказке встает судьба, история и характер нации.

С той же радостью слышит Чичиков песни мужиков во втором томе, когда едут они на лодках с Петром Петровичем Петухом и гребцы затягивают печальную. Тон этой песни сливается с грустной красотой весеннего вечера, с картиной мирного сельского бытия, когда уставшее стадо возвращается с полей, поднимая легкую пыль по дороге, бабы выходят встречать его и стоят у своих ворот, а крестьянские дети резвятся на берегу реки. Нет в этом никакой идиллии, никаких румян – картины эти дышат любовью к России и к тем, кто кормит, поит, одевает и пеленает всех этих маниловых, собакевичей и плюшкиных.

Хитрость мужика, гибкий ум мужика, упрямство и воля крестьянина, его несвобода и какая-то иная, душевная свобода, которой нет у напомаженных господ, отцов города, играющих в вист и проигрывающихся, интригующих, вышивающих шелком по тюлю, заражают и Чичикова. Этот скупщик «несуществующего» товара начинает видеть в русских крестьянах «богатырей», которые или работают до самозабвения, как Пробка Степан, или идут в разбойники в шайку капитана Копейкина.

Копейкин у Гоголя – главарь шайки, которая мстит только богатым и не трогает бедных. Он разбойник по справедливости. Даже в песнях о «воре Копейкине», читанных Гоголем в записях А. М. Языкова (они попали потом в собрание песен П. В. Киреевского), говорится о Копейкине как о честном христианине, который, встав поутру, молится богу и московским чудотворцам.

В этих песнях слышно предчувствие атаманом своего конца. Он жалуется на сон, ему приснилось, что он оступился одною ногою и лишь дерево крушина, за которое он схватился, помогло ему удержаться на земле. При этом верхушка дерева обломилась – дурной признак.

Не та ли меня крушинушка сокрушила,

С отцом меня, с матерью разлучила?

В «Мертвых душах» часто упоминается о беглых крестьянах, которые странствуют по Руси и погибают вдали от дома. Их можно увидеть и на волжских пристанях, и на дорогах, и там, где возводятся новые церкви, и по городам и весям. Мужики находятся в бегах, бунтуют, как крестьяне сельца Вшивая Спесь в первом томе, мстящие заседателю Дробяжкину и всей земской полиции за сладкий интерес к их женам и девкам, или идут войною на помещиков и капитан-исправников, как во втором томе, когда волна, поднятая покупками Чичикова в Тьфуславльской губернии, ободряет их. «Какие-то бродяги, – пишет Гоголь, – пропустили между ними слухи, что наступает такое время, что мужики должны быть помещики и нарядиться во фраки, а помещики нарядятся в армяки и будут мужики, и целая волость, не размысля того, что слишком много выйдет тогда помещиков и капитан-исправников, отказалась платить всякую подать».

В этом есть и сознание слепоты крестьянского бунта, и ощущение готового вспыхнуть по любой причине недовольства народа, который отделен от господ помещиков – всего ничего – забором барской усадьбы.

В Васильевке были совсем иные отношения между крестьянами и господами. Не слышно было ни о телесных наказаниях на конюшне, ни об унижении крепостных, ни о глухоте к страданиям мужика.

Сестра Гоголя, Ольга Васильевна, посвятила себя заботам о народе, сама лечила приходящих к ней из соседних деревень и сел баб и мужиков, ухаживала за больными в Васильевке и многих поднимала, ставила на ноги.

В своем завещании матери и сестрам Гоголь писал, что он хочет, чтоб Васильевка (свою долю владения которой он отдал матери) превратилась в приют для бедных, для старых, для больных. Всем, писал Гоголь, должны быть открыты двери, никто из нуждающихся не должен пройти мимо, не должен быть обойден вниманием хозяев.

6

В лето 1848 года Гоголь жаловался С. Т. Аксакову: «Полнота жизни от меня уходит, запаха свежести, первой весенней свежести я не слышу».

В 1850 году, когда он последний раз приехал в родные места, это настроение усилилось. «В 1850 году, осенью, в октябре, – пишет в своем дневнике С. П. Шевырев, – (Гоголь) со слезами на глазах говорил матери, что болезнь истощила его силы и что он не может уже ничего… (довершить) сделать полезного для отечества».

Конечно, это были минуты, когда он впадал в уныние, посещавшее его, кстати сказать, часто и в юности, но все же Гоголь тех лет – потухающий

Гоголь, все более уходящий в себя, начинающий сомневаться в успешном завершении своего труда. Зрение его не притупилось, ум не замутился, слух был все так же жаден до звуков жизни, но сил, сил стало не хватать. Это угасание физическое, неспособность совладать с поставленной им перед собой целью – дать в трех частях поэмы всю историю и физиономию современной России – и было причиной его постоянных переездов, причиной нового переписывания и перемарывания белового текста.

Тем не менее Гоголь решил перестроить в Васильевке дом, купил лес и сам наметил бревна, расчертил план будущего дома, выделив в нем и для себя две комнаты. Он хотел жить и собирался жить, может быть, переселившись совсем в свои теплые края. Отец Гоголя тоже хотел перестроить дом, который был ветх, пропускал зимой холод и стал уже тесен для разросшейся семьи. Но Василий Афанасьевич так и не успел осуществить своего намерения.

Старые фотографии и рисунки доносят до нас атмосферу Васильевской усадьбы – на них виден широкий пруд, аллея кленов, которую особенно любил Гоголь, невысокий дом с белыми колоннами, с узенькими окнами, с верандой и клумбой у входа. «Пред домом, – пишет В. Чаговец, – росли деревья и кусты, заднее крыльцо выходило в сад, а за садом тянулся пруд, огромный, глубокий и рыбный, через пруд был перекинут мост, соединявший обе стороны, «ту» и «эту». Конечно, жаль, что дом не сохранился до наших дней, тем более что в нем многое было сделано по указаниям и даже рисункам поэта, как, например, венецианские окна, дверь с цветными стеклами и т. д.».

Заботы о перестройке дома относятся к последнему посещению Гоголем Васильевки летом 1850 года. В это свое путешествие на Украину он отправился с известным ботаником и историком М. А. Максимовичем, которого знал еще с 1832 года.

Гоголь и Максимович выехали из Москвы 13 июня. Путь лежал через Подольск, Малоярославец, Калугу. В Калуге остановились у жены губернатора А. О. Смирновой. Здесь Гоголь познакомился с графом Алексеем Константиновичем Толстым – будущим творцом «Царя Федора Иоанновича». Затем заехали в Долбино, имение П. и И. Киреевских. Посетили Оптину пустынь. Навестили в Петрищеве мать братьев Киреевских Авдотью Петровну Елагину, 1 июля, захватив в Соро чинцах Данилевского, Гоголь прибыл в Васильевку.

Данилевский к тому времени стал инспектором одной из киевских гимназий. Он женился, остепенился, у него родилась дочь, которую он назвал Ольгою. С этой девочкой Гоголь подружился, когда гостил у Данилевских летом 1848 года. На этот раз он въехал в Киев уже не полубезвестным автором одной книги, не самонадеянным юношей, а

человеком, которого вся образованная Россия чтила как одного из ее умственных вождей.

Дом в Васильевке

Гоголь не любил шумных сборищ, всеобщего изъявления восторга, ему лучше было, когда он гулял один по городу, постукивая по киевской мостовой своей суковатой палкой и держа за руку маленькую Оленьку Данилевскую. В то лето он вспомнил приезды в Киев с папенькой и маменькой в гости к А. А. Трощинскому, свои болезни, киевских докторов, высокий берег, Андреевскую церковь над Подолом, всю будто свитую из крема, сладкую, спуск к реке, и киевские сады, дубравы, колокольню лавры, и Днепр – и дали за Днепром.

Днепр он воспел в «Страшной мести», киевскую бурсу (в которой учился его дед) в «Вии». «Теперь я принялся за историю нашей единственной, бедной Украины. Ничто так не успокаивает, как история, – писал Гоголь в ноябре 1833 года Максимовичу. – ...Вы не можете представить, как мне помогают в истории песни». «Туда, туда! в Киев! в древний и прекрасный Киев! – пишет он в декабре 1833 года. – Он наш... Там или вокруг него деялись дела старины нашей». «Да это славно будет, если мы займем с тобою киевские кафедры. Много можно будет наделать добра» (там же). А вот письмо от января 1834 года: «Однако наперед положить условие: как только в Киев – лень к черту, чтоб и дух ее не пах. Да превратится он в Русские Афины, богоспасаемый наш город!» «Ты рассмотри лучше характер земляков, – читаем мы в письме от 12 февраля 1834 года, – они ленятся, но зато, если что задолбят в свою голову, то на веки. Ведь тут только решимость: раз начать, и все... Типография будет под боком. Чего ж больше! А воздух! а гливы! а рогиз! а соняшники! а паслин! а цыбуля! а вино хлебное... Тополи, груши,

яблони, сливы, морели, дерен, вареники, борщ, лопух! Это просто роскошь! Это один только город у нас, в котором как-то пристало быть келье ученого». А еще через месяц в Киев летит новое письмо: «Песни нам нужно издать непременно в Киеве. Соединившись вместе, мы такое удерем издание, какого еще никогда ни у кого не было».

«Страшная месть». Литография К. Маковского

Как видно из этих отрывков, Гоголь имел серьезные намерения насчет матери городов русских. Но ему суждено было лишь путником проехать через этот город.

Места, связанные с жизнью Гоголя, надо искать на постоялых дворах, в гостиницах, в трактирах, где он обедал, пережидая время, когда ему дадут лошадей, или в домах людей, которые давали ему временное пристанище. Поневоле вернешься опять в знакомую Васильевку, где временные его стоянки, остановки в пути затягивались и где он на самом деле жил и куда перед смертью приехал будто для того, чтобы проститься со всеми.

1 октября 1850 года Гоголь на именинах Марии Ивановны читал ей и сестрам страницы из второго тома «Мертвых душ». Если в первом томе «Мертвых душ» Гоголь иронически касался семейной жизни и комически изобразил отношения Манилова и его жены, Собакевича и его сухопарой подруги, а в городских сценах сильно проехался насчет

дам, просто приятных и приятных во всех отношениях, то во втором томе он вознамерился показать счастливую семью – семью, строящуюся на единстве веры и взглядов.

Не имея собственной семьи, Гоголь хотел, чтоб Васильевка после его смерти стала семейным домом для многих.

Васильевка стала таким домом. Не было человека, откуда бы он ни приезжал или же приходил, которого бы тут не приняли, не пригрели. И Мария Ивановна, и Елизавета Васильевна, и Анна Васильевна, и Ольга Васильевна выполнили завет Гоголя. Ворота васильевской усадьбы всегда были открыты для людей.

Деньги, которые наследники Гоголя получали за его сочинения, в значительной степени шли на вспомоществования. Гоголевский флигель, в котором он жил в свой последний приезд на родину, стоял нетронутым. Там все было так, как было при нем, – две комнатки со скромной мебелью, конторка, диван, стол, постель, иконка в углу. Здесь он работал, тут, начиная с шести утра, стоял у конторки, нанося последние штрихи на свою последнюю картину.

Ныне бывшая Васильевка вновь воскресает для жизни. Унесенная временем и войнами, усадьба Гоголей восстановлена. Встали на свое место старый дом, флигель, возрожден грот отдохновения, беседка у пруда. Насажен парк, и робкие молодые деревья уже шелестят от ветра, обещая разрастись в липы и клены, подобные тем, которые осеняли когда-то голову Гоголя.

Глава III

Полтава

1

Город Полтава берет свое название от речки Лтавы. До 1430 года эта земля принадлежала Литве, затем литовский князь Витовт отдал ее татарскому князю Лексаде, родоначальнику князей Глинских. В 1746 году Полтава вошла в состав Малороссийской губернии, в 1784-м была отчислена к Екатеринославскому наместничеству, а в 1802 году стала столицей Полтавской губернии.

Переезд сюда генерал-губернатора и всех учреждений придал жизни города новое дыхание. Полтава стала строиться, через некоторое время ее уже именовали «малым Петербургом». Способствовали сему частые визиты царей в этот славный город. Состоявшаяся в июне 1709 года знаменитая Полтавская битва поставила Полтаву в глазах наследников Петра на особое место в русской истории.

Васильевка, в которой жили Гоголи, входила в состав Миргородского уезда, а уезд – в состав Полтавской губернии. Отец Гоголя часто наезжал сюда по делам Д. П. Трощинского и своим собственным, судился в полтавском суде со своими соседями, закупал в губернском городе товары. Василий Афанасьевич учился в Полтавской духовной семинарии, помещавшейся в Крестовоздвиженском монастыре на горе. Вместе с ним эту семинарию закончили будущий переводчик «Илиады» Н. Гнедич и создатель «Наталки-Полтавки» И. Котляревский.

Полтавская земля вообще богата талантами. Отсюда вышли знаменитые художники, композиторы, военачальники, писатели. Полтавчанами были и М. А. Милорадович, и М. Херасков, автор «Душеньки» И. Богданович, Г. Сковорода, В. Л. Боровиковский, Н. Лысенко, Панас Мирный, Е. Гребенка, В. В. Капнист.

В 1818 году, когда Василий Афанасьевич Гоголь привез своих сыновей – Никошу и Ивана – в Полтаву, тут были и театр, и гимназия, и поветовое училище. Не имея возможности нанять сыновьям хорошего домашнего учителя, Гоголь-отец вынужден был отдать их в училище. Оно находилось в старой части города, где некогда была «фортеция», то есть крепость, в которой располагался полтавский гарнизон, защищавший город от шведов.

Осенью 1708 года шведский король Карл XII подошел под стены Полтавы и обложил ее. Осада продолжалась несколько месяцев. Город обстреливали из орудий, он горел, но шведы не могли взять его. Зиму они провели на квартирах вблизи города и в соседних селах. Решающий штурм Карл решил провести весною.

Как раз в том месте, где стояло поветовое училище, и разворачивались главные события. Здесь возвышалась маленькая церковка Спаса Нерукотворного образа. В ней жители города молились о даровании им победы, на площади перед церковью дали они клятву не сдавать город. Сюда же отпраздновать победу над не приятелем прибыл Петр Великий после сражения 27 июня 1709 года.

Полтавская битва, решившая судьбу России, состоялась за сто лет до рождения Гоголя. Но все в городе говорило об этом событии, напоминало о нем. На площади перед церковью стоял белый четырехгранный обелиск, оповещающий о том, что на этом месте отдыхал после победы над шведами Петр Первый. Здесь, в доме козака Магденка, провел он ночь, тут пировал вместе с комендантом Полтавы полковником Кельиным. Кельина Петр произвел в генералы.

О Полтавской виктории говорили детям и учителя в училище. Но славное прошлое плохо увязывалось с прозаическим настоящим. Если ранее тут разыгрывались события мирового масштаба, то теперь – при Гоголе – Полтава была тихим городом. Только на главной –

называвшейся Круглой – площади стояли высокие каменные здания, выкрашенные белой краской, и царили парад и порядок, а на окраинах была та же Васильевка: прятались в тени вишен и яблонь хатки с соломенными крышами, похожими на бараньи шапки, торчал журавель, цвели одуванчики на улице, рылись мальчишки на краю оврага, находя старые петровские монеты.

С того места, где стояло училище, хорошо был виден Крестовоздвиженский монастырь, основанный полтавским полковником Мартыном Пушкарем, погибшим в сражении с поляками. И поляки проходили здесь. У стен этого монастыря был ранен во время ночного объезда постов Карл XII, а через день на полтавском поле был убит историк его царствования Адлерфельд. Кончилась история шведского Льва Полнощного, как назвал Карла В. В. Капнист, но потекла медленнее и история Полтавы.

Карл шел на Полтаву, чтоб перерезать Моравский шлях – путь из Москвы к богатому Причерноморью. Теперь по этому пути мирно текли обозы, из Крыма везли соль, в Крым – изделия полтавской земли. Полтава торговала, сидела в канцеляриях, иногда наведывалась в театр, который находился в деревянном здании и куда не всегда в осенние дни можно было проехать, так как жирный полтавский чернозем засасывал и лошадей, и экипажи.

В те годы в городе не было библиотеки – ее основали в 1830 году, когда Гоголь уже жил в Петербурге. Заведующим библиотекой был назначен знакомый ему человек – бессменный смотритель поветового училища Иван Зозулин, не раз посещавший классы и наводивший страх на учеников. Дело в том, что в училище за всякую провинность жестоко наказывали, а случалось, и пороли.

Что изучали здесь? Катехизис, чистописание, краткую российскую историю, арифметику, первые начала физики, рисование, правила слога. Занимались в две смены, к каждой смене было приписано по сорок с лишним человек. В штате числились два учителя – Федор Фатеев и Анастасий Савинский. Фатеев преподавал математику, Савинский – историю и географию. Был еще и батюшка – учитель Закона Божия Георгий Слютинский.

Их уроки не оставили у Гоголя добрых воспоминаний. Да и учителя не очень баловали высокими баллами своих учеников. Третья часть учеников высшего отделения – того, где учились братья Гоголи, – была аттестована ими как «тупая и неспособная». Способности в училище оценивались по такой шкале: туп, посредствен, порядочен, хорош, очень хорош. Про Гоголя в журналах училища часто писалось, что он «туп» и «средствен». То же, впрочем, писалось и об его брате Иване.

Самое интересное, что братья могли найти в Полтаве, происходило не в стенах училища, а за его пределами. Новым миром для них был сам город и его история. Чувство истории с детских лет было привито Гоголю не только в Диканьке и Сорочинцах, но и здесь, в Полтаве, где все говорило о высоком минувшем, о мелькнувшей доблести, о самоотвержении и подвигах. Может быть, поэтому в сочинениях Гоголя история всегда является не только со своей героической стороны, но и с примесью иронии – ведь настоящее часто не походило на минувшее, противоречило ему. Вместе с отцом он бывал у важных чиновников города, обедал даже у прокурора, слышал разговоры о процентах, которые нужно заплатить в опекунский совет, о беглых крестьянах (у Василия Афанасьевича тоже были беглые крестьяне, они бежали в незаселенные южные губернии, в Новороссийский край, на Херсонщину), об «одолжениях» и взятках, которые приходилось давать, чтоб выправить бумагу.

Как ни мал был тогда Гоголь, он все это видел и запомнил: детское воображение чутко, оно схватывает все и запечатлевает, как запечатлевается каждый блик и каждая тень на сверхчувствительной пленке.

Что касается взяток, то это было всероссийское бедствие. «Давали» и «брали» сверху донизу. Даже император давал взятки. «Император Николай I, – пишет в своих записках петербургский полицмейстер Ф. Б. Дубисс-Карачак, – посылал праздничные каждый раз по 100 руб. тому квартальному надзирателю, в квартале которого находился Зимний дворец».

Не брезговали подношениями и учителя в поветовом училище. Иногда это был штоф водки, иногда поросенок, иногда мешок муки. Жалованье у них было мизерное.

Братья Гоголи поступили в училище 3 августа 1818 года. Но проучились в нем вместе всего лишь год. Иван тяжело заболел и умер. Василий Афанасьевич не решился оставлять Никошу одного в Полтаве. Тот вернулся в Васильевку.

Но в 1820 году отец вновь отправил Гоголя в губернский город – на этот раз учиться на дому у учителя Гавриила Сорочинского. Последний должен был подготовить сына Василия Афанасьевича к поступлению в гимназию. Гоголь стал волонтером – то есть вольноприходящим, еще не гимназистом, но как бы кандидатом в гимназисты. Это давало свободу распоряжения своим временем. Учитель, видно, не очень спрашивал с него, отношения у них были дружеские, и львиную долю дня Гоголь посвящал знакомству не с науками, а с Полтавой. Эти прогулки и запомнились ему на всю жизнь.

Полтавские гостиницы и трактиры были набиты проезжими. Тут рассказывались анекдоты, забавные истории, тут встречались люди самых разных занятий и званий – кто-то ехал искать счастья в Новороссию, кто-то возвращался оттуда с уже нажитым богатством, которое он намеревался промотать в Петербурге; шулеры и богачи садились за один стол, чтоб метнуть банк и попытать счастья.

К этому времени открылся в городе и театр. Директором театра был И. П. Котляревский. Нет сомнения в том, что В. А. Гоголь, приезжая в Полтаву, бывал на спектаклях театра, в труппе которого состоял крепостной актер Михайло Щепкин. Играли пьесы украинские, в частности «Наталку-Полтавку», и иностранные. Ставили пьесы Фонвизина и «Ябеду» В. В. Капниста. Генерал-губернатором Малороссии был в то время Н. Г. Репнин. В те годы Гоголь не мог быть знаком с ним, но позже он познакомился и с самим князем, и с его семьею и даже живал у Репниных в Одессе. Брат декабриста С. Г. Волконского, Репнин не удержался долго на своем посту после дела 14 декабря. Царь терпел его, но до поры до времени. Слишком честен был генерал-губернатор и слишком напоминал о своем брате, который, как сказано в делах Следственной комиссии, «участвовал согласием в умысле на цареубийство» и был приговорен к смертной казни четвертованием, замененной двадцатью годами каторги. Нашлось дело, составился донос, Репнину приписали присвоение сумм, отпущенных на строительство Института благородных девиц. Его имения взяли в казну, князя отставили от должности.

В памяти Гоголя остался этот человек как противник неправды, как гонитель мздоимцев, как тот, кто, занимая важное место, ценит не это место, а возможность на этом месте делать добрые дела.

Гоголь слушает бандуриста. Худ. В. Волков. 1900-е годы

В тихой Полтаве, через которую Гоголь проезжал всякий раз, как ехал на родину и обратно в Петербург, было не так тихо. В 1826 году здесь были взяты под стражу несколько дворян, заподозренных в принадлежности к тайному обществу. Дело о полтавских масонах, как оно было названо позже, получило широкую огласку. На дорогах хватали подозрительных, проверяли документы, из Петербурга прискакали фельдъегери. Под их конвоем предводитель переяславского уездного дворянства Лукашевич, хорольский уездный предводитель Алексеев и бывший губернский предводитель дворянства С. М. Кочубей были отвезены в столицу и помещены в Петропавловскую крепость. Их продержали там недолго.

В 1827 году в Крестовоздвиженский монастырь был переведен опальный священник Черняев «за неповиновение и дерзость», в 1828 году в Полтаву был выслан отставной камергер Александр Раевский «за дурные разговоры, неприличные для образованного человека». Это был тот самый Раевский, который вместе с А. С. Пушкиным служил при графе Воронцове. Его «дурные разговоры» были дурные разговоры о графе. В 1829 году сюда был прислан генерал-майор Орлов, принадлежавший, как говорилось в бумаге, «к злоумышленному обществу». Так что и в Полтаву доносились ветры эпохи. Проезжая через нее, Гоголь всякий раз останавливался у жены преподавателя

кадетского корпуса Софьи Васильевны Скалон – дочери В. В. Капниста. С. В. Скалон была знакома со многими участниками дела 14 декабря. Она знала и братьев Муравьевых-Апостолов, и Пестеля, бывавшего в имении Капнистов Обуховке, и Бестужева-Рюмина.

Жили Скалоны в самом центре – здание кадетского корпуса стояло на Круглой площади. Тут же находилась резиденция генерал-губернатора и другие губернские учреждения. Тут Гоголь отмечал свои подорожные.

Полтава для него была городом, где он впервые увидел в лицо губернию. «Вона, пошла писать губерния!» Этот возглас Чичикова на балу в «Мертвых душах» – иронический возглас Гоголя по адресу всего, что он вместил в понятие «губерния», что и округлено им в этом образе и припечатано. Срез губернской иерархии, слои от низшего чиновника до Зевса – председателя палаты, как называет Гоголь своего героя в поэме, это и срез всей Российской империи. Есть в этом построении своя «земля» и свое «небо». На «небе» правят небожители, какие-нибудь председатели палат и губернаторы, на «земле» трудятся кувшинные рыла. Но между ними крепко натянуты нити кровного родства. «Небо» не может без «земли», «земля» – без «неба». Одни держат других, но и те, кто внизу, тоже держат находящихся наверху.

Полтава находится в 1430 верстах от Петербурга и в 842 верстах от Москвы. Это захолустье, дальняя провинция, и вместе с тем это не обыкновенный губернский город. Что ни год – то тут или царь, или наследник, или какой другой «ревизор». Каждый миг можно ждать из столицы гонца, фельдъегеря, может быть, даже жандарма, хотя свой жандармский офицер всегда состоит при генерал-губернаторе. Тогда потребуется что-то расчистить, почистить, поправить завалившийся забор, убрать кучу мусора у собора, подновить вывески, переодеть прилично дворян. Когда приезжает царь, дворянство дает в честь его бал. А бал – это иллюминация, это заготовление посуды, стеклянных плошек, в которых будет гореть огонь, это расходы, работа парикмахеров.

Полтавские «парады» описаны Гоголем в «Ревизоре». Тут иногда устраивались не только парады, а целые показательные «битвы» (в том числе и на Полтавском поле), когда русские полки, переодетые в шведов, сражались с русскими же. Командовали полками Суворов и Кутузов, а наблюдала за ходом сражения Екатерина Вторая.

Были фейерверки, иллюминации, кражи стеклянных плошек после празднества, нажива на маскарадах.

Конечно, «Ревизор» – это не только Полтава и не столько Полтава, сколько, может быть, Нежин и другие маленькие городки, где Гоголь живал или бывал проездом. Но кое-что из полтавской жизни попало и на страницы знаменитой комедии.

И все-таки Гоголь любил этот город. Поле под Полтавой было усеяно костями русских и шведов. Петр велел похоронить их в братской могиле. Он насыпал один общий холм над победителями и побежденными. Здесь прогремела слава русского оружия, совершился подвиг русского духа.

И сейчас на поле полтавской битвы возвышается холм, на котором стоит памятник с надписью: «Воины благочестивые; кровию венчавшиеся, 1709 июня 27 дня». Рядом – музей, где можно увидеть и оружие сражавшихся, и знамена, и факсимиле обращения Петра к русскому войску. Три часа длился бой, но эти три часа стоили многих десятилетий, а может быть, и целой жизни. «Здравствуйте, сыны отечества, – сказал после битвы, обращаясь к солдатам, Петр, – чада мои возлюбленные! Потом трудов моих родил вас, без вас государству, как телу без души, жить невозможно». И в тот же день отправил депешу Ф. М. Апраксину: «Ныне уже совершенно камень в основание Санкт-Петербурга положен».

Так что и Петербурга не было бы без Полтавы, и Россия, может быть, пошла бы иным путем.

Гоголь любил и Полтаву историческую, напоминающую о деяниях полковника Пушкаря и Петра Великого, и Полтаву уединенную, сползающую в овраги, глохнущую в садах окраин, где жили и немцы-колонисты и пели на улочках кобзари, где танцевали по вечерам парубки и дивчата и играли в свои игры. Под городом проходили глубокие траншеи. В полтавских оврагах, на склоне берега над Ворсклой откапывали старинное оружие. В одном из оврагов, называемом Панянка, по рассказам, являлся дух панночки.

И сейчас окраины Полтавы хранят тишину прошлого. Они как-то незаметно переходят в лес, в поле. На узких улочках стоят яблони, и спелые яблоки падают к ногам прохожего. Зарос травою овраг Панянка, но, когда ночью над ним поднимается месяц, освещая темное южное небо, и отблески его переливаются в воде речки, тихо рокочущей между ив, кажется, какие-то тени пробегают по лугу, пересекают лунный свет. Сыростью веет от реки, все молчит (только река рокочет), и страх охватывает душу, и вспоминаешь «Майскую ночь», и «Страшную месть», и «Вечер накануне Ивана Купала».

Полтава – такая же колыбель Гоголя, как Сорочинцы и Васильевка. Да и только ли Полтава? В Обуховке его помнят дубы, склонившиеся над могилой Капниста, в Гадяче проживал Степан Иванович Курочка, автор рассказа об Иване Федоровиче Шпоньке и его тетушке, а в Лубнах стоит на горе старый знакомый Гоголя Мгарский монастырь. Всюду по дорогам, когда едешь по Полтавщине, мелькают щиты с профилем Гоголя: то это колхоз имени Гоголя, то станция Гоголево, то село

Гоголево. Театр в Полтаве назван именем Гоголя, и Гоголь работы скульптора Л. Позена сидит в тенистой аллее, глядя на коловращение толпы. При жизни Гоголя полтавчане не очень баловали своего земляка любовью. Им казалось, что автор «Миргорода» слишком суров к местам своего детства. Боялись его зоркого глаза, его настигающего все и вся пера. Сам Гоголь жаловался в письмах, что полтавчане не лучшие его почитатели.

Ныне они рады воздать ему должное. Именно здесь, в Полтаве, зародилась идея гоголевского музея-заповедника. Именно здесь нашлись люди, которые разработали проект обновленной Васильевки.

Сегодня въезд на землю Гоголя начинается с Полтавы. Поднимаясь на высоту холма, на котором стоит город, оглядывая утопающие в садах окрестности, дали за Ворсклой, теряющиеся в мареве жаркого летнего дня, стремишь свой путь к центру, туда, где стоит над площадью на чугунной колонне орел, держа в когтях перуны. Взгляд орла устремлен в сторону поля Полтавской битвы, но это и та сторона, куда предстоит ехать, ища истоки Гоголя, корни корней Гоголя, – в той стороне и его «милая родина».

Глава IV

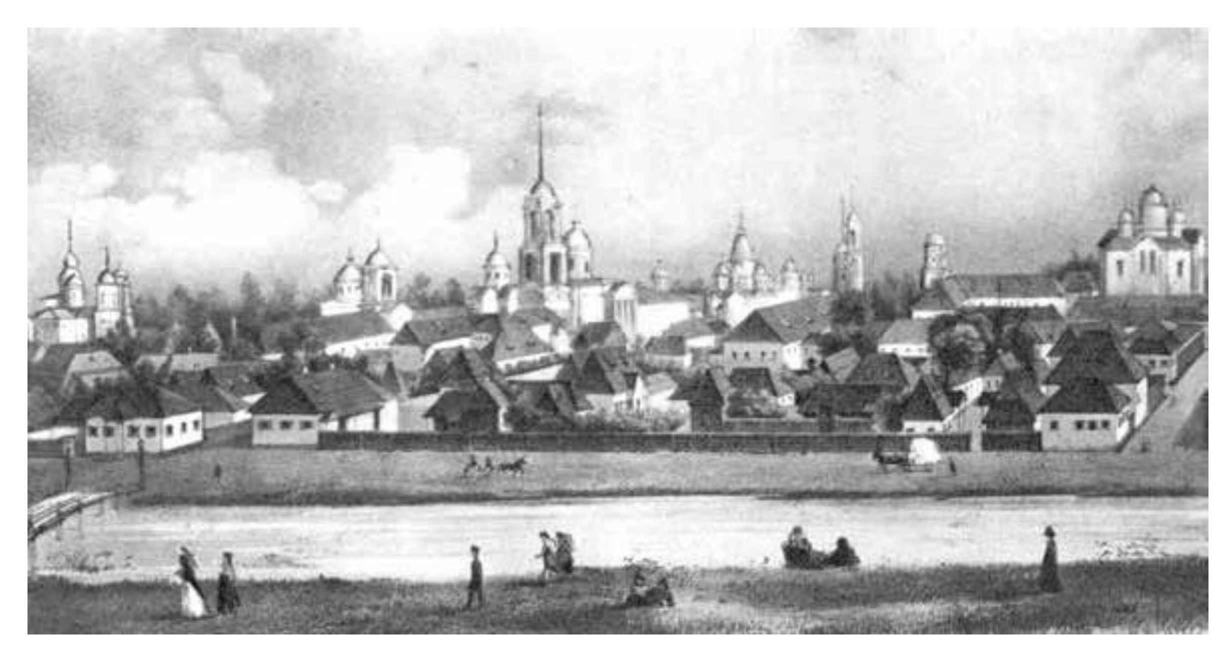
Нежин

1

Нежин – город юности Гоголя. Здесь он прожил семь лет.

В мае 1821 года его привез сюда отец для сдачи экзаменов в Нежинскую гимназию высших наук князя А. А. Безбородко (гимназию еще называли лицеем). В августе 1821 года он приехал сюда, чтобы начать занятия во втором классе. Привез его на этот раз черниговский прокурор Е. И. Бажанов.

Гимназия высших наук была основана императором Александром Первым в 1820 году. Это было одно из тех учебных заведений России, которые создавались тогда повсюду – лицей в Царском Селе, лицей в Одессе, лицей в Ярославле – и должны были готовить из дворян будущих образованных чиновников, ученых мужей и военных. Окончивший гимназию со званием студента получал право на чин двенадцатого класса (всего в табели о рангах было четырнадцать классов), тот, кто получал звание кандидата, зачислялся в десятый класс. Соответствующие офицерские чины присваивались тем, кто после окончания гимназии поступал в военную службу.

Нежин

Из Нежинского лицея вышло много замечательных людей. Ученый-юрист П. Редкий, писатель Е. Гребенка, Нестор Кукольник, К. Базили. Вместе с Гоголем учились и будущий художник А. Мокрицкий, и Н. Прокопович. Уклон образования в гимназии был гуманитарный – на первом месте стояло изучение словесности, истории, права и языков. Не исключались, впрочем, и математика, и ботаника, и черчение. Были физика, химия, минералогия и зоология. Преподавались также каллиграфия и фехтование.

В уставе гимназии, утвержденном Александром, было записано: «Гимназия сия есть публичное учебное заведение. Она состоит между учебными заведениями в числе занимающих первую ступень после университетов… и отличается перед губернскими гимназиями высшей степенью преподаваемых в ней предметов и особенными, ей дарованными правами и преимуществами».

Одним из преимуществ гимназии был уровень преподавания и состав учителей. Директор Нежинского лицея И. С. Орлай знал не только хирургию и языки, но и имел звание магистра словесных наук и доктора философии. Он учился в Вене и Кенигсберге, состоял гоф-хирургом при Павле Первом, оперировал раненых в госпиталях во время Отечественной войны 1812 года.

Другие профессора – Ландражин, Зингер, Шапалинский – имели также европейское образование. Некоторые из учителей сами пописывали и печатали свои сочинения в Москве и Петербурге. Преподаватель латыни И. Г. Кулжинский был автором нескольких малороссийских повестей.

Сто верст отделяло Нежин от Киева и четыреста – от Харькова, где процветал в начале века Харьковский университет, в котором читали

философию по тетрадкам Канта. Некоторые из профессоров гимназии были воспитанники этого университета, в том числе и Н. Г. Белоусов, любимый учитель Гоголя. Он преподавал в Нежине естественное право.

Лицей в Нежине был построен на средства бывшего канцлера Российской империи князя А. А. Безбородко и его брата И. А. Безбородко. Его построили на земле, которую даровала когда-то своему фавориту князю А. А. Безбородко Екатерина Вторая. Во времена царствования Екатерины на месте будущего лицея стоял домик князя, окруженный огромным тенистым парком и садом. Как ни старались садовники князя устроить все на европейский лад – вырубить лишние деревья, прочертить аллеи, уставить их мраморными фигурами богов и богинь, парк и сад зарастали, аллеи сворачивали куда-то вбок, природа брала свое. Здесь можно было потеряться, как в диканьских лесах, и так же сквозь листву светились зеркала прудов, по краям сильно затянутых ряской.

Нежин. Гимназия высших наук

При Гоголе садом управлял садовник Ермил – человек строгий и не любивший английского ранжира. Он говорил, что обрезать верхушки деревьев – это все равно что рубить головы людям. «Они деревья тоже хотят заставить ходить по команде: левая, правая», – сердился он на англичан.

Этот человек был единственным собеседником Гоголя в часы его одиночества, в часы, когда он убегал в сад, чтоб скоротать время, отсидеться вдали от скучных классов или пережить насмешки

товарищей, их неприязнь. Здесь он рисовал присланными ему из дому красками. То были деревья, вид на пруд, копии узоров садовых скамеек. Некоторые из этих рисунков были потом обнаружены в его юношеской тетради – «Книге Всякой Всячины». В конце прошлого века в нежинском парке позади здания лицея (оно было высоким, белым, с колоннами) показывали дерево, на котором рукою Гоголя были вырезаны его инициалы «Н. В. Г.».

Уездный город Нежин стоял на выгодном месте – через него шли дороги из Москвы в Киев, из Чернигова в Екатеринославль. По всем статьям он был похож на тот городишко, в котором, проигравшись в пути пехотному капитану, остановился Иван Александрович Хлестаков.

История с показом Хлестакову лучших заведений города отдает тоже отчасти нежинской фактурою. Лучшими зданиями в городе считались, как указывают современники, лицей (в комедии – училище), богоугодное заведение и окружной суд. Некоторые украинские словечки, а также фамилии действующих лиц «Ревизора» тоже напоминают о том, что Гоголь в некотором роде вывез его из Нежина. Город этот ранее, чем другие города Украины, отошел к России, поэтому и малороссийский характер его был несколько сглажен. Кроме того, в городе жили греки, поляки, но польское, католическое, влияние было мало заметно – из двадцати одной церкви в Нежине все, кроме одной католической каплицы, были православные.

Город жил по преимуществу торговлею. Четыре ярмарки в год – масляницкая, покровская, троицкая и на Фоминой неделе – собирали тут много народу. Кроме того, постоянно торговали торговые ряды и лавки. Самые лучшие дома в Нежине были у купцов – двухэтажные, каменные, с зарешеченными окнами, с амбарами, кладовыми во дворах. Низина, разрезанная на две части речкой Остер, на которой по весне катались в лодках гимназисты со своими пассиями, давала богатые урожаи «огородины». Среди этих, как говорил Гоголь, «изделий сада и огорода», особенно славились маленькие пупырчатые нежинские огурчики, которые вывозили отсюда в изобилии как в свежем виде, так и в виде солений, а также табак, который пудами отправляли в Петербург, Москву, Ригу, за границу.

Нежинский лицей возвышался посреди низкорослого городка, как дворец, как храм науки, как некий нонсенс, который противоречил всему ходу жизни в этом захолустье. Тут читали и переводили Шиллера и Гете, здесь витали в облаках и сочиняли стихи, тут переписывали по ночам строки «Евгения Онегина», зачитывались «Московским телеграфом». При гимназии была недюжинная библиотека – семь тысяч томов. Начало ей положил попечитель лицея граф А. Г. Кушелев-Безбородко, воспитанник пансиона при Царскосельском лицее, почти однокашник Пушкина, человек, который и сам был молод

(в 1821 году ему исполнился 21 год), но уже успел объездить Европу, познакомиться со знаменитым швейцарским педагогом Песталоцци и попасть в список заговорщиков против правительства, который подал царю будущий шеф жандармов А. Х. Бенкендорф. Но Александр I на этот донос не обратил никакого внимания, а автора его понизил в должности.

Другая была эпоха. Эпоха Александра отличалась от эпохи Николая, а Гоголь застал в гимназии веяния еще той, либеральной, эпохи.

2

Его появление в лицее запомнилось однокашникам как комическое зрелище. Новичок был укутан в шубы, свитки и одеяла, их долго развязывали, и когда наконец развязали, то глазам присутствующих предстал невзрачный мальчик с длинным носом, пугливо озирающийся по сторонам. Из его ушей торчала вата. Он сразу забился на последнюю парту и просидел там несколько лет, ни с кем не вступая в близкие отношения, никому не поверяя своих сердечных тайн.

Первые письма Гоголя из Нежина полны просьб взять его обратно. Первую зиму он стоял на квартире у надзирателя немца Зельднера, который безжалостно опекал его, вскрывал его письма к родителям и требовал от Василия Афанасьевича постоянных подарков и подношений из Васильевской экономии. Через год Гоголь из своекоштных (то есть состоящих на собственном коште) студентов превратился в казеннокоштного: благодаря хлопотам Д. П. Трощинского граф А. Г. Кушелев-Безбородко зачислил его в «пансионеры» и отменил плату за обучение, которая по тем временам составляла солидную сумму – 1000 рублей в год – и сильно подрывала бюджет почти не имевших наличных денег Гоголей.

Переход в пансион означал и переезд в здание гимназии (это случилось в марте 1822 года), поселение в одном из гимназических музеумов – так назывались комнаты, где жили воспитанники. Тут уж уединиться было почти негде, тут вся жизнь протекала на глазах товарищей, и поневоле приходилось вступать с ними в отношения. Этот быт описан Гоголем во втором томе «Мертвых душ» при рассказе о школьных годах Тентетникова.

Говорят, что и учитель Тентетникова – Александр Петрович – списан с профессора Н. Г. Белоусова. Белоусов был не только преподавателем естественного права, но и инспектором пансиона. Он навел порядок в этом отделении гимназии, и Гоголь писал в Васильевку, что он и его товарищи «не могут нарадоваться» своему инспектору.

Жизнь Гоголя в Нежине делилась на две половины: одна протекала в стенах гимназии, другая – по ту сторону ее стен. Впрочем, так жили все

гимназисты. Наиболее состоятельные из них снимали квартиры, некоторые жили даже в домах профессоров, там собирались любители словесности, поэты, музыканты. Так, Редкий стоял на квартире у Белоусова, по субботам у него сходились Кукольник, Гребенка, Любич-Романович, Прокопович, Гоголь. Издавали журнал «Навоз Парнасский». Требования к помещаемым в нем сочинениям были жесткие. Устраивался общий суд. Он приговаривал стихи или прозу или к печатанию, или к немедленному уничтожению. Однажды Гоголь прочитал на заседании свою трагедию «Братья Твердиславичи». Ее приговорили к уничтожению. Гоголь при всех разорвал ее на мелкие клочки и бросил в топившуюся печь.

Кто хочет понять Гоголя тех лет, тот должен заглянуть в его юношескую поэму «Ганц Кюхельгартен». Задумчивый, меланхоличный Ганц, конечно, лишь отчасти Гоголь. Его «томность», его мечтания, его сидения «за книгою преданий» – истинные мечтания и сидения Гоголя в Нежине и лишь одна сторона Гоголя, лишь та его сторона, которая до поры до времени только и была видна его учителям и товарищам. Нелюдимость Гоголя в первые годы жизни в Нежине, его скрытность дали ему прозвища «таинственный карла», «мертвая мысль». Он не отличался успехами в науках, особенно в языках, не было видно его и в играх, в разного рода шалостях, которые устраивались за пределами гимназии (гимназисты шатались по трактирам, играли в карты, в бильярд, часто проигрывая с себя шинели и форменные мундиры), его литературные упражнения тоже не вызывали восторга.

Стихи Гоголя, как вспоминает В. Любич-Романович (ставший впоследствии средней руки поэтом), лишь изредка появлялись в «Навозе Парнасском» «в приятельской переделке» Прокоповича. Константин Базили, уже в те годы выделявшийся своей серьезностью и начитанностью (потом он стал консулом России на Востоке, написал несколько трудов по Востоку), говорил Гоголю: «В стихах упражняйся, а прозой не пиши, уж очень глупо выходит у тебя. Беллетрист из тебя не вытанцуется: это сейчас видно…»

У таких гимназистов, как Кукольник, Редкий, Любич-Романович, было преимущество перед сыном Василия Афанасьевича Гоголя-Яновского – они до гимназии получили изрядное домашнее образование, знали историю и языки. Нестор Кукольник свободно говорил на нескольких языках. Его отец, В. Г. Кукольник, был когда-то воспитателем великих князей и первым директором Нежинского лицея.

Кукольник еще в гимназии писал трагедии, и эти трагедии имели успех. Но главный успех Кукольника был там, где появлялись вино и гитара, он прекрасно пел, импровизировал, играл на бильярде, слыл любимцем нежинских «нимф». Позже Гоголь несколько прокатился насчет Кукольника в «Ревизоре», дав Хлестакову должность своего школьного

приятеля – Кукольник по приезде в Петербург служил по министерству финансов.

Ганц Кюхельгартен в поэме Гоголя живет отвлеченной жизнью, книжной жизнью. Сам Гоголь в Нежине писал не только трагедии и элегические поэмы, но и сатиры. Название одной такой сатиры запомнилось соученикам Гоголя – «Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан». Были тут сцены «Завтрак у предводителя», «На ярмарке», «Выборы в городском магистрате», которые Гоголь впоследствии использует в своих повестях.

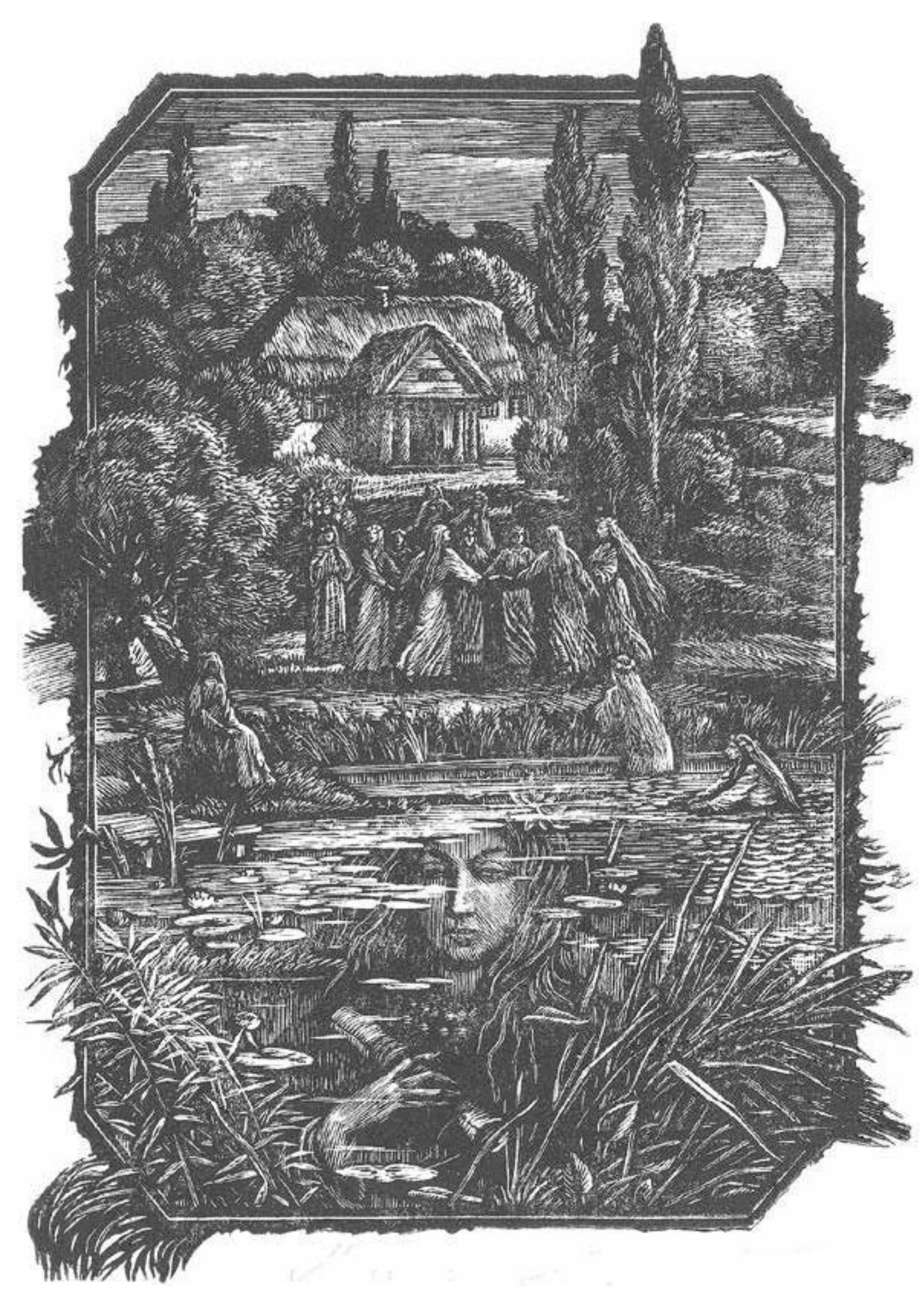
В своих записках Любич-Романович вспоминает, что Гоголь вечно пропадал где-нибудь – то у мужиков, то на рынке, где слушал, что говорят, и записывал в имевшуюся при нем всегда книжечку. Да и «Книга Всякой Всячины», о которой мы уже упоминали, содержит в себе сведения, накопленные Гоголем во времена студенчества. Будучи привезенными в Петербург, они пошли в дело. Это и частушки, и описания малороссийских обрядов, и эпиграфы, часть из которых попадет потом в «Вечера на хуторе близ Диканьки», и «лексикон малороссийский», и «имена, даваемые при крещении» (в этом списке есть и Солоха, и Параска, и Данило, и Ганна, и Андрий, и Хивря, и Хома, Оксана, Левко, Пидорка, Каленик – все имена будущих героев Гоголя), и малороссийские загадки, блюда и кушанья, а также пословицы, поговорки и фразы малороссийские. Нужное студенту Гоголю – скажем, славянские цифры, описания музыкальных орудий у греков, денег и монет разных государств и т. д. – чередуется здесь с тем, что понадобится Гоголю-писателю. Не все записи в «Книге Всякой Всячины» велись в Нежине, часть их Гоголь внес в книгу уже в Петербурге, но начата она была в Нежине, и в подзаголовке ее стоит: «Нежин, 1826 год».

Это громадная, толстенная книга с обрезом алфавита по краям, с аккуратными вкладками из папиросной бумаги, с рисунками капителей, садовых решеток, с собственными рисунками Гоголя и выписками по астрономии, истории, архитектуре.

Гоголевское затворничество кончилось, когда в гимназии открылся театр. Гоголь расписывал роли для исполнителей, рисовал декорации, сооружал подмостки, делал бутафорские вещи и даже шил костюмы.

Тут пригодился его васильевский опыт вышивания по тюлю. Естественно, что он и играл почти в каждом спектакле. Его актерский талант, или талант передразнивания, которому не удалось развернуться в Обуховке и Кибинцах, здесь раскрылся полностью. Тут они сошлись и с Кукольником. Кукольник в «Недоросле» играл Митрофанушку, Гоголь – госпожу Простакову. Софью в том же спектакле играл А. Данилевский. «Если б он поступил на сцену, он бы был Щепкиным», – вспоминал об

успехах Гоголя на гимназических подмостках А. Данилевский. Гоголь был одинаково хорош во всех ролях. Украинского деда он играл так, что зал качало от смеха. В роли Креона в «Эдипе в Афинах» он вызывал ненависть, в роли Простаковой – смех и слезы. Зрителям было жаль эту страстную мать, которая страдает как от своего невежества, так и от безмерной любви к сыну.

«Майская ночь». Худ. С. Харламов

Учебный год в лицее длился с 1 августа до 1 июля. В декабре гимназистов отпускали на рождественские каникулы. Гоголь обычно ездил на эти дни в Васильевку. Но в последних классах он уже не спешил домой, и

бывали случаи, когда все разъезжались, а он оставался один в музеуме и отдавал все время чтению и занятиям. Нужно было подготовиться и к выпускным экзаменам, и к предстоящему поприщу в столице.

Гоголь-гимназист. Неизвестный художник. 1820-е годы

Он никогда не открывал никому ни своих намерений, ни планов. Матери в Васильевку он писал о некоторых имеющихся у него опытах и сочинениях, род которых распознать было совсем невозможно.

Речь, скорей всего, шла о стихах, о сочинениях литературных, потому что, готовя себя к юридической карьере, Гоголь втайне мечтал о другом поприще – литературном. Сочинения Гоголя тех лет не сохранились, исключение составляет «Ганц Кюхельгартен», но эта поэма писалась в такой тайне, что даже самые близкие к Гоголю люди (такие, как Прокопович) ничего не знали о ней. Прокопович, например, был убежден, что «Ганц» создавался в Петербурге.

Конечно, поэма эта вся состоит из заимствований, из отголосков то поэзии германской (с ее «туманами» и книжностью), то Пушкина. Пушкин уже проник в стены гимназии, хотя профессор российской словесности П. И. Никольский дальше XVIII века в литературе не пошел, а обо всех новейших писателях говорил «эта молодежь». «Он знакомил

нас с так называемыми русскими классиками, – писал Н. Кукольник, – а мы на каждой лекции подкладывали ему для исправления, вместо своих, стихи Пушкина, Козлова, Быкова и других. Он марал их нещадно… Он положительно заставил нас изучать русскую литературу до Пушкина и отрицательно втянул нас в изучение литературы новейшей». Байроновские поэмы, которыми тоже увлекались воспитанники, Никольский называл побасенками.

Главным святилищем для Гоголя была в гимназии библиотека. Здесь он и сам на добровольных началах состоял библиотекарем, тут проводил часы за «Историей государства Российского» Н. М. Карамзина. История была в большой моде в то время. При гимназии образовалось даже специальное историческое общество, участники которого самостоятельно составляли историю от древнейших веков до нового времени. Позже в эту библиотеку поступили и сочинения Гоголя, в том числе рукописные его бумаги – их купил для лицея сын попечителя граф Г. А. Кушелев-Безбородко. Нежин стал хранителем рукописей первого тома «Мертвых душ», «Тараса Бульбы», «Портрета», «Театрального разъезда», «Игроков». Так начала складываться знаменитая «Гоголиана» – собрание гоголевских рукописей, материалов и документов из Васильевского архива Гоголей, которое потом было передано в научную библиотеку Академии наук УССР в Киеве.

3

14 сентября 1909 года в бывшем здании Нежинского лицея был открыт музей Гоголя. Туда стали поступать материалы из разных мест. Их присылали знакомые Гоголя, его родственники, частные пожертвователи. В 1910 году сюда поступила книга архивных дел Полтавского поветового училища. Присылали рисунки Гоголя, книги из его личной библиотеки, книги, подаренные им друзьям-литераторам. Памятная книга музея, входящая сейчас в опись «Гоголианы», содержит в себе записи людей всех званий и сословий, которые когда-либо и по каким-либо поводам оказывались в Нежине. Тут и военные, и князья, священники и студенты, художники, чиновники, попечитель Санкт-Петербургского учебного округа Н. А. Мусин-Пушкин. Музей продолжал существовать и в годы Гражданской войны – например, 17 июля 1919 года его посетила команда бронепоезда «Лейтенант Шмидт», а 18 августа того же года – адъютант бронепоезда «Князь Пожарский» прапорщик Курилов. Проходила через Нежин Добровольческая армия – шли в музей, попадали в город итальянцы – и они наведывались к Гоголю; менялась власть, менялось и обличье тех, кто расписывался в книге.

Музей Гоголя просуществовал в Нежине до Великой Отечественной войны. Затем архивы его были вывезены в Киев, вывезли туда же и библиотеку, но комната, в которой был музей, и сейчас существует – она

стала музеем истории Нежинского педагогического института. Когда вступаешь под его своды, сверху на тебя смотрит составленная из огромных букв надпись: «Здесь учился Гоголь». Это не мемориальная доска, не памятная табличка, а просто надпись на стене – ее видно издалека. Перед зданием бывшего лицея стоит бюст Гоголя, памятник Гоголю есть и в городе.

Новый Нежин не похож на старый Нежин, в котором была замощена одна только улица, а остальные тонули в грязи. Тогда лицей был самым большим зданием в городе – сейчас он, хотя и стоит наособицу и выделяется своей старинной постройкой, величественностью и белизной стен, все же он не единственный ориентир среди беспорядка домов.

Здание надстроено (пристроен еще один этаж), но оно похоже на гоголевскую гимназию: так же толпятся за его спиной старинные деревья, так же тянется в неизвестность безбородковский парк и ранние осенние листья лежат на его нестриженых аллеях.

Некогда на Соборной площади города, как пишет историк гимназии профессор Н. Лавровский, бродили свиньи, коровы и другие «звери». В купеческих домах и разбросанных по обе стороны Остера хатках рано гасли огни. Да и день воспитанников лицея начинался рано – в пять тридцать утра. Поэтому и ложились они в девять вечера, нельзя было ни жечь свечей, ни шелестеть страницами книги. Надзиратели ходили по коридорам и заглядывали в музеумы. И сейчас некоторые из этих комнат сохранились. Окна их выходят в парк, в коридоре видны дверцы старинных печей. Голо, неуютно в этих пустых классах – кажется, так было и при Гоголе и он недаром страдал в Нежине и обличал этот город «низких существователей» и «низкой существенности».

Но именно в этой «существенности» и должна была зародиться «мечта» Гоголя. В своих петербургских повестях он противопоставит «мечту» и «существенность». «Мечта» вырастает из «существенности», питается ею. Гоголевская «мечта» (его идеал) всегда чиста, «существенность» же опускается до «осадка человечества». Гоголевские мечтатели живут не в поместьях, а на «чердаках», им уготована участь бедных чиновников, которым надо всю жизнь взирать на стоящих выше, на тех, кому чины и звания достаются не потом, а даны от рождения.

Гоголь сам прошел этот путь, и начался он в Нежине. Он вышел из гимназии студентом, то есть чиновником четырнадцатого класса, и выше восьмого класса не поднялся.

Его частое пребывание наедине с собой (особенно после смерти отца) выковало в нем волю и характер. Гоголь рано научился рассчитывать на себя. Он не был изгоем ни в музеуме, ни в классе, но у него были все основания считать себя бойцом-одиночкой. Таясь, он имел право на тайну. Не открываясь весь товарищам, он делал это не из страха – это

была самозащита таланта. Его практичность, его привычка добиваться того, чего, кажется, в его положении добиться нельзя, вынесены из юношеских лет. Поэтому он и говорит в «Мертвых душах»: забирайте с собою из юности в зрелое мужество всё, что можете унести – не подберете потом.

Дисциплина в гимназии была не на высоте, за провинности и проступки, случалось, пороли. Это было унизительное наказание, и, хотя к розгам прибегали в крайних случаях, эти уроки Нежина тоже не забылись Гоголем.

Чаще наказывали по мелочам, но тоже унизительно. Журнал классных надзирателей лицея полон записями такого рода: «За леность и драку оставлены без обеда», «За шалость и невежество стоял на коленях», «Стоял в углу за брань», «За игру в деньги оставлены без чай» (очевидно, запись сделана немцем), «За крик во время рисовального класса... выгнаны от стола во время обеда». Гоголь часто поминается в этом журнале. И его лишают булки, заставляют стоять в углу и оставляют без ужина.

В Царскосельском лицее ничего подобного не было. Там во время обеда подавалось красное вино, воспитанники читали иностранные газеты. Сам лицей помещался во флигеле царского дворца. Прямой переход вел из лицейских комнат в царские покои. До Нежина едва доползали «Московские ведомости», тут секли, тут к столу подавали в лучшем случае грушевый квас.

Каждый устраивался, как умел. Иным родители присылали богатые подарки из дому, деньги и припасы, другие сидели на казенном коште. Когда был жив Василий Афанасьевич, Гоголь без помех получал из дома и провиант, и денежную помощь. Когда отец умер, с припасами и обозами из Васильевки стало труднее. У Марии Ивановны на руках осталось пятеро детей, и частые поступления прекратились. Пришлось Гоголю «съежиться» и перейти на строгую экономию. Из своих скудных средств он не жалел денег только на книги да на краски; и еще раздавал их нищим, за что его ругал дядько Симон.

4

Нежинские впечатления Гоголя, кажется, нигде прямо не отразились в его сочинениях. Хотя уездный город в «Ревизоре» нельзя представить без Нежина, без знания механизма уездной жизни, которую Гоголь нигде не мог так пристально наблюдать, как в Нежине: кажется, и городничий, и судья Ляпкин-Тяпкин, и попечитель богоугодных заведений Земляника взяты отсюда, тут родились и померли. Может быть, где-то на старом нежинском кладбище и сохранились их могилы.

Так или иначе, но некоторые куски гоголевской прозы уже сквозят в его письмах из Нежина, где наряду с возвышенным слогом юного мечтателя пробиваются совсем иные ноты – веселые ноты веселого Гоголя: «Теперь Гимназия наша заселена все семействами. Всем чиновникам пришла блажь жениться. Об женитьбе Шапалинского и Самойленка, я думаю, ты слышал; кроме того, Лаура (Персидский) совокупился законным браком с дочерью Капетихи. Ваковский женится на Филибертисе… Иеропес на Базилевой сестрице… Лопушевский на какой-то французской мамзели, которой имени, ей-богу, я до сих пор не знаю… и даже козак Моисеев намеревается, вероятно, уничтожить одиночество своей жизни, хотя это и кроется во мраке баснословия…

…Мишель, наш барон Кунжут-фон-Фонтик – радуйся – снова у нас, а мы уже было думали, что он совсем нас оставит. Уже подал было прошение о принятии его в драгунский полк; но благоразумный отец его, узнав об этом, отеческою рукою расписал ему задний фасад, в числе 150 ударов, и он, барончик, обновленный, явился у нас снова, празднуя свое перерождение». «Читая письмо мое, – заканчивает это описание гимназических новостей Гоголь, – я думаю, ты почесываешь голову и частенько поглядываешь на часы, как на свидетелей теряемого времени. Но неужели мы должны век серьезничать, – и отчего же изредка не быть творителями пустяков, когда ими пестрится жизнь наша?»

Это написано за год до окончания лицея. В прозвищах профессоров и учеников гимназии слышится смех Гоголя, в рассказе об их похождениях, в тоне рассказа, в пародировании их привычек и любимых словечек видны его острый глаз и фантазия.

«Не могши ни с кем развеселиться, – добавляет он там же, – мысли мои изливаются на письме». Это и есть начало писательства Гоголя – того писательства, которое он осознает как единственное свое поприще не сразу, а лишь по прошествии времени.

В Нежин приедет мальчик Гоголь, домашний ребенок Гоголь – из Нежина уедет юноша, уже понявший смешную сторону жизни.

В Нежине Гоголь узнает себя, свой характер, переживет горе (смерть отца), обиды, будет «прижимаем злом». Но он узнает и радость забвения в веселье, в веселой игре в жизнь, в переиначивании ее в воображении на свой лад.

Историк литературы П. Е. Щеголев очень точно писал, что игра (всякое обыгрывание, всякое передразнивание, всякое актерство) была у Гоголя периода нежинских лет выражением полноты натуры. При отсутствии понимания со стороны игра переходила в мистификацию – и это выработало стиль Гоголя, метод Гоголя.

«Как угодно почитайте меня, – напишет Гоголь перед отъездом из Нежина матери, – но только с настоящего моего поприща вы узнаете настоящий мой характер, верьте только, что всегда чувства благородные наполняют меня, что никогда я не унижался в душе и что всю жизнь свою обрек благу. Вы меня называете мечтателем, опрометчивым, как будто бы я внутри сам не смеялся над ними. Нет, я слишком много знаю людей, чтобы быть мечтателем».

Глава V

Петербург

1

Еще в Нежинском лицее Гоголь думает о Петербурге, надеется попасть в Петербург. «Ты живешь уже в Петербурге, – пишет он бывшему однокашнику Г. Высоцкому, – уже веселишься жизнью, жадно торопишься пить наслаждения...» Издалека петербургская жизнь представляется каким-то балом, какой-то, если выражаться старинным петровским языком, ассамблеей, где все сверкает, кружится в вихре веселья, творчества, успеха, побед. «Пиши мне о своей жизни, – продолжает он, – о своих занятиях, удовольствиях, знакомствах, службе и обо всем, что только напоминает прелесть жизни петербургской». Он даже службу включает в число прелестей жизни столичного человека.

В другом письме Гоголь грезит о том, как он гуляет по Петербургу, бродит «по булеварам», любуется Невою, морем. Это не мешает ему, правда, справиться и о том, каковы цены в Северной Пальмире, почем там квартиры, «что нужно платить в год за две или три хорошенькие комнаты», «как значительны жалованья» и т. д. Заканчивает он письмо следующими словами: «Сколько в Петербурге домов, памятников, иллюминаций, пожаров, наводнений, тезоименитств, а виды с Васильевского острова!»

Петербург. Литография. 1830-е годы

Он пишет о Петербурге как юноша, который смеет надеяться, что на петербургских просторах вылепится его судьба.

Эти письма датированы 1827 годом. Уже тогда, за год до окончания гимназии, Гоголь принял решение ехать в Петербург.

Заглянем же теперь в его первое письмо домой по приезде в столицу. Оно и по виду мрачно, все покрыто какими-то водяными пятнами (может быть, слезами), строчки его съезжают вниз, наезжают одна на другую, от чернил остаются кляксы. «Скажу еще, – сообщает Гоголь матери, – что Петербург мне показался вовсе не таким, как я думал, я его вообразил гораздо красивее, великолепнее, и слухи, которые распускали другие о нем, также лживы. Жить здесь не совсем по-свински, т. е. иметь раз в день щи да кашу, несравненно дороже, нежели думали».

Первую неделю Гоголь просидел на квартире, которую они сняли с А. Данилевским в доме купца Галыбина на Гороховой улице под номером 130 и которая состояла из двух тесных комнат, просидел, ничего не делая и «поджавши руки». И, лишь опомнившись от шока (от высоких цен, грязной квартиры, ощущения своей затерянности в петербургской «пустыне»), он вышел на улицу.

Дома стояли ровно, один к одному, как солдаты на параде, прижавши к плечу плечо. Все было выстроено как по линейке, сама улица была одна

вытянутая через весь город линейка, в одном конце которой терялись очертания моста через Фонтанку, в другом – блестел золотом недвижный и вместе с тем несколько парящий в мареве морозного воздуха шпиль Адмиралтейства.

Прежде чем «пить наслаждения», надо было устроиться. У Гоголя на дне чемодана лежало рекомендательное письмо Д. П. Трощинского к Л. И. Голенищеву-Кутузову. Голенищев-Кутузов был генерал, для провинциала знатный вельможа, к тому же родственник знаменитого Кутузова. Он мог дать бедному сыну Марии Ивановны Гоголь бумагу для какого-нибудь другого лица, рангом пониже, но имеющему власть в пределах отделения, или стола, как тогда говорили, в департаменте.

Но природная гордость удержала Гоголя от этого поступка. Он все оттягивал визит к покровителю, а когда, наконец, пошел, то оказалось, что вельможа болен, потом он все-таки принял его, но принял так, как вельможа в «Мертвых душах» принимает капитана Копейкина. «Мои покровители, – скажет Гоголь впоследствии, – водили меня до тех пор, пока не заставили меня усумниться в сбыточности их обещаний».

Первые месяцы жизни Гоголя в Петербурге – это месяцы безделья, проживания маменькиных денег и поисков места службы. Это, конечно, и поиски места в журналах, искания литературных знакомств и иных, более милых ему покровительств. Дело в том, что вместе с рекомендательным письмом Трощинского он привез с собой и рекомендацию иного толка – поэму о таком же, как он, молодом мечтателе, поэму под названием «Ганц Кюхельгартен».

Гороховая улица, как и все улицы в Петербурге, была улицей-коридором. Низкие проемы в первом этаже домов вели в каменные дворы, образующие замкнутое пространство из стен, в которых, как соты в улье, были налеплены маленькие окна. С фасада окна были покрупнее (и, соответственно, этажи поменьше), с тыла – помельче (и этажей побольше). Гороховую, видимо, недаром назвали Гороховой: цвет ее был грязно-желтый – то ли от цвета торцовой мостовой, отсыревшей в петербургском промозглом климате, то ли от потекшей и слившейся в каком-то гороховом цвете краски домов, то ли от одежды народа, составлявшего основное население этих мест. Гороховую в то время называли Невским проспектом народа. Если на Невском в два часа дня – время выгула собак, а также дворянских детей с их «миссами» и бледнолицыми родителями в разноцветных платьях, шляпах, шарфах и т. д, – все сияло и переливалось, как картинка в модном журнале, то на Гороховой с 10 утра до вечера сновали мастеровые, крестьяне, бабы в платках, извозчики, слуги бедных господ, мещане и разночинцы. «Народ» вообще составлял в Петербурге преобладающую часть жителей из 422 тысяч жителей столицы в 1829 году (а Гоголь приехал в Петербург в конце 1828-го, как раз накануне

Нового года) крестьян здесь насчитывалось более ста тысяч, дворовых около ста, разночинцев – пятьдесят шесть тысяч, столько же нижних воинских чинов, то есть солдат, а мещан – двадцать с лишним тысяч. Дворян же – в список которых попадали и царь, и министры, и сенаторы, и иные сановники, статские и военные генералы – было всего лишь сорок одна тысяча, то есть одна десятая обитателей этого каменного колосса.

Чиновники, поручики, художники, статские майоры, женщины легкого поведения, цирюльники, купцы – вот кто стал героем петербургских повестей Гоголя. Им суждено лишь издали смотреть на большой свет, заглядываться на всю эту блестящую жизнь, которая протекает за окнами недоступных им дворцов и бельэтажей Невского проспекта, но их собственный удел – селиться в Садовых и Гороховых, на «канаве», как тогда называли Екатерининский канал (ныне канал Грибоедова).

Гоголь скоро съехал с квартиры на Гороховой и отчасти подвинулся к центру города, дав, правда, некоторый зигзаг в еще более злачное его ответвление. Они с Данилевским переехали в дом аптекаря Трута на Екатерининском канале, рядом с церковью Вознесения. Здесь Гоголь прожил недолго и перебрался на новую квартиру, опять-таки неподалеку от старой, но все же приближающей его еще на известное расстояние к 1-й Адмиралтейской части, то есть к тому месту, где находились сенат, Адмиралтейство, Зимний дворец и памятник Петру Первому.

На этот раз его хозяином стал каретник Иохим, и дом, в котором Гоголь поселился (опять окнами во двор), назывался домом Иохима на Большой Мещанской улице. Немец Иохим считался лучшим каретным мастером в Петербурге. Его услугами пользовались сливки общества. Были три мастера в столице, которые одевали, обшивали и обеспечивали экипажами петербургское дворянство: портной Руч, сапожник Пель и каретных дел мастер Иохим. Гоголь, напечатав «Вечера на хуторе близ Диканьки» и несколько поправив свои финансовые дела, сам шил платье у Руча и сапоги у Пеля. В одной из редакций «Ревизора» Хлестаков поминает Руча, а в каноническом тексте комедии Иохим приходит на ум гоголевскому герою, когда он мечтает пустить пыль в глаза своим собратьям-помещикам в Саратовской губернии: «Жаль, что Иохим не дал напрокат кареты, а хорошо бы, черт побери, приехать домой в карете, подкатить эдаким чертом к какому-нибудь соседу помещику под крыльцо, с фонарями, а Осипа сзади одеть в ливрею…» Лакей на запятках в ливрее – признак хорошего тона, а карета выделки Иохима – вдвое.

Матери в апреле 1829 года Гоголь пишет: «Дом, в котором обретаюсь я, содержит в себе 2-х портных, одну маршанд де мод, сапожника, чулочного фабриканта, склеивающего битую посуду, дегатировщика и

красильщика, кондитерскую, мелочную лавку, магазин сбережения зимнего платья, табачную лавку и, наконец, привилегированную повивальную бабку. Натурально, что этот дом должен быть весь облеплен золотыми вывесками. Я живу на четвертом этаже…»

С фасада, выходившего на Большую Мещанскую, дом имел лишь три этажа, и с этой стороны жили люди поважнее. Гоголь же был безвестный студент, к тому же платить за квартиру ему теперь приходилось одному: Данилевский отделился от него, так как поступил в школу гвардейских подпрапорщиков. Гоголь по-прежнему был неустроен: уже три месяца жил он в столице, проживая данные ему маменькой деньги, но места не приглядывалось.

Пришлось «приняться за ум, за вымысел», как пишет Гоголь в том же письме матери, где рассказывает о своем новом жилище.

Здесь же он просит ее сообщить ему обряды и обычаи малороссиян, описания платья, носимого крестьянскими девками, до последней ленты, а также сведения о колядках, о русалках, об Иване Купале, о духах и домовых. Это – первые намеки на грядущие «Вечера», первые предвестники гоголевской работы над ними. Именно в доме Иохима на Мещанской Гоголь делает поворот в своем петербургском существовании – садится за стол и берет в руки перо.

Дом Иохима сохранился до наших дней, это довольно «породистое» здание на в целом невзрачной бывшей Большой Мещанской или просто Мещанской, как ее называли проживавшие здесь современники Гоголя. В «Невском проспекте» Гоголь поселил в Мещанской пассию поручика Пирогова – хорошенькую и глупенькую немочку, жену жестяных дел мастера Шиллера. «Они вошли темными Казанскими воротами в Мещанскую улицу табачных и мелочных лавок, немцев-ремесленников и чухонских нимф. Блондинка бежала скорее и впорхнула в ворота одного довольно запачканного дома». Другого своего героя – майора Ковалева из повести «Нос» – Гоголь поместил тоже поблизости, в Садовой улице, той самой улице, которая начиналась от Сенного рынка, находившегося в десяти минутах ходьбы от дома Иохима. Дом Иохима выходит фасадом на Столярный переулок (теперь улица Пржевальского), переулок – на «канаву». Через канал переброшен Сенной мост с деревянным настилом, а с моста открывается Сенная площадь – царство петербургской толкучки, вече спроса и сбыта, торговли, перепродажи, деревенская Русь посреди городской Руси. На Сенной площади помещался Сенной рынок, он описан Достоевским в «Преступлении и наказании». На камнях этой площади просил прощения у народа раскаявшийся убийца Раскольников.

Для Гоголя это было место, где он толкался, чтобы послушать разговоры, прицениться к репе и луку, к лошадям и сену, послушать

гудящее море толпы, слух на разноязыкие голоса которой у него был идеально настроен.

Садовую улицу пересекает бывший Вознесенский проспект (проспект Майорова), на нем находилась цирюльня Ивана Яковлевича, того самого, что отрезал нос несчастному Платону Кузьмичу Ковалеву. Здесь же, на углу Вознесенского проспекта, в одном из номеров гостиницы «Неаполь» Гоголь сжег напечатанную поэму «Ганц Кюхельгартен». В этой гостинице жил до 14 декабря 1825 года Петр Каховский, отсюда он отправился на Сенатскую площадь.

«Ганц Кюхельгартен» был напечатан на собственные средства Гоголя, под псевдонимом В. Алов. На него без промедления откликнулись журнал «Московский телеграф» и газета «Северная пчела». Отзывы были убийственны.

Петербург. Садовая улица. 1-я половина XIX века

Гоголь вместе со своим слугой Якимом Нимченко отправился по магазинам, скупил у книгопродавцев все экземпляры и, сняв номер в «Неаполе» (благо гостиница находилась поблизости), сжег их. О своей поэме и ее участи он никогда не вспоминал более.

История с «Ганцем» была тяжким ударом для никому не известного таланта. Гоголь в отчаянии даже покинул Петербург и уехал в Германию, в Любек, удивив этим поступком мать (деньгами которой,

данными ему на оплату долгов в опекунский совет, он воспользовался), и друзей, и собственного слугу.

С этих пор он еще более будет бояться предать свои труды огласке и даже матери станет писать, что если его сочинения когда и выйдут, то будут «на иностранном языке».

Живя у Иохима, Гоголь не знал, что в том же доме, только в квартире окнами на Большую Мещанскую, живет другой поэт – Адам Мицкевич.

Позже Гоголь познакомится с ним в Париже, но в те дни, когда начнут роиться у него в голове будущие образы его малороссийских повестей, когда задумается он о своем истинном призвании, рядом будет биться сердце другого поэта.

2

В начале 1829 года Гоголь сделал попытку познакомиться с Пушкиным. Из-за Пушкина, из желания встречи с Пушкиным, желания жить рядом с Пушкиным и ехал он в столицу. Все его честолюбивые надежды, поверх которых лежали мечты о юридическом поприще, были в глубине надеждами поэтическими, связанными с поэзией, с писанием прозы и стихов. Привезя в Петербург поэму «Ганц Кюхельгартен», кому Гоголь мог ее показать? Только Пушкину. Не одному Пушкину (он, когда поэма была напечатана, разослал экземпляры и П. Плетневу, и Н. Полевому), но Пушкину в первую очередь, Пушкину как высшему судие.

Предание относит это посещение к первым месяцам 1829 года. Гоголь жил или в доме Трута, или уже перебрался к Иохиму. Так или иначе, он должен был миновать уже обжитую им часть Петербурга и выйти на Невский, а там у Полицейского моста свернуть на Мойку, где в трактире Демута, в 33-м номере, состоящем из двух комнат, жил Пушкин. Гостиница Демута была рядом с проспектом (ныне на этом месте стоит дом № 40).

Гостиница Демута была известной гостиницей в Петербурге. Здесь живали А. П. Ермолов и П. Я. Чаадаев, тут бывал у Пушкина Мицкевич. Останавливался здесь К. Н. Батюшков, снимали комнаты П. И. Пестель и А. С. Грибоедов.

Пушкин, тогда еще не женатый, вел, по словам автора книги «Пушкинский Петербург» А. Яцевича, рассеянную жизнь. «Все утро, лежа в постели, он читал и вставал лишь при приходе гостей. Тогда он усаживался за столик и, беседуя, полировал свои ногти».

В тот вечер, когда Гоголь осмелился навестить его, Пушкин отсыпался после затяжной карточной игры. Слуга не пустил молодого человека на порог, сказав, что «хозяин почивают». «А что, всю ночь работали?» – спросил Гоголь. Слуга только махнул рукой и закрыл дверь.

Гоголю повезло. Прими Пушкин начинающего поэта, прочти его поэму (хотя точных свидетельств, что это был именно «Ганц Кюхельгартен», нет), несдобровать бы тому. Вряд ли бы Пушкин одобрил это слабое подражание ему, Пушкину, и немецким романтикам.

По рассказу Гоголя, записанному П. В. Анненковым, он, оробев на подходе к гостинице, вернулся на угол Невского и Мойки и в кондитерской Вольфа и Беранже выпил рюмку ликера, чтоб унять нервную дрожь.

Он очень хотел увидеть Пушкина. Пушкин был его кумир. Все стихи Пушкина, появлявшиеся в печати, он знал наизусть. В гимназии тайно переписывали главы «Онегина». Все нежинские пииты подражали Пушкину, молились на Пушкина.

Судьбе было угодно, чтоб Гоголь и Пушкин встретились в другое время и при других обстоятельствах.

А. С. Пушкин. Портрет работы П. Ф. Соколова

«Демут» находился в 1-й Адмиралтейской части, комнаты даже в четвертом (самом неаристократическом) этаже стоили в двадцать раз дороже, чем «чердак» Гоголя. Сохранилась, кстати, опись прихода и расхода денег на декабрь и январь 1829–1830 гг., которую Гоголь, живя по большей части на средства матери, составил для Марии Ивановны: за квартиру – 25 рублей, за стол – 25 рублей, на дрова – 7 рублей, на свечи – 3 рубля, водовозу – 2 рубля, на чай, сахар и хлеб – 20 руб., в библиотеку для чтения – 5 рублей, на сапоги – 10 рублей и т. д.

Осенью 1829 года Гоголь съезжает со своего четвертого этажа и поселяется в таком же четвертом этаже на углу Столярного переулка и Екатерининского канала в доме Зверкова. Это тот самый дом, о котором речь идет в «Записках сумасшедшего». Герой повести Поприщин смотрит на него и думает: экая махина! Вон куда вымахал! В этом доме живет знакомый Поприщина, он музыкант, играет на трубе.

В этом доме суждено было родиться гоголевским «Вечерам». Тут они писались, тут Гоголь стал Гоголем, хотя страшился еще объявить свое настоящее имя и прятал его под разными псевдонимами. Отсюда отправлялся он в дальние прогулки на Васильевский остров, в Академию художеств, величественное здание которой стояло на правом берегу Невы, напротив строящегося Исаакиевского собора. Здесь он посещал классы для вольноприходящих любителей живописи и, может быть, сам рисовал, срисовывал древние антики или смотрел, как позируют будущим художникам натурщики.

В стены академии перенесет он действие некоторых сцен повести «Портрет».

Гоголь с детства любил рисование. Он составлял узоры для домашних ковров, которые выделывались в Васильевке, расписывал стены арабесками.[5] Художники – герои гоголевских повестей «Портрет» и «Невский проспект», в их судьбе и образе жизни видны черты их создателя. И Гоголь, как и Пискарев из «Невского проспекта», мечтатель и идеалист, обитатель бедного чердака, мерзнущий в холодном Петербурге и видящий в снах теплое небо Италии. Перед Гоголем, как и перед Чартковым, встает искус славы, известности, искус писать одно и то же, когда критика, как сговорившись после выхода «Вечеров», начнет толкать его на путь малороссийского «жартовника», то есть беззлобного описателя нравов, быта малороссийской старины, никому не мешающей и всех потешавшей.

Но он изберет иной путь.

Он отвернется от блещущего красками юга и обратит свой взор на «пыльную» столицу, он проникнет в петербургские чердаки и углы, где ютятся существа, еще не попадавшие под свет литературы.

Иллюстрация В. Васнецова к повести «Портрет»

Он свернет с Невского в Коломну, этот город в городе, ту часть его, где почти не загораются по вечерам фонари, где ложатся спать в девять, а встают в пять, где обитают ростовщики, вдовы чиновников и иные незаметные существа, которые составляют «осадок человечества».

Какая площадь описана в «Шинели»? Трудно сказать. Но она напоминает «пустыню». На эту площадь ступил с колотящимся от страха сердцем Акакий Акакиевич после пирушки у приятеля. Новая шинель давила ему на плечи и не защищала его, а, наоборот, подставляла под невидимые глаза тьмы, со всех сторон которой грезилась ему опасность, угроза – угроза потерять эту приобретенную ценой половины жизни кошку на воротник.

Пустыней кажется Башмачкину опустевшая площадь, и только где-то на самом краю ее, как на краю света, блестит какой-то огонек.

Или вот еще кусочек прозы Гоголя из начала повести, героем которой должен был стать студент: «Фонарь умирал на одной из дальних линий Васильевского острова. Одни только белые каменные домы кое-где

вызначивались. Деревянные чернели и сливались с густою массою мрака, тяготевшего над ними. Как страшно, когда каменный тротуар прерывается деревянным, когда деревянный даже пропадает, когда все чувствует двенадцать часов, когда отдаленный будочник спит, когда кошки… одни спевываются и бодрствуют!

Но человек знает, что они не дадут сигнала и не поймут его несчастья, если внезапно будет атакован мошенниками, выскочившими из этого темного переулка, который распростер к нему свои мрачные объятья».

Акакий Акакиевич. Иллюстрация П. Боклевского к повести «Шинель»

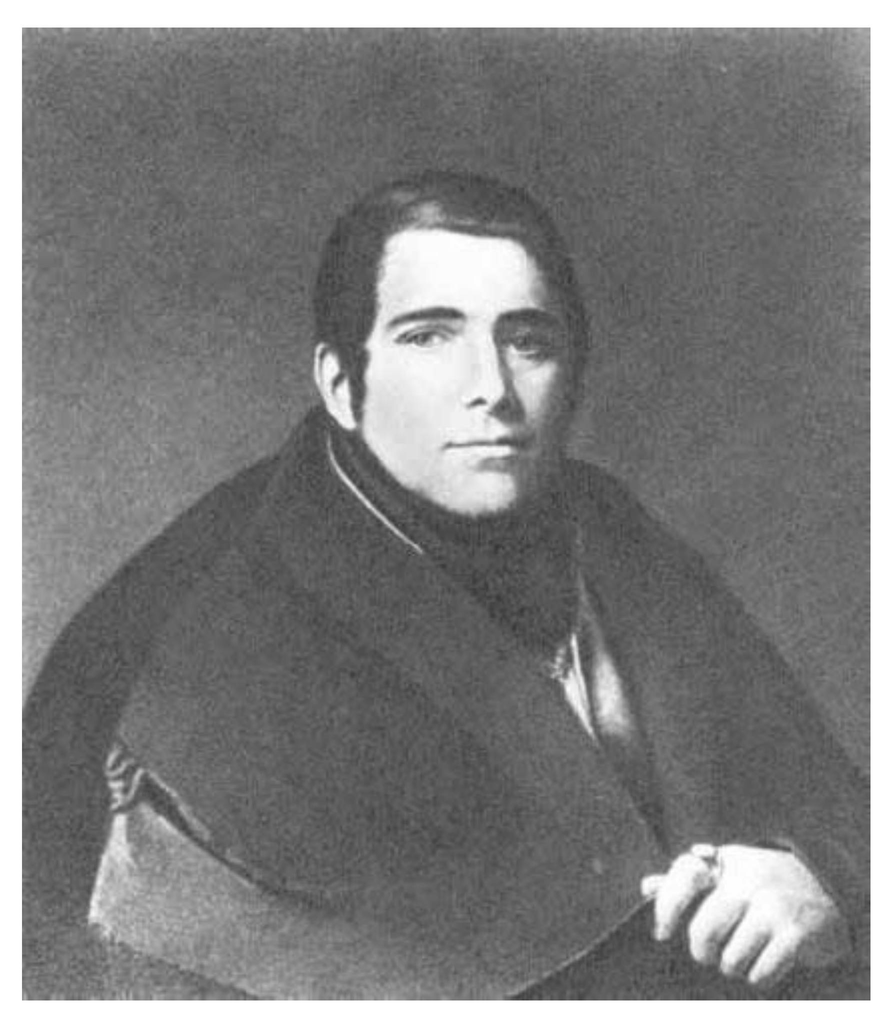
От чувств студента (читай, Гоголя), испытанных на этой дальней линии Васильевского острова, до страшного предчувствия, охватившего Акакия Акакиевича на пустынной площади, – один шаг.

Петербург «Шинели» и «Записок сумасшедшего» не похож на Петербург «Ночи перед рождеством», когда пролетающий над ним Вакула видит сверкающее море огней, груды четырехэтажных домов, сияющих светом окон, а потом, опустившись на землю, ступает на раззолоченную лестницу императорского дворца. Этот новый Петербург Гоголя темен, на его лестницах, ведущих под крыши, пахнет кошками и помоями. Сверкает и горит (да и то лжет своими огнями) Невский проспект, а чуть сойди с него, как некая гробница надежд берет тебя в свои объятья.

Так описана Гоголем Коломна в «Портрете», таковы места обитания Пискарева, Поприщина, Башмачкина. Все его герои живут, как правило, в четвертом этаже, или на «чердаке» (что одно и то же), ниже они не спускаются, потому что ниже – это значит выше. Ниже – уже бельэтаж, о проживании в котором можно лишь мечтать. Так мечтает жить в бельэтаже Хлестаков, мечтает о том же в первой части «Портрета» Чартков.

В доме Зверкова Гоголь жил со своим однокашником Пащенко. Тут они вспоминали Нежин, Украину, здесь устраивались скромные пирушки на вырученный за статейку гонорар. Живя у Зверкова, Гоголь стал печататься в «Литературной газете» Дельвига. Однажды (это случилось 1 января 1831 года) отрывок из его повести «Страшный кабан» появился в ней рядом со стихотворением Пушкина.

Это была заочная встреча Гоголя и Пушкина. Очная произошла четыре месяца спустя в доме П. А. Плетнева на Обуховском проспекте. Гоголь уже был знаком и с Плетневым, и с Жуковским. Плетнев писал о нем Пушкину, писал о том, что Гоголь по его совету избрал педагогическое поприще, но преуспел и в литературе. Пушкин отвечал, что Гоголя не читал за недосугом.

П. А. Плетнев. Портрет работы А. Тыранова

К этому времени Гоголь успел даже послужить и в департаменте государственного хозяйства и публичных зданий (где состоял в должности писца), и помощником столоначальника, а потом и столоначальником в департаменте уделов, что помещался вблизи Дворцовой набережной, на Миллионной. В 1831 году П. А. Плетнев устроил его учителем истории в Патриотический институт. Институт находился на Васильевском острове, и путь туда для Гоголя был далек и труден.

День в Петербурге начинается рано. У дворников и караульщиков он начинается в четыре утра, когда колокольный звон, зовущий к молитве, будит простой народ. В эти часы запоздалый пешеход еще бежит, возвращаясь с дружеской вечеринки, одинокие дрожки несутся через город, унося заснувшего после бессонной ночи богача, а пастуший рог уже сзывает коров, по мостовой к заставе подъезжают возы с сеном, припасами, посудою, артельные рабочие толпами валят к местам своей работы, крестясь на ходу, заполняются Апраксин, Щукин двор, мастеровые в мастерских разжигают свои горны и отбивают железо. В семь утра за Фонтанкою в Коломне, в Рождественской части и на островах все ожило, а в Адмиралтейской части еще спят – тут

отсыпаются после балов, театра, партии в вист. После восьми появляются на улицах собратья Гоголя – чиновники – серый вицмундирный народ с оттенком зеленого, болотного цвета, с папками под мышкой. «Свет» встает в одиннадцать и двенадцать, когда чиновник уже голоден, уже до ломоты болит его исписавшая не одно перо рука.

То же и вечером. В семь вечера в Коломне, на Петербургской стороне убирают самовары, читают святцы, зажигают лампады перед образами, готовятся отойти ко сну, а Петербург Адмиралтейских частей лишь начинает жить – едет в клубы, на вечера, на балы.

Гоголь, прожив в Петербурге шесть лет, так и не был ни на одном балу. Он мог только вообразить их, представить в поэтическом сне, как представляет во сне такой бал герой «Невского проспекта» Пискарев.

3

Первое свое прозаическое сочинение Гоголь напечатал в «Отечественных записках», журнале П. П. Свиньина. Это была повесть «Бисаврюк», потом получившая название «Вечер накануне Ивана Купала». Свиньин безжалостно выправил повесть, и Гоголь снял свою подпись. Меж тем со Свиньиным он подружился, бывал в его «Музеуме», находящемся на Михайловской площади, где было все – от картин Тропинина, Щедрина и скульптур Козловского до сшитого из паутины чепчика работы некой Бородиной. Тут были и минералогический кабинет, и собрание медалей и миниатюр, и собрания малахита и серебра, и коллекция старинного оружия. Все это Свиньин в 1834 году должен был продать с аукциона. Торги состоялись на Морской улице, в помещении диорамы Палацци. К тому времени Гоголь жил поблизости, в Малой Морской, и не исключено, что впечатления от аукциона Свиньина дали ему материал для описания аукциона в повести «Портрет».

Но встреча с Пушкиным на Обуховском проспекте в мае 1831 года никак не запечатлелась ни в письмах Гоголя, ни в его сочинениях. Все, что касалось личных отношений с Пушкиным, их переписки (весьма небольшой) и встреч, Гоголь оставлял про себя. Только письма Пушкина (числом три, считая короткие записки) он хранил в отдельном конверте и перед смертью, сжигая бумаги, отложил их в сторону.

На лето Гоголь и Пушкин поселились почти рядом – Гоголь в Павловске, Пушкин – в Царском Селе. Лето 1831 года было тревожным. В Петербург пришла холера. Всюду выставили карантины. В город нельзя было проехать. Гоголь несколько раз бывал у Пушкина в Царском, но свидания эти были недолгими. И хотя Гоголь писал Данилевскому, что почти каждый вечер встречаются в Царском «Пушкин, Жуковский и я», это было преувеличение. Пушкин проводил

время с молодой женой (в феврале 1831 года он сыграл свадьбу), и ему было не до малознакомого провинциала Гоголя.

Пушкин снял квартиру в доме Китаевой на петербургской дороге. Дом этот стоял в двух минутах ходьбы от царского дворца, рядом, в другом дворце, жил воспитатель наследника Жуковский, частой гостьей Пушкиных была фрейлина А. О. Россет. Пушкин, гуляя по царскосельскому парку с Натальей Николаевной, не раз встречался в аллеях с царем и царицей. Гоголь в своем Павловске должен был по складам учить читать полоумного князя Васильчикова. Это был другой образ жизни и другая участь.

В. А. Жуковский. Портрет работы П. Ф. Соколова

Тем не менее, когда Гоголь, по снятии карантинов, поехал в Петербург, Пушкин передал с ним для Плетнева «посылочку» – «Повести Белкина».

Вернувшись из Павловска и начав печатать «Вечера» (первую их часть), Гоголь переехал из дома Зверкова и поселился на Офицерской улице, в доме Брунста. Тут он прожил недолго, с августа 1831 по ноябрь 1832 года. Но это были важные для него месяцы. Это было время признания и

славы. Все журналы и газеты откликнулись на «Вечера». Сам Пушкин в «Приложении к «Русскому инвалиду» похвалил их. «Истинно веселая книга», – сказал он о них. Имя Рудого Панька сделалось известным в литературных кругах. Было известно и то, что под этим псевдонимом скрывается Николай Гоголь-Яновский, недавний студент, приехавший с Украины. Его и приняли сначала за веселого украинского Пасичника, который отныне будет тешить публику и развлекать ее историями из прошлого малороссиян.

Но Гоголь уже писал повесть «О том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», задумывал «Женихов» и «Портрет».

Осенью 1832 года он вновь переменил квартиру, но далеко от излюбленного района не уехал – на этот раз его пристанищем стал дом Демут-Малиновского в Новом переулке близ Мойки. Если поставить себе цель обойти сразу все квартиры Гоголя в Петербурге, то и дня не понадобится. Их можно сыскать и обойти за два часа. Они все лепятся рядом, как будто Гоголь не может расстаться с приглядевшимися ему домами, каналом, мостами через канал, пешеходами, вывесками на мастерских и лавках. Он упрямо кружит в одном и том же месте, боясь покинуть обжитую территорию. Он страшится расстаться с этими стенами и со своими героями.

И лишь летом 1833 года он позволяет себе на некоторое расстояние отдалиться от них. Гоголь переезжает в дом Лепена на Малой Морской. Это дом под № 97, состоящий из двух этажей на подвалах. Расположен он во 2-й Адмиралтейской части, по соседству с Исаакиевской площадью. Малая Морская – это уже не Мещанская. Это широкая улица с высокими домами, ресторанами, кондитерскими. Тут гуляет уже иной народ. В соседнем доме ресторан Дюме – приют высшей знати Петербурга в обеденные часы. Напротив, немного наискосок, на углу Морской и Гороховой, – огромный дом княгини Н. П. Голицыной с роскошным подъездом, у которого останавливаются четверки и шестерки лошадей. Тут свет горит и по ночам, слышится из окон музыка, сюда наведываются и особы царской фамилии. Сама Голицына – «княгиня усатая», как прозвали ее из-за появившихся у нее в старости бороды и усов, – показывается иногда зрителям, когда ее выносят из дома к карете, направляющейся на очередной бал. Женщину эту, бывшую когда-то красавицей и царицей балов в Петербурге и Париже, изобразил Пушкин в своей «Пиковой даме». Пиковая дама, кстати, пережила поэта – она умерла в декабре 1837 года в возрасте девяноста семи лет.

Окна квартиры Гоголя (поворотя во двор, в третьем этаже направо) выходили не на Малую Морскую, а, как всегда, во двор. Он занял две комнаты, в одной из которых поместил постель и стол для гостей, в другой диван, стол, заваленный книгами (с этих пор убранство квартир

Гоголя будет одно и то же), и бюро, за которым он писал. В окна смотрят стены петербургского четырехугольника, то есть того же самого дома, изгибающегося вокруг квадрата двора. Чахлая травка, поленницы дров, вид заспанного дворника, серое петербургское небо – клочок неба, в котором редко проглянет синева.

Здесь, в доме бывшего музыканта императорских театров, Гоголь написал «Ревизора».

В «Ревизоре» Хлестаков посылает письмо Тряпичкину – своему другу-журналисту, который пописывает статейки в газеты. В облике Тряпичкина можно угадать и Булгарина, и Сенковского. Оба они, как и адресат Хлестакова, жили в то время в Почтамтской улице.

С Булгариным Гоголь давно мечтал свести счеты. Он писал об этом еще Пушкину, предлагая тому «проект ученой критики» Булгарина, о котором Пушкин отозвался, что проект «удивительно хорош». Булгарин был враг пушкинской партии в литературе, его газета «Северная пчела» и собственная литературная деятельность (нравственно-сатирические романы и романы из русской истории) сделались примером дурного вкуса и ориентации на массовый спрос, который тогда уже начал зарождаться в России. Героями романов Булгарина выступали люди добродетельные, они на недолгое время впадали в грех, потом исправлялись и служили иллюстрацией к тезису о том, что «на одного дурного человека… можно найти пятьдесят добрых», или о том, что «дурное представлено на вид, чтоб придать более блеска хорошему».

Булгарин торговал литературою, так же как торговал он и своей газетой, давая в ней объявления о кондитерских и ресторанах и взымая за это дань «борзыми щенками» – то есть натурою. Хорошо знавший потребности публики, он угождал ей во всем – и в том, что не был чужд щекотливых тем, и в поношении дворянства, которое якобы должно уступить место третьему сословию, так как не может справиться с насущными проблемами торговли и промышленности, и в публикации в своей «Пчеле» разных диковинных известий из «Смеси», которые потом Гоголь высмеял в бредовой фантазии героя «Записок сумасшедшего».

«Пчела» и ее издатель появляются и в «Портрете», и в «Невском проспекте», и в «Ревизоре», есть намек на некую газету, дающую всякие объявления, и в «Носе», косвенно помянут Булгарин даже в «Игроках». Колоду карт, которая приносит сказочный доход, – краплёную колоду, над коей он работал многие месяцы, Ихарев называет Аделаидой Ивановной. Аделаида Петровна – имя героини романа Булгарина «Иван Выжигин». Аделаида Петровна Баритоно – мать Ивана Выжигина.

В 1834 году стал выходить журнал «Библиотека для чтения». Он помещался в Почтамтской улице, на квартире у О. И. Сенковского, издававшего свои повести под псевдонимом Барон Брамбеус.

Сенковский объявил на обложке журнала имя Гоголя, но так ни разу его и не напечатал, отвергнув его сочинения по причине их «грязности». Сенковский сравнивал Гоголя с посредственным французским беллетристом Поль де Коком и объявил «Ревизор» *фарсою*.

«Библиотека для чтения» имела неимоверный по тем временам тираж – 4000 экземпляров. Ее читали в городе и в провинции. Помещики зачитывались ею. Сенковский богател на доходах от литературы. В доме Лепена Гоголь написал статью «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 гг.», где сравнил «Библиотеку для чтения» с четвероногим животным. Он вдрызг высмеял в этой статье и «Северную пчелу», и другие русские печатные издания. Статья эта появилась в пушкинском «Современнике».

Петербург Гоголя – это не только целая страна, которая является страной фантазии Гоголя, поэтического воображения Гоголя, но и пространство реального исторического Петербурга, который существовал при Гоголе и до сих пор – в своих каменных свидетельствах – продолжает существовать.

Границы этого Петербурга неочертимы. Это и центр города – Адмиралтейские части с Невским, с близостью дворцов и Невы, – и Гороховая, и Мещанские улицы, петербургские церкви и соборы, цирюльни, ресторации и магазины. Это Таврический сад, где прогуливался нос майора Ковалева, и Садовая, где Ковалев живет, и улицы за Невским, где обитает проститутка Липа[6] из «Невского проспекта», портной Петрович, Поприщин, и сумасшедший дом на Пряжке – последнее прибежище несчастного «испанского короля», и редакция газеты, и департамент. Это и безымянное кладбище где-то за городом, куда свезли безвестных Акакия Акакиевича и Пискарева, и Гостиный двор, и Казанский собор, и Адмиралтейская площадь.

Площадь эта была известна тем, что здесь дважды в году – на Масленице и на Пасхальной неделе – устраивались гулянья и воздвигались балаганы. Зимою здесь происходило также катание с ледяных гор. В одной из записей Поприщина есть такие слова: «После обеда ходил под горы. Ничего поучительного не мог извлечь». Бывали здесь и развлечения другого рода: качели, карусели, диковинные шатры, в которых фокусники показывали разные штуки, выступали дрессированные обезьяны и другие животные. Иногда в этих веселиях принимали участие даже великие князья. Осип в «Ревизоре» тоже вспоминает адмиралтейские гулянья и вздыхает о беспечной петербургской жизни: «…Житье в Питере лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная: кеатры, собаки тебе танцуют и все, что хочешь». Танцующие собаки – это собаки адмиралтейских балаганов, пользующихся большим спросом у простого народа. Вход туда стоил копейки.

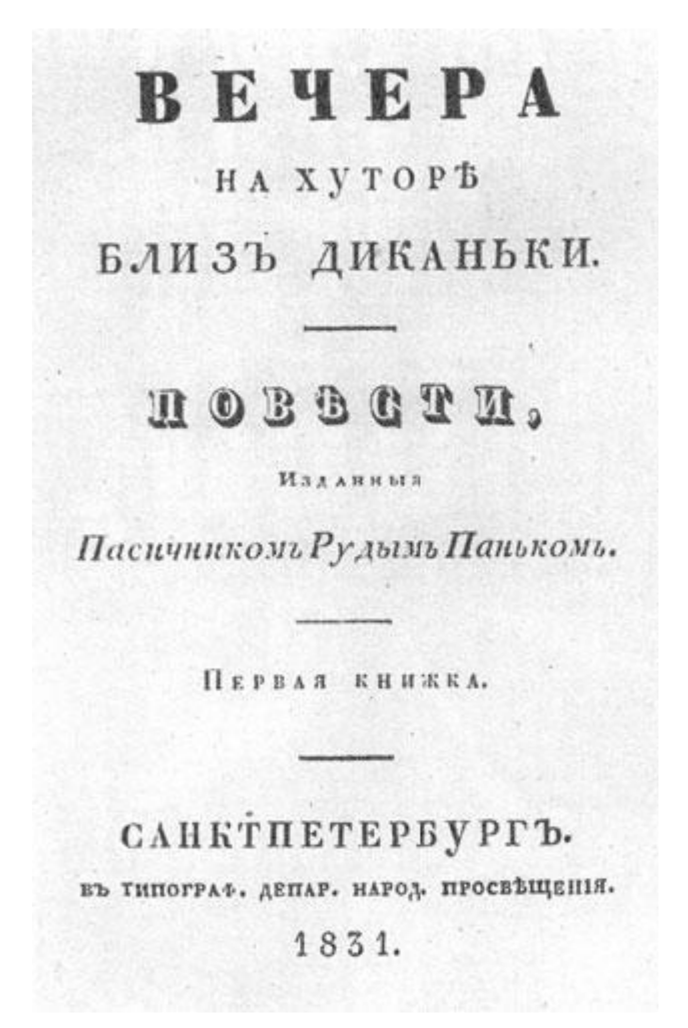

Невский проспект

Гоголевский Петербург – это и Щукин рынок, где Чартков покупает злосчастный портрет, и Васильевский остров, и Ревельский трактир, где приютился капитан Копейкин, и Дворцовая набережная, где стоит дом министра, к которому Копейкин обращается за прошением, и перевоз на Неве, и огород на Выборгской стороне, которым владеет Агафья Тихоновна («Женитьба»), и купеческие палаты, и кабинет делового человека, и лакейская, и сени театра. Это и приемная «значительного лица», и Калинкин мост, возле которого бродит мертвец, сдирающий с генералов шинели, и пятнадцатая линия Васильевского острова, и Коломна.

Краски Петербурга у Гоголя по преимуществу серы, однотонны, изредка мелькнет на фоне общего тусклого цвета какое-нибудь яркое пятно: красные рубахи гребцов на Неве, которые видит Пискарев, или плащ незнакомки на Невском. Цвет пепельно-серый, иногда палевый (когда робкое северное солнце коснется потекших стен домов), он не радует Гоголя, гасит в нем радостный дух, дух сына юга, привыкшего к буйству и разнообразию малороссийской палитры. Сравните цвета «Вечеров на хуторе близ Диканьки» с гаммою петербургских повестей: там (в «Вечерах») оргия красок, здесь – их бедность, выморочность, притушенность. Вот кусок Петербурга из отрывка «Дождь был продолжительный»: «Ни одной полосы света; ни в одном месте нигде не

разрывалось серое покрывало. Движущаяся сеть дождя задернула почти совершенно все, что прежде видел глаз, и только одни передние домы мелькали будто сквозь тонкий газ. Тускло мелькала вывеска над вывеской, еще тусклее над ними балкон, выше его еще этаж, наконец, крыша готова была потеряться в дождевом тумане, и только мокрый блеск ее отличал ее немного от воздуха; вода урчала с труб…» А вот характеристика народа, живущего в Коломне: «…тот разряд людей, который можно назвать одним словом: пепельных людей, которые со своим платьем, лицом, волосами, глазами имеют какую-то мутную пепельную наружность, как день, когда нет на небе ни бури, ни солнца, и бывает просто ни се ни то: сеется туман и отнимает всякую резкость у предметов».

ВЕЧЕРА

НА ХУТОРѢ

БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ.

ПОВѢСТИ,

Изданныя

Пасичникомъ Рудымъ Панькомъ.

Первая книжка.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФ. ДЕПАР. НАРОД. ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1831.

Титул первого издания

Но именно эту-то резкость и любил более всего в предмете Гоголь. Он любил, когда предмет очерчен со всех сторон, объемен – объемен в окружении воздуха, света, воздухом и светом лепленный, обтекаемый, обозначенный. Гоголевские украинские пейзажи врезываются в память как отлитые, литые, в них все видно, при раздолье, огромном охвате пространства каждая подробность, часть пейзажа как будто впечатана,

им сопутствует ясное небо юга. Разве что в финале «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» серый цвет ложится на поля – но то осень, грязь на дорогах, мертвая зелень на полях. По большей части в малороссийских повестях Гоголя светит солнце, а если речь идет о ночи, то в описаниях ее нет ущербности, есть полнота тайны, полнота мрака, если можно так сказать, контрастирующего с резким светом месяца или луны.

Петербург не радовал Гоголя. Он мерз в нем в своей продуваемой ветрами с Невы шинели, задыхался летом, когда вся аристократия выезжала на дачи, а бедный чиновник должен был коротать лето в каменной клетке, раскаляющейся в июльском зное, зной этот был тяжел от накопившейся влаги, поднимавшейся с болот и с моря. Гоголь бежал из Петербурга в 1832 и 1835 годах домой, в Васильевку, а в 1835 году задержался на летних вакациях настолько, что, когда вернулся в Патриотический институт (в ноябре), его едва приняли на старое место.

Снимал он комнатку на дачах в Стрельне и на Поклонной горе.

В 1836 году Гоголь покинул Петербург и уехал за границу. Петербург, как ему казалось, не принял его, он – в ответ – не принял Петербурга. «Театральный разъезд» Гоголя – горькое объяснение с петербургской публикой по поводу своей комедии. «Ревизор» был сыгран в Александрийском театре (премьера его состоялась 19 апреля 1836 года), но осмеян. «Все против меня, – писал Гоголь, – купцы против меня, чиновники против меня, литераторы против меня». Он был не совсем справедлив в своем отчаянии, но пьесу действительно не поняли. Кроме того, на Гоголя обиделись. Обиделись сословия, которые он выставил в пьесе, его обвинили в отсутствии любви к России, в поношении чиновничества, дворянства и т. д.

Пушкин как-то сказал, что Гоголя в Москве любят больше, чем в Петербурге. И был прав. Москва гораздо радушнее принимала Гоголя, Москва почувствовала в сердцевине его смеха сострадание к русскому человеку. Гоголя в Москве любили именно потому, что в нем слышали любовь к России. Петербург, за исключением «Современника» и окружения Пушкина, считал, что Гоголь поносит Россию.

Кажется, ему было грех жаловаться на критику, на непризнание, но все же понимания публики, которого он добивался и с молодым максимализмом хотел иметь сейчас же, он не получил. Это и послужило одной из причин бегства.

К тому же и журнальная деятельность Гоголя в «Современнике» не удалась. Первая же его статья – статья «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 годах» – принесла ему и журналу немало огорчений. Пушкин должен был даже поправлять эту бестактность Гоголя (высмеявшего всю русскую прессу), не называя его по имени.

«Петербург, снега, подлецы, департамент, все это, кажется, мне снилось», – напишет Гоголь о Петербурге из-за границы.

Эти слова часто цитируют, забывая, что у Гоголя есть и другие картины великого города, другие отзывы о нем. Написаны эти строки тоже на чужбине, вдали от Северной Пальмиры, но в них как бы сдернут серый цвет с постылого петербургского пейзажа, сдернуто покрывало, и краски и линии весеннего Петербурга предстают пред глазами читателя омытыми, освеженными, чистыми. «Столица вдруг изменилась. И шпиц Петропавловской колокольни, и крепость, и Васильевский остров, и Выборгская сторона, и Английская набережная – все получило картинный вид. Дымясь, влетел первый пароход. Первые лодки с чиновниками, солдатами, старухами-нянськами, английскими конторщиками понеслись с Васильевского и на Васильевский… Когда взошел я на Адмиралтейский бульвар, – это было накануне светлого воскресения вечером, – когда Адмиралтейским бульваром достиг я пристани, перед которою блестят две яшмовые вазы, когда открылась передо мною Нева, когда розовый цвет неба дымился с Выборгской стороны голубым туманом, строения стороны Петербургской оделись почти лиловым цветом, скрывшим их неказистую наружность, когда церкви, у которых туман одноцветным покровом своим скрыл все выпуклости, казались нарисованными или наклеенными на розовой материи и в этой лилово-голубой мгле блестел один только шпиль Петропавловской колокольни, отражаясь в бесконечном зеркале Невы, – мне казалось, будто я был не в Петербурге…»

Петербург в этом воспоминании Гоголя играет цветами: тут и зеленый цвет яшмовых ваз на набережной, и розовая материя неба, смешанная с лиловостью, с голубою мглой, и блеск золотого шпиля Петропавловки, освещающий всю картину, и резкость очертаний, и зеркало Невы, отражающее эту резкость.

Петербург был городом не только неудач Гоголя, его поражений (он потерпел поражение на поприще службы, на поприще ученом, преподавая в Санкт-Петербургском университете, откуда был уволен в связи с «сокращением штата»; он не стал актером, хотя пытался попасть на сцену), но и местом, где безвестный студент Гоголь-Яновский, явившийся с Украины, сделался сначала Пасичником, заставившим смеяться Россию, а затем Гоголем. На Малой Морской улице, в доме Лепена, под номером 97, были написаны лучшие творения Гоголя. Здесь – в какие-нибудь два с небольшим года – родились «Записки сумасшедшего» и «Невский проспект», повести «Миргорода», «Ревизор», «Нос», «Коляска», были начаты «Мертвые души».

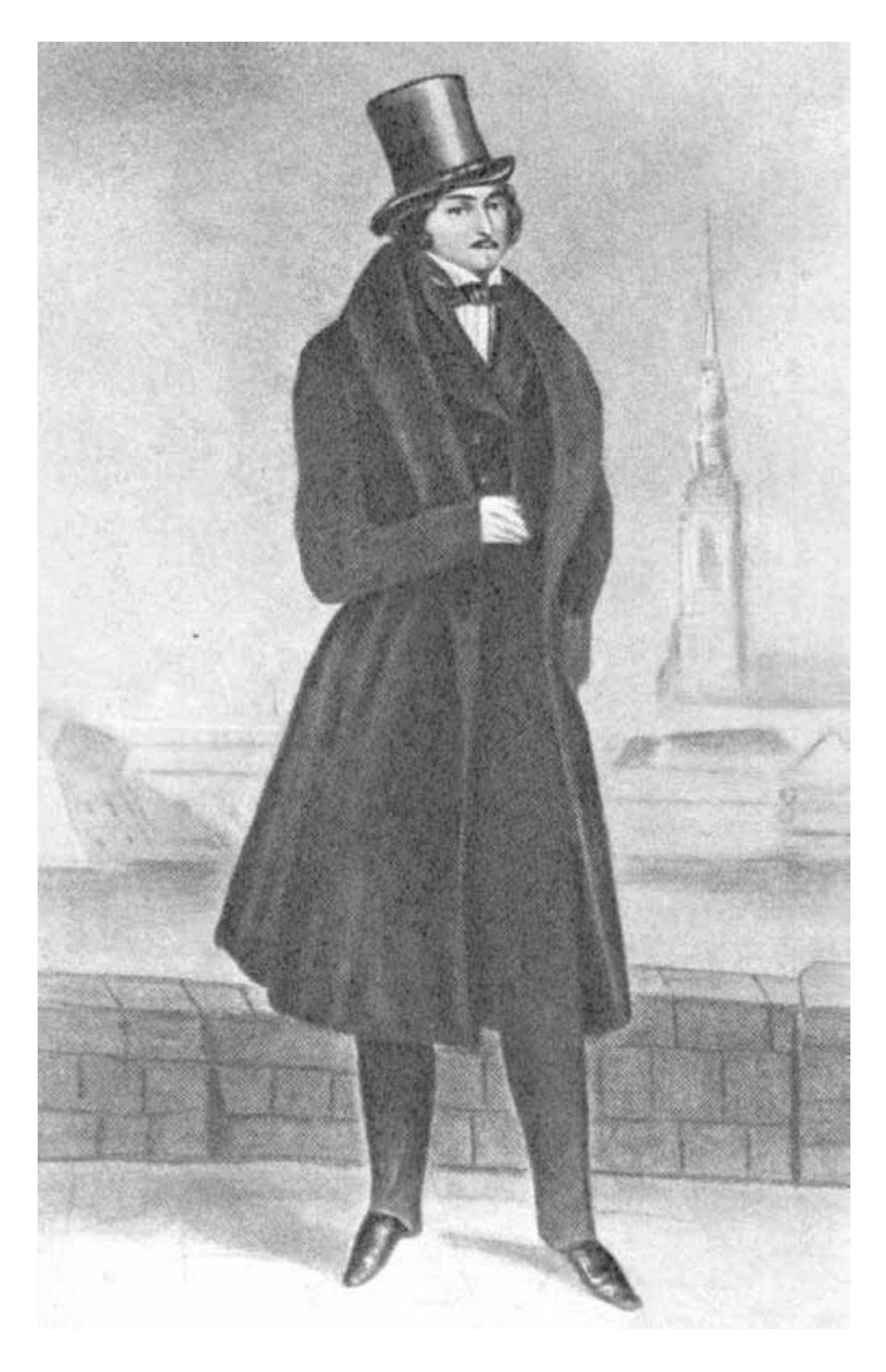
Когда Гоголь уезжал из Петербурга, Пушкин жил на Гагаринской набережной в доме Кадашева. Квартира Пушкина состояла из двадцати комнат, с выездом. Гоголь иногда забегал к Пушкину, чтоб прочесть ему

свое новое сочинение, показать набор книги, посоветоваться о заглавии, о беспокоящей его строке. Пушкин правил, Пушкин вычитывал, Пушкин, как мог, помогал Гоголю. Он и сюжеты свои ему дарил – дарил без сожаления, хотя и жаловался друзьям, что с «этим хохлом» надо держаться поосторожнее, того и гляди обчистит.

Пушкин добивался постановки комедии Гоголя на сцене (помогали тут и В. А. Жуковский, и П. А. Вяземский, и М. Ю. Вьельгорский), Пушкин привлек Гоголя к участию в «Современнике», доверил ему всю критику и «Новые книги», Пушкин хлопотал о делах Гоголя в Москве. Да, у Пушкина было двадцать комнат и жена-красавица, у Гоголя было две комнатки на третьем этаже и не было жены. Его женою была Муза – ей он отдал все: и любовь, и здоровье, и лучшие часы вдохновения, – но и она не обделила его своим вниманием.

Впрочем, Муза и Пушкин стояли у Гоголя рядом, трудно было отделить Музу от Пушкина, а Пушкина от Музы. Все, что при жизни Пушкина делал Гоголь, что он писал, замышлял, было связано с именем Пушкина, с грядущим судом или одобрением Пушкина. Без Пушкина Гоголь не мог представить своей поэтической жизни. Поэтому, когда он в Париже услышал о смерти Пушкина, он понял, что остался один. До этого он был не одинок: взгляд Пушкина, шутка Пушкина, записка Пушкина о его новом сочинении – все поддерживало в нем веру и жизнь. Смерть Пушкина стала одной из причин перелома, который произошел позже в Гоголе и привел его от состояния веселья и брызжущих сил молодости к печали и задумчивой улыбке зрелых лет.

Кажется, объявление, появившееся 17 мая 1836 года в «Прибавлениях к «Санкт-Петербургским ведомостям», объявление, гласившее, что среди отъезжающих за границу числится некто «Николай Гогель, 8 класса», ни о чем не говорило русскому глазу (тем более и фамилия была перепутана), но уезжал из столицы не коллежский асессор Гоголь, не какой-то очередной путешественник и не тот, кто въехал в Петербург морозным вечером в декабре 1828 года, сын полтавской помещицы Марии Ивановны Гоголь-Яновской, а великий русский писатель, гений России, который по свершении того, что он уже совершил, мог быть отнесен к числу лучших ее сынов.

Н. В. Гоголь. Портрет работы Горюнова

Как сообщали те же «Санкт-Петербургские ведомости», погода в день отъезда Гоголя, 6 июня 1836 года, была пасмурная. Низкие облака стояли над Петербургом, накрапывал дождь. Термометр показывал около одиннадцати градусов по Реомюру. Маленький пароходик подошел к Английской набережной и принял на себя пассажиров,

которые должны были переправиться на нем в Кронштадт, где их ждал большой пароход «Николай Первый». Среди провожающих – Гоголь уезжал вместе с А. Данилевским – был князь П. А. Вяземский. Он отсылал за границу жену и дочь, которые тоже стояли на палубе. Прощальные слова, слезы, маханье платком, пароходик отошел от причала – и город на Неве поплыл, закачался на волнах, теряясь в дымке дождя.

Глава VI

Рим

1

Гоголь называл Рим родиной своей души. Герой его юношеской поэмы Ганц Кюхельгартен стремится в Италию, как в землю обетованную. Первым сочинением Гоголя, явившимся в печати, было стихотворение «Италия». Путь Гоголя из России – путь скитаний по Европе – был путем в Рим: выехав 6 июня 1836 года из Петербурга, Гоголь достиг этого желанного берега лишь в конце апреля 1837 года.

Впечатления от города были омрачены вестью о смерти Пушкина. Весть эта нагнала Гоголя еще в Париже, перед самым отъездом в Италию. С нею в душе и въехал он в столицу древней империи. «…Никакой вести хуже нельзя было получить из России, – писал он П. А. Плетневу из Рима. – Все наслаждение моей жизни, все мое высшее наслаждение исчезло вместе с ним. Ничего я не предпринимал без его совета. Ни одна строка не писалась без того, чтобы я не воображал его перед собою… Боже! Нынешний труд мой, внушенный им, его создание… я не в силах продолжать его».

Речь в этом письме идет о «Мертвых душах». Сначала, по выезде из России, «Мертвые души» потекли быстро, потом остановились, и, когда Гоголь – в Пари же – вновь взялся за перо, пришла весть о гибели Пушкина. Должно было пройти время, чтоб Гоголь мог оправиться от этой потери и вновь приступить к своему труду.

«Я должен продолжать начатый мной большой труд, – пишет он через месяц после приезда в Рим В. А. Жуковскому, – который писать с меня взял слово Пушкин, которого мысль есть его создание и который обратился для меня с этих пор в священное завещание».

Годы жизни в Риме – это годы писания «Мертвых душ». Годы писания и переписывания, перебеливания, выстраивания одиннадцати глав первого тома и начало «строительства» второго тома. В Риме все и сложилось, и идея была обдумана – идея трех частей, гигантского триптиха о России, в котором Гоголь, как в «Страшном суде», решил показать и русских грешников, и русских праведников. Фреска

Микеланджело «Страшный суд» в Сикстинской капелле Ватиканского дворца была одной из первых картин, которые пошел он смотреть в Риме.

Первый римский адрес Гоголя: Виа ди Исидоро, 17, дом Джованни Мазуччи. Очевидно, кто-то из русских художников предложил ему снять эту квартиру. Это был район вблизи площади Испании, где по большей части селились русские. Нужно подняться по ступеням знаменитой лестницы на площади Испании, свернуть от возвышающейся над ней церковью Троицы на Горах направо и дойти до площади Барберини. От площади Барберини по бульвару вверх до церкви Св. Исидора, а от нее налево на улочку Св. Исидора.

Чичиков и Собакевич. Иллюстрация А. Агина

Улочка эта находится на склоне холма Монте Пинчио, прозванного холмом садов, потому что здесь некогда были сады владельцев сей земли Пинциев, – отсюда и название холма. Все улицы тут ведут вверх, к вершине холма, застроенной дворцами и виллами, утопающими в зелени парков и садов. Невдалеке и вилла Боргезе – ныне обиталище великих полотен Тициана, Корреджо, Караваджо и скульптур Бернини.

Спускаясь с холма к лестнице площади Испании, видишь весь Рим, как бы реющий в мареве серебристого воздуха. Гоголь называл его серебряным, он и в самом деле серебряный – от сочетания

пронзительной сини неба и белого мрамора строений. И купол собора Святого Петра – «тот вечный купол, так величественно круглящийся в воздухе» – тоже кажется отсюда серебряным, выкованным из серебра. Он и вырастает из толщи города и возвышается, плывет над ним, а на переднем плане вид закрывают каштаны, пальмы, кипарисы – все разнообразие флоры юга, потому что это юг, настоящий юг. Гоголь писал в первых письмах из Рима, что ему показалось, будто он в Малороссии, будто он заехал к старосветским помещикам. «Вся Европа для того, чтобы смотреть, – добавляет он, – а Италия для того, чтобы жить».

Уже очень скоро Гоголь осваивается в этом «захолустье Европы» и чувствует себя как дома. Он называет Колизей в своих письмах «синьор Колисей», а про римский воздух пишет: «Что за воздух! Кажется, как потянешь носом, то, по крайней мере, 700 ангелов влетают в носовые ноздри! Верите, что часто приходит неистовое желание превратиться в один нос, чтобы не было ничего больше – ни глаз, ни рук, ни ног, кроме одного большущего носа, у которого бы ноздри были величиною с добрые ведра, чтобы можно было втянуть в себя как можно побольше благовония и весны».

Весна – любимое время года Гоголя. Весна в Риме начинается рано, уже в феврале. Ярко светит солнце и нагревает стены домов, каменный пол в жилище Гоголя, и комнаты еще долго хранят тепло, когда солнце закатится и над городом высыплют алмазные звезды. В эту пору закутывался он в плащ, надевал шляпу и пускался в путешествие по ночному Риму, всегда светящемуся, нарядному, шумному, тесному от обилия толпы, от кучек зевак-иностранцев. Толпа в Риме всегда пьяна – пьяна и от вина, и от воздуха, от благовония проснувшихся трав, оживших листьев на деревьях, от дыхания огромной Кампаньи, раскинувшейся за городом.

Кампанья – равнина, которая тянется на много верст до самых Альбанских гор, где земля начинает взбираться на возвышенность, где в зарослях леса прячутся красавцы озера, где стоят замки аристократов и замок папы, куда художники ездят писать виды и плывущий в дымке Рим, который угадывается с альбанских высот лишь в хорошую погоду.

Кампанья вся поросла травами и цветами, смолистыми пиниями, которые выстроились вдоль старой Аппиевой дороги. По ней ездили в Рим еще императоры и гнали в город рабов, по ней, по преданию, вошел в последнее пристанище свое на земле святой Петр. На месте его могилы, находившейся в центре бывшего римского цирка, и воздвигли сначала базилику, а потом и собор Святого Петра.

Кампанья – любимица Гоголя, заповедное место его гуляний, его отдохновения. Здесь обдумывались лучшие замыслы, тут приходили на

ум лучшие сцены его поэмы. Чем далее находилось то, что описывалось в поэме, от этих прекрасных видов, тем сильнее щемило сердце по тем видам, по неяркой красоте России, по русским дождям, непролазным дорогам, по русской тоске, которая невольно забирается тебе под сердце в бесконечной езде, по песне ямщика, по неожиданному теплу трактира.

Н. В. Гоголь на террасе виллы З. А. Волконской в Риме. Рис. В. А. Жуковского

В начале 1838 года Гоголь перебирается на другую квартиру, на этот раз более просторную и близкую к площади Испании и центру города. В двух шагах от церкви Троицы на Горах, на улице Виа Феличе (что в русском переводе означает счастливая), он отыскивает на третьем этаже две комнатки с «ненатопленным теплом», то есть выходящих окнами на солнце, весь день принимающими на себя солнце, и поселяется там. «Комната Николая Васильевича, – вспоминает П. В. Анненков, – была довольно просторна, с двумя окнами, имевшими решетчатые ставни изнутри. Обок с дверью стояла его кровать, посередине большой круглый стол; узкий соломенный диван, рядом с книжным шкафом, занимал ту стену ее, где пробита была другая дверь. Дверь эта вела в соседнюю комнату, тогда принадлежавшую В. А. Панову, а по отъезде его в Берлин доставшуюся мне. У противоположной стены помещалось письменное бюро в рост Гоголя. По бокам бюро – стулья с книгами, бельем, платьем в полном беспорядке. Каменный мозаичный пол звенел под ногами, и только у письменного бюро да у кровати разостланы были небольшие коврики. Ни малейшего украшения, если исключить ночник древней формы, на одной ножке и с красивым желобком, куда наливалось масло. Ночник или, говоря пышнее, римская лампа стояла на окне, и по вечерам всегда только она одна и употреблялась вместо свечей». Именно здесь жил Гоголь в соседстве с П. В. Анненковым, Н. М. Языковым, тут переписывались Анненковым набело «Мертвые души», всегда кто-нибудь жил возле Гоголя, составлял ему компанию. То Анненков, то Ф. В. Чижов, то Панов, то Языков. Гоголь – при всей своей любви к уединению – не терпел одиночества. В молодости ему хорошо писалось на людях, он пренебрегал невольными соглядатаями, которые могли заглянуть в его тетрадь. Но с годами ему хотелось во время писания поглубже упрятаться в келью, скрыться от глаз людских. Зато по окончании работы он оставлял ее с легкой душой и сливался или с живущим на улицах Римом, или шел в кафе «Греко», что располагалось вблизи той же площади Испании, на Виа Кондотти.

2

Вблизи находилась и мастерская русского художника Александра Андреевича Иванова, так же как и Гоголь, много лет работавшего над одной вещью – над картиной «Явление Христа народу». В эту мастерскую был закрыт доступ другим художникам (их было много в Риме, и они образовывали целую русскую колонию), приезжающим из России ценителям искусств и иностранцам. Даже брата своего Сергея, приехавшего в Рим, Александр Андреевич только после долгих переговоров и препирательств пустил в свою святая святых.

Гоголь и А. А. Иванов были дружны. И тот и другой не имели дома, семьи, существовали отшельниками. И тот и другой целиком отдавались искусству. Но А. А. Иванов был нрава кроткого, характера мягкого,

подчиняющегося – Гоголь всегда любил повелевать людьми. Не раз Иванов показывал ему свою картину, этюды к ней. Первоначальные наброски фигуры «ближайшего» на картине «Явление Христа народу» были сделаны с Гоголя. Есть и портрет Гоголя, писанный Ивановым, – автор «Мертвых душ» изображен на нем с беспечной улыбкой, чуть-чуть ленивой, он в халате, смотрит по-домашнему. Гоголь был очень раздосадован, когда портрет этот был опубликован: ему не хотелось показываться русской публике в таком «растрепанном» виде.

Писал Гоголя и Ф. А. Моллер. Этот портрет считается лучшим в серии прижизненных изображений Гоголя. Гоголь взят тут в счастливую минуту своей жизни. Он молод, свеж, все как бы уравновесилось в его жизни и его писаниях, и странная – добрая, но прячущаяся в себя – гоголевская улыбка хранит вопрос.

Часто трое художников – Иванов, Моллер и гравер Ф. И. Иордан – собирались по вечерам на квартире Гоголя и коротали время за рассказами и воспоминаниями о России.

Но бывали и другие вечера. О них рассказывает приятель Гоголя В. Ф. Чижов: «Общий характер бесед наших с Гоголем может обрисоваться из следующего воспоминания. Однажды мы собрались, по обыкновению, у Языкова. Языков, больной, молча, повесив голову и опустив ее почти на грудь, сидел в своих креслах; Иванов дремал, подперши голову руками; Гоголь лежал на одном диване, я полулежал на другом. Молчание продолжалось едва ли не с час времени, Гоголь первый прервал его.

– Вот, – говорит, – с нас можете сделать этюд воинов, спящих при Гробе Господнем.

И после, когда уже нам казалось, что время расходиться, он всегда говаривал:

– Что, господа? не пора ли нам окончить нашу шумную беседу?»

На улице Виа Феличе были созданы многие замечательные творения Гоголя. Писались здесь и вторая редакция «Портрета», и вторая редакция «Тараса Бульбы», и «Театральный разъезд», и «Рим», и «Авторская исповедь». Во всех этих сочинениях видны следы пребывания Гоголя в Италии. В самих «Мертвых душах» это, например, сад Плюшкина, который не похож на русский сад; хотя это и русский сад – с обломанной березой в центре картины, – но формы его чисто римские, стволы дерев в саду Плюшкина напоминают остатки колонн римского форума, среди которых не раз гулял Гоголь.

«Форо романо» – римский форум – это «немая сцена» древности, в которой жизнь остановилась и превратилась в камень, чтоб донести до нас в немеркнущем виде облик ушедших веков. Таков же и сад

Плюшкина. «Старый, обширный, тянущийся позади дома сад, выходивший за село и потом пропадавший в поле, заросший и заглохлый, казалось, один освежал эту обширную деревню и один был живописен в своем картинном запустении. Зелеными облаками и неправильными трепетнолистными купами лежали на небесном горизонте соединенные вершины разросшихся на свободе дерев. Белый колоссальный ствол березы, лишенный верхушки, отломленной бурею или грозою, подымался из этой зеленой гущи и круглился на воздухе, как правильная мраморная сверкающая колонна; косой остроконечный излом его, которым он оканчивался кверху вместо капители, темнел на снежной белизне его…»

Итальянские виды и картины то и дело мелькают в поэме, сопровождая путешествие Чичикова. То какая-то итальянская нимфа попадется ему на стене в трактире, то пейзаж, то изображение героев римской истории. Перерабатывая «Портрет», Гоголь внес в него много итальянского материала. Прежде всего ожил и приобрел черты живого персонажа некий художник, который является в повести антиподом Чарткова, истратившего свой талант за деньги. Именно картина этого художника, выставленная в залах Академии художеств, поразила Чарткова и предрекла его конец. Поразившись ее чистоте, ее идеальности, сознал он степень своего падения, и душа его не выдержала этой ломки. В первоначальной редакции «Портрета» (появившейся в 1836 году в сборнике «Арабески») о картине не было сказано ничего определенного. «Чистое, непорочное, прекрасное, как невеста, стояло перед ним произведение художника», – пишет Гоголь. Говорилось еще, что оно было прислано из Италии от усовершенствовавшегося там художника.

В новой редакции «Портрета» этот художник очень напоминает римского знакомого Гоголя Александра Андреевича Иванова. Художник живет в Риме. Он, как отшельник, погружен в свои занятия. «Ему не было до того дела, – читаем мы, – толковали ли о его характере, о его неумении обращаться с людьми (упреки, которые А. А. Иванов выслушивал от многих, и в том числе и от Гоголя. – *И. З.*), о несоблюдении светских приличий, о унижении, которое он причинял званию художника своим скудным нещегольским нарядом (Иванов всюду появлялся в своей замазанной красками художнической блузе. – *И. З.*). Ему не было нужды, сердилась или нет на него его братия… Он не входил в шумные беседы и споры… Он равно всему отдавал должную ему часть… и, наконец, оставил себе в учители одного божественного Рафаэля». И именно Рафаэля из всех гениев живописи выбрал себе в учителя А. А. Иванов.

Гоголь. Рисунок А. Иванова

Да и само писание картины, поразившей Чарткова, во второй редакции повести Гоголя приближено к сюжету ивановского шедевра. «Изучение Рафаэля», «изучение Корреджия», видные в кисти создателя ее, «плывучая округлость линий, заключенная в природе», которая напоминает ландшафт «Явления Христа народу», и, наконец, идея ее – «плод налетевшей с небес художника мысли» – все говорит о том, что Гоголь писал ее не только из своего воображения, но и имел перед глазами «натуру» – полотно Александра Андреевича Иванова.

Метаморфоза произошла и с другим героем повести «Портрет» – сыном художника, написавшего страшного ростовщика. В первой редакции он офицер, во второй – художник. Вместо войны с турками, в которой участвует его герой в первой редакции повести, сын автора несчастного портрета отправляется в Италию после окончания Академии художеств. И перед путешествием в Италию он едет навестить отца в монастырь. Отец, напутствуя его в дорогу, говорит: «Намек о божественном,

небесном рае заключен для человека в искусстве, и по тому одному оно уже выше всего. И во сколько раз торжественный покой выше всякого волненья мирского; во сколько раз творенье выше разрушенья; во сколько раз ангел одной только чистой невинностью своей выше несчетных сил и гордых страстей сатаны, – во столько раз выше всего, что ни есть на свете, высокое созданье искусства. Все принеси ему в жертву и возлюби его всей страстью…»

Так вновь появляется в повести тень А. А. Иванова, без которого эта повесть Гоголя была бы, вероятно, иной.

3

Рим для Гоголя – это и храм природы, и храм искусства. Искусство и природа так слились здесь, так породнились, так не отделимы друг от друга, что переход от искусства к природе незаметен, безболезнен. Древние арки, мавзолеи, камни Колизея – все поросло молодым плющом, меж остатками крепостных стен растут розы, по улицам бродят козлы, быт теснится у подножия величественных монументов, вывезенных из Египта колонн, вблизи изнывающих от роскоши мрамора фонтанов, статуй, обелисков. Рим шумен, и Рим тих. Спуститесь со ступенек лестницы на площади Испании – и вы на рынке. Всюду разбросаны лавки торговцев зеленью, на самих ступенях кто-то разложил на коврах диковинные заморские вещи, открыты магазины, кафе, траттории и остерии. Отовсюду несется запах мяса, хрустящей поджаренной пиццы, крепкого кофе, острые запахи пряностей. На каком-нибудь прилавке лежит такой сыр, что кажется, это не сыр, а дом, и вся внутренность его, видная на срезе, пробуровлена глубокими ходами и траншеями.

В двух тесных зальцах кафе «Греко», где собираются русские, всегда слышна русская речь. Тут видны шляпы художников, газовый шлейф какой-нибудь кочующей барыни, попадается и эполет. За мраморными столиками сидят и пьют кофе, курят, рассматривают висящие на стенах картины все, кому угодно, и разговор ведется вольный, небрежный, рассеянный и вольнодумный – не то что в петербургских кондитерских, где слышен только стук бильярда да крики хозяина на слугу да лежат на покрытых немаркими скатертями столах оттиски «Северной пчелы».

В кафе полутемно, а выйдешь на улицу, сразу глянет купол римского неба – синий-синий, – упадет косым лучом через тротуар отблеск невидимого из-за дома солнца, и вновь ты один из прохожих, беспечный римский житель, синьор Никколо Гоголь, кого знают тут, может быть, пять-шесть человек.

Эта затерянность в огромном городе приятна: безвестность освобождает. Никому нет дела до тебя, до твоего труда, ты волен давать о нем отчет

лишь самому себе, да, может быть, этому небу, этим плывущим над городом куполам, Микеланджело и Рафаэлю.

Рим. Площадь собора Св. Петра

С Виа Кондотти прямой путь на Корсо – главную торговую улицу этой части города, забитую омнибусами, колясками, прохожими; оттуда по узким переулочкам к Пантеону (где в стене помещен прах великого Рафаэля), затем на набережную Тибра, зеленого, ленивого, поросшего ветлами, и через мост Св. Ангела, украшенный скульптурами Бернини, к пространству перед собором Святого Петра – центру римской святыни, великому творению Микеланджело и Браманте. Собор этот был начат в 1506 году и строился 120 лет. Площадь перед собором охватывает подковой колоннада Бернини – 283 колонны в четыре ряда, световой эффект римского полдня создает ощущение, что это рощи мачтового леса, на стволах которого мелькают свет и тени, а внутри стоит лесная прохлада. Бьет высоко в небо фонтан, разбивая солнце на тысячи цветов, и душа, холодея, устремляется к подножию массивных ступеней, над которыми возвышается необозримый фасад: кажется, входишь не в храм, а под своды гигантской скалы, которая уходит головой в небо и теряется там.

Гоголь не раз был гидом и провожатым многих русских, приезжавших в Рим и спешащих прежде всего осмотреть храм Святого Петра. Тут поднимались с ним к куполу по винтовой лестнице и Александра Осиповна Смирнова, и В. А. Жуковский, и М. П. Погодин.

Вблизи собор поражает иной красотою, нежели издалека. Это воплощенная в камне идеальность, нет сил соотнести эту красоту с чем-либо другим. Глядя на величественный фасад, на колонны, на реющий в вышине серебристый купол, думаешь только одно: неужели эта красота когда-нибудь исчезнет с лица земли? Кажется, это невозможно.

Обычно Гоголь уезжал из Рима в начале лета и возвращался в середине октября – начале ноября. Он не любил жары, духоты, выжигающей все июльской пустыни, когда и камни, и люди, и животные – все готовы спрятаться, зарыться в землю, лишь бы не чувствовать на себе палящего прикосновения римского солнца. Он приезжал с первой прохладцей, первым дуновением свежести и вновь поселялся на Виа Феличе, отворял створки своих окон, и вечный вид Вечного города представлялся его очам, настраивая на долгую работу. «Поглядите на меня в Риме, – писал Гоголь П. А. Плетневу, – и вы много во мне поймете того, чему, может быть, многие дали название бессмысленной странности».

Римские церкви, картинные галереи, Сикстинская капелла, собор Сан-Пьетро ин Винколи, где сидит божественный Моисей, высеченный Микеланджело из белого мрамора, площадь Навоны с фонтанами Бернини, Санта-Мария Маджоре, где хранятся реликвии яслей Христовых, фонтан Треви, фонтан Тритон у подножия лестницы на площади Испании и, наконец, сам холм Монте Пинчио, с которого он каждое утро оглядывал просыпающийся город, – все это нужно было Гоголю, чтоб, может быть, еще более чувствовать любовь к России, тоску по ней. Он недаром говорил, что для полного представления о предмете нужно удаление от предмета. Лишь стоя у балюстрады, опоясывающей спуск по Испанской лестнице, и глядя на сверкающий в серебряном воздухе Рим, понимаешь слова Пушкина:

Под небом Африки моей

Вздыхать о сумрачной России.

Сердце сжимается, когда вспоминаешь в Риме Россию: действительно, нужно отдаление, чтобы познать близость.

Гоголь прожил в Риме с перерывами шесть лет. Дом № 126 на улице Виа Феличе и сейчас стоит там же, только улица называется Виа Систина и на третьем этаже, как всегда в солнечные дни в Риме, два окна Гоголя зарешечены жалюзи – кто-то живет там. Внизу раскрыл свои двери скромный бар, где посетитель может выпить чашечку кофе или купить бутылку марсалы – сицилийского вина, которое любил Гоголь.

Все так же светлы камни Рима, все так же стоят в неприкосновенности обелиски, а по воскресеньям толпа народа собирается на площади собора Святого Петра, чтоб послушать короткую проповедь папы.

Шумит, кипит неугомонная столица древнего мира – только шум ее иной, железный. Рычат мотоциклы, взвизгивают тормоза автомобилей, волны бензинного пара подымаются в воздух и окутывают прекрасные статуи и колонны.

Рим сейчас – это современный Вавилон, в центре которого остался Рим прежних времен, тихий, уютный, любимый Гоголем. На высоте Монте Пинчио тоже ревут моторы, и след Гоголя легко потерять в этой какофонии XX века. Но стоит подняться выше, укрыться под сенью высоких лип парка Боргезе, зайти в любую из римских церквей, которые всегда пусты, пройти мимо Колизея в сторону терм Каракаллы – там трава, запущенность, кошки бегают по развалинам, – как навеется вдруг дорогой образ, поплывут перед глазами знакомые строки, и сердце поверит: он ходил здесь, он здесь был.

Глава VII

Москва

1

В статье «Петербургские записки 1836 года» Гоголь сказал о двух столицах Русского государства – новой и древней: «Москва нужна для России; для Петербурга нужна Россия…» Петербург, по словам Гоголя, – немец, Москва – русская борода. В Москве корень русский, в Москве хранятся народные начала, Москва, наконец, в центре России, а Петербург высунулся на чухонскую сторону. Уроженец юга, Гоголь издавна стремился мыслями к Москве как к тому среднерусскому истоку, который все более должен был питать его сознание и его сочинения. География гоголевской прозы сдвигается сначала с Украины на север, но в «Мертвых душах» уже начинает оседать в среднерусской полосе. Виды и картины по сторонам дороги Чичикова все более смахивают на пейзаж Подмосковья, Поволжья, вокруг которых кружит бричка незадачливого скупщика «мертвых душ». В первом томе поэмы говорится даже об одной комиссии по построению храма, в которой принимал участие Чичиков: комиссия храм не построила, а в разных концах города появилось у ее членов «по красивому дому гражданской архитектуры», – эта комиссия очень похожа на ту, которая была создана для построения храма Христа Спасителя в Москве, сооружавшегося на народные деньги в честь победы над Наполеоном. Там действительно были обнаружены крупные недостачи и хищения. Так что, не называя в тексте поэмы Москвы, Гоголь заставляет Чичикова побывать в столице древней и, может быть, даже пожить в ней, послужить в ней. Дальнейшие скитания Чичикова явно протекают вблизи Москвы. Во втором томе «Мертвых душ» поминается Волга, в записных книжках Гоголя, куда он заносит сведения для поэмы, делаются записи о Владимирской губернии, ее травах, времени полевых работ, песнях, о

Костроме, Ярославле, Симбирске и т. д. Гоголь выписывает в свои тетради «Слова по Владимирской губернии», «Слова волжеходца», названия холстов, фруктовых компотов, пород деревьев, рыб, насекомых и птиц.

Все прибирается им к делу – и «московская цена на хлеб в 1845 году», и сведения «о конном заводе Глебова», «о нижегородской ярмарке», и узоры на русской национальной одежде.

Москва стала манить Гоголя уже на переломе его жизни, в те годы, когда стал он склоняться к тому, чтоб найти на Руси постоянное место жительства, осесть и, может быть, пустить корни. Думалось ему о доме и о семье, и эти мысли Гоголя приходятся на 1848 год, когда после долгого отсутствия за границей вернулся он на родину – и вернулся для того, чтобы жить в Москве.

Впервые он попал сюда в конце июня 1832 года, когда ехал из Петербурга в Васильевку. Путь его лежал через столицу древнюю. В «Московских ведомостях», печатавших известия о прибывших в столицу и выехавших из оной, фамилия Гоголя не отмечена: он был всего лишь титулярный советник, а объявления давались о чинах первых восьми классов (титулярный был класс девятый).

Чичиков въезжает в город. Иллюстрация А. Агина

Листая эту газету, мы не найдем никаких следов пребывания Гоголя в Москве, зато узнаем, что ей оказали честь своим присутствием действительный тайный советник Кочубей, отставной действительный статский советник князь Голицын и другие лица.

Страницы газеты дают представление об изобилии товаров и продуктов, продающихся в русских и иностранных лавках, о разорении дворянских семейств и продаже с торгов их имений вместе с крестьянами, о репертуаре московских театров, в которых идут: опера «Вампир, или

Мертвец-кровопийца», бал «Пажи герцога Вандомского» и «Бобыль» – комедия в пяти действиях. «Продаются пара караковых лошадей хороших статей, – говорится в одном объявлении, – и зеленый попугай, умеющий говорить». И рядом: «Отпускаются в услужение крепостные дворовые люди... все лучшего и здорового поведения, здоровой и хорошей наружности». Император Александр Первый запретил печатать в газетах объявления о продаже крестьян – их стали заменять такими: «Отпускается в услужение...»

Москва оповещала приезжего о книгах, которые продаются в лавке комиссионера Императорской публичной библиотеки Андрея Васильевича Глазунова на Никольской улице, о продаже шубы американского медведя, об открытии винного подвала при магазине на Маросейке, где в широком ассортименте представлены вина для продажи ведрами и бочонками. Москва пила и закусывала. К услугам закусывающих предлагались свежая говядина всех сортов, гусак с печенкою, белуга малосольная, осетрина, лососина, белорыбица, икра зернистая плавная, садковая, салфеточная, мешочная паюсная, а также книга «Винокур» (полный и новый) и «Искусство играть в карты, в двух частях».

Гоголь заехал к М. П. Погодину, историку, профессору Московского университета. Погодин жил в самом центре Москвы, на Мясницкой улице (ныне улица Кирова). Через Погодина Гоголь сошелся с семейством Аксаковых. Глава семейства, Сергей Тимофеевич Аксаков, был когда-то секретарем у Державина, сейчас служил в Межевом институте, был он и цензором. Его сыновья, Константин и Иван, после окончания университета решили посвятить себя литературе.

Аксаковы тогда жили в Большом Афанасьевском переулке и по субботам устраивали у себя литературные собрания. Свели Гоголя и с директором московских императорских театров М. Н. Загоскиным, автором нашумевшего незадолго до этого романа «Юрий Милославский» (о котором спустя три года герой Гоголя Хлестаков скажет, что «Юрия Милославского» он написал), и с отставным министром баснописцем И. И. Дмитриевым. Последний принял Гоголя «со всею любезностью своею».

Вообще Москва баловала Гоголя. Аксаковы видели в нем новую восходящую звезду литературы и прислушивались к его речам, Загоскин просил у него пьесы, Дмитриев рад был оказать молодому таланту свое покровительство. Москва как-то теснее сплотилась вокруг Гоголя, чем Петербург. Петербург был разбросан, поделен на партии, на враждовавшие гостиные. Москва еще не раскололась, дружно жила сообща, и для нее Гоголь был не представитель какого-то направления в литературе, а просто национальный талант, просто радость, просто праздник. Познакомился Гоголь в этот приезд и со Щепкиным, о

котором слыхал, еще когда учился в Полтаве, где Щепкина как раз в те годы, когда Гоголь жил в этой столице Малороссийской губернии, выкупил из крепостной зависимости князь Н. Г. Репнин. Сын М. С. Щепкина писал: «Мы знали, что Гоголь… приехал в Москву. Это был его первый приезд сюда. Не помню, как-то на обед к отцу собралось человек двадцать пять… дверь в переднюю, для удобства прислуги, отворена настежь. В середине обеда вошел в переднюю новый гость, совершенно нам незнакомый. Пока он медленно раздевался, все мы, в том числе и отец, оставались в недоумении. Гость остановился на пороге в залу и, окинув всех быстрым взглядом, проговорил слова всем известной малороссийской песни:

Ходит гарбуз по горо́ду,

Пытает свого роду:

Ой, чи живы, чи здоровы

Вси родичи гарбузовы?

Недоумение скоро разъяснилось – нашим гостем был Н. В. Гоголь…»

Рассказ сына Щепкина о посещении Гоголем их дома говорит о том, что Гоголь в Москве был в духе, не стеснялся новых знакомств, – слава о его сочинениях обогнала его и открыла ему двери московских домов. «В Москве я заболел, – писал Гоголь из Подольска Н. Я. Прокоповичу, школьному приятелю, – и остался, и пробыл полторы недели, в чем, впрочем, и не раскаиваюсь. За все я был награжден».

Гоголь читает «Ревизора» в доме на Суворовском бульваре

Зато в Подольске никто не знал Гоголя. Тут начиналась Россия, которая не ведала, что творится в московских и петербургских гостиных, что печатают журналы, кого хвалят в газетах. Даже если б смотритель подольской станции и знал бы, что перед ним автор «Вечеров на хуторе близ Диканьки», он бы и ухом не повел. Сочинитель-то сочинитель, но чин-то на нем самый малый, а в служебных делах решает чин, а не слава.

Заглянув в подорожную Гоголя, он сказал, как отрезал: «Нет лошадей». Уезжали действительные статские и надворные советники, выпускали вперед коллежских советников и коллежских асессоров, а титулярный должен был ждать своей очереди.

Еще раз убеждался Гоголь, что на лестнице российской иерархии он покуда еще «нуль» – словечко «нуль» в применении к низшим чинам вскоре начнет мелькать у него в пьесах и повестях. Как раз на пути из Москвы на родину и составится у него в голове план комедии, где табель о рангах будет играть не последнюю роль. «Дожидаюсь часов шесть, – пишет он из Подольска тому же Н. Прокоповичу, – но и здесь видно провидение. Может быть, семена падут не на каменистую и бесплодную почву».

О своей комедии Гоголь сообщит из Васильевки П. А. Плетневу. Он сознается, что начал писать ее, но не смог продолжить. Перо стало тыкаться в такие опасные для цензуры стороны, что пришлось отложить ее.

Комедия эта должна была называться «Владимир третьей степени», и героем ее был чиновник, вообразивший себя орденом. Он так долго ждал награды, так верил и не верил, что ему вручат ее, что сошел с ума на этой почве. Теперь ему чудится, что он сам – орден. Он глядится на себя в зеркало и видит там орден, он идет по улице, и ему кажется, что все видят в нем не человека, а орден. Трагический этот сюжет потом перевоплотится у Гоголя в повести «Нос», где не сам герой, а только одна часть его тела – нос – превратится в статского советника.

Статский советник – чин шестого класса, почти что генерал. В табели о рангах, которую ввел в России еще Петр, всего четырнадцать классов. Нижний – коллежский регистратор (им был герой повести Пушкина «Станционный смотритель»), высший – канцлер (первый класс). Канцлером мог быть только один человек, тогда как коллежских регистраторов тысячи. Как, впрочем, и титулярных советников.

Но есть и над канцлером одно лицо, выше которого уже нет в государстве. Это лицо – царь. Он, пользуясь словарем Гоголя, самое «значительное лицо» из всех «значительных лиц».

Царя Гоголь видел только несколько раз – и то издалека. То проезжающим в санях по зимней набережной, то из толпы народа на параде, то в окружении свиты у дверей русского посольства в Риме. К особе царя он не был допущен. Он был нуль для царя.

Таким нулем чувствует себя в присутствии «значительного лица» Акакий Акакиевич Башмачкин в повести «Шинель». Нулем называет себя, сравнивая свое положение с положением своего начальника, и герой «Записок сумасшедшего» Поприщин. Он, кстати, тоже титулярный советник.

* * *

В октябре того же года Гоголь совершил обратный путь из Васильевки в Петербург. И опять на его дороге оказалась матушка Москва. Въезжал он в нее как будто прежним, но и не тем. За месяцы жизни на родине портфель его несколько поправился, потолстел. Он вез из дома и новые сюжеты, и новые записи. Среди них были и куски несостоявшейся комедии, лица и сценки из которой перекочуют потом в другие сочинения Гоголя – в комедию «Игроки», в пьеску «Отрывок», в «Лакейскую», «Тяжбу» и «Утро делового человека». О своем интересе к сцене и желании что-то написать для нее Гоголь говорил в Москве С. Т. Аксакову.

Он вновь побывал в тех же домах, был гостем Погодина, старца И. И. Дмитриева, М. С. Щепкина, у которого отведал нежинской соленой вишни, нежинского сыра, нежинских огурчиков, напомнивших ему время студенчества, сошелся с М. А. Максимовичем, издателем альманаха «Денница» и профессором ботаники Московского университета (тот жил в Ботаническом саду, которым заведовал, вблизи нынешней улицы Щепкина и проспекта Мира), договорился с ним о сборе украинских песен для его издания и отбыл. Матери из Москвы он написал несколько строчек. В них он сообщал, что перечинил в Москве свой экипаж, приделал к нему зонтик (начались затяжные дожди) и выдумал по дороге «прелестный узор для ковра». «Москва также радушно меня приняла, как и прежде, и умоляет усердно остаться здесь еще на сколько-нибудь времени. Но мы очень опоздали…» Мы – это сам Гоголь и две его сестры, Анна и Елизавета, которых он захватил с собою, чтобы устроить в Петербургский патриотический институт.

2

В начале 1834 года Гоголь был избран в действительные члены Общества любителей российской словесности. Это была дань Москвы его заслугам перед литературою.

Через год вышли в свет «Миргород» и «Арабески» – сочинения, на которые Москва откликнулась знаменитой статьей В. Г. Белинского в «Телескопе» «О русской повести и повестях г. Гоголя». В марте 1835 года Гоголь писал Погодину: «Да пожалуйста напечатай в *Московских ведомостях* объявление об *Арабесках*. Сделай милость, в таких словах: что теперь, дескать, только и говорят везде, что об Арабесках, что сия книга возбудила всеобщее любопытство, что расход на нее страшный (NB. До сих пор гроша не было получено) и тому подобное».

Вскоре Гоголь и сам прибыл в Москву. И опять дорога его лежала в Васильевку, и снова Москва радовалась его приезду. Гоголь ехал в Москву не с пустым портфелем. Помимо вышедших в свет сочинений, он вез для прочтения в кругу московских друзей комедию. Она называлась «Женихи» (будущая «Женитьба»). До этого он пробовал устроить в «Московском наблюдателе» свою повесть «Нос», но повесть была возвращена ему обратно. Это не смутило Гоголя. «Женихов» он читал дома у Погодина, комедия имела всеобщий успех. Редактор «Московского наблюдателя» В. П. Андросов писал А. А. Краевскому (будущему редактору «Отечественных записок») в Петербург: «…недели с три… Гоголь читал свою комедию… Уморил повеса всю честную компанию… я хотел было или лучше мои сотрудники желали приобрести комедию для журнала, но он не согласился, хочет дать на сцену». «Читал Гоголь так, – вспоминал об этом чтении Погодин, – как едва ли кто может читать. Это был верх удивительного совершенства… Когда дошло дело до любовного объяснения у жениха с невестою – «В

которой церкви вы были в прошлое воскресенье?», «Какой цветок больше любите?» – прерываемого троекратным молчанием, он так выражал это молчание, так оно показывалось на его лице и в глазах, что все слушатели буквально покатывались со смеху, а он, как ни в чем не бывало, молчал и поводил только глазами».

На чтении «Женихов» присутствовали Денис Давыдов и Е. А. Боратынский. «Из Москвы никак не мог писать, – сообщал Гоголь 24 мая из Полтавы Прокоповичу, – был страшно захлопотан и при всем том многих не видел».

И все же именно в этот раз на квартире Аксаковых в доме Штюрмера на Сенном рынке он, по некоторым сведениям, познакомился с Белинским.

О Белинском он слышал в Петербурге; слышал и от Пушкина, который заметил его статью «Литературные мечтания».

Голос Белинского был важен для Гоголя, и поэтому он, неохотно сходившийся с незнакомыми людьми, согласился, чтоб на очередном чтении «Женихов» присутствовал и Белинский. Но чтение это не состоялось.

Зато на обратном пути из Васильевки в Петербург, вновь остановившись в Москве, Гоголь читал свою комедию у Дмитриева. «На вечере у Дмитриева, – рассказывает очевидец, – собралось человек 25 московских литераторов, артистов и любителей… по одну сторону Гоголя сидел Дмитриев, а по другую Щепкин. Читал Гоголь так превосходно, с такой неподражаемой интонацией, что слушатели приходили в восторг. Кончил Гоголь и свистнул… Восторженный Щепкин сказал так: «Подобного комика не видал и не увижу!»

Сохранилась записочка, писанная Гоголем в Москве Погодину: «Завтра в 3 часа к обеду нагрянет к тебе весь ученый мир, предводимый растением Редькою». «Редька» – это профессор энциклопедии права Московского университета П. Г. Редкий, соученик Гоголя по Нежинской гимназии. Редкий был на курс старше Гоголя и, с отличием закончив лицей, завершил свое образование в Берлинском университете, где слушал лекции по логике и истории философии у Гегеля. Редкий знал много языков, писал исторические и юридические сочинения, был любим и уважаем студентами. В 1835 году он жил в доме № 30 на Большой Полянке.

Маршруты Гоголя по Москве тех лет – это по большей части маршруты литературные. Он бывает в домах своих знакомых, людей, близких к университету, к московским журналам, к театру. Круг известности Гоголя невелик, а на расширение приятельств нет времени, он бывает в Москве проездом, налетом. Путь от гостиниц до дома Погодина, дома Аксаковых, дома и дачи Щепкиных (в Кунцеве) – вот пути Гоголя по

столице в 1832 и 1835 гг. Здесь же он знакомится с профессором русской словесности и сотрудником «Московского наблюдателя» С. П. Шевыревым и вступает с ним в переписку. Если с Погодиным он на «ты», то с Шевыревым еще на «вы»: Шевырев сух и держит людей на расстоянии. Тем не менее уже в 1835 году – при малом с ним знакомстве – Гоголь пишет Шевыреву: «Посылаю Вам мой Миргород... изъявите Ваше мнение, например, в Московском наблюдателе. Вы меня этим обяжете много: Вашим мнением я дорожу».

Проезжая через Москву, Гоголь пока ни у кого не останавливается, а предпочитает место в гостинице. Короткость его отношений с москвичами еще не достигла такой степени, чтоб запросто поселяться у кого-либо из них. Но настанет время, и Гоголь изберет Москву не только почтовой станцией на пути из Петербурга и обратно, а тем местом, где и будет, если не считать родового гнезда в Васильевке, его дом в России.

3

Первым постоянным обиталищем Гоголя в Москве сделается дом Погодина на Девичьем поле. М. П. Погодин, преподававший историю в Московском университете, был из крепостных графа Шереметева. Его отец выкупился из крепостной зависимости, но печать происхождения, неравенства среди тех, в чей круг Погодин позже вошел (а он выслужил дворянство и стал действительным статским советником, то есть генералом), лежала на его поступках и внутреннем самочувствии. Не имея большого литературного таланта, Погодин вынужден был компенсировать эту недостаточность занятиями другого рода. Он много раз пытался выбиться в приближенные министра просвещения С. С. Уварова – ему не удалось. Он хотел начать писать историю Петра, чтобы угодить царствующему императору, – Николай отверг его просьбу. Он пробовал, наконец, взяться писать историю самого Николая – царь не захотел и этого.

Погодин, однако, не оставлял надежды понравиться царю и писал патриотические статейки в «Московские ведомости» о пребывании в Москве царской фамилии.

Занимался он и сдачей комнат в своем доме, и учением богатых дворянских детей, под классы для которых отвел один из флигелей своего дома. Одним словом, с одной стороны, это был литератор, историк, человек, чьи познания и способности ценил Пушкин, с другой – кулак, в житейских делах в некотором роде Собакевич, которому своим трудом, потом и изворотливостью приходилось добывать место под солнцем.

Эти черты характера и облика Погодина сказались и на отношениях его с Гоголем.

Свой новый дом Погодин купил у князя Щербатова. Дом стоял на окраине Москвы, в привольном месте, на Девичьем поле. Невдалеке возвышались стены и главы Новодевичьего монастыря, перед домом расстилалось поле, на котором в Пасху и другие праздники устраивались гулянья, балаганы, шла торговля товарами. За домом был огромный сад, липовые аллеи, пруд. Весь участок выходил тылом в Саввинский переулок, от которого рукой подать до Москвы-реки.

Место Погодин выбрал тихое, патриархальное – как раз то, что любил Гоголь.

Дом князя Щербатова одноэтажный, с мезонином, окна которого (числом пять) выходили на Девичье поле (теперь это Погодинская улица). По обе стороны находились флигели. На первом этаже помещался сам хозяин с семейством и был его кабинет, на втором, в мезонине, жил Гоголь.

Комната Гоголя выходила на антресоли, образовывавшие большой круг, над которым, на крыше, помещался стеклянный купол. Свет, падавший через него, освещал находящуюся в центре дома гостиную.

Гоголь поселился здесь 26 сентября 1839 года, когда они вместе с Погодиным приехали в Москву из-за границы. Путь их в столицу лежал через Поклонную гору. На Поклонной горе они вышли и поклонились в пояс видневшейся вдалеке столице.

Гоголь вернулся в Россию, не довершив первого тома «Мертвых душ», – вернулся, чтоб забрать из института сестер и пристроить их куда-нибудь. Сюда, в дом Погодина, он и привез их из Петербурга, сюда же повидаться с сыном в марте 1840 года приехала и Мария Ивановна Гоголь с дочерью Ольгой.

Бывший дом князя Щербатова описан Л. Н. Толстым в «Войне и мире» – это тот самый «большой белый дом с огромным садом», куда привезли на допрос Пьера Безухова.

Сохранился план погодинского участка. Дом с флигелями и подсобные службы занимают на нем немного места. Основное пространство отдано саду и парку, посреди которых выделяется четырехугольник пруда.

По свидетельству сына Погодина, сад и парк были довольно густы. В них часто пели соловьи. Но иногда соловьев развешивали в клетках среди кустов и деревьев, чтоб они услаждали слух гостей своим пением. Этот парк стал в биографии Гоголя в некотором роде историческим. Здесь в 1840, 1842 и 1849 годах он отмечал день своих именин – день Николы вешнего (по старому стилю 9 мая).

В доме Погодина Гоголь продолжал отделывать первый том «Мертвых душ», здесь он писал «Тяжбу», вторую редакцию «Портрета»,

переписывал по требованию цензуры повесть о капитане Копейкине, работал над «Римом», возможно, «Шинелью». С этим домом связаны воспоминания и о последних днях жизни Гоголя – он приезжал сюда к Погодину и молился в близстоящей церкви.

Гоголь любил это место из-за его положения в столице. Отсюда хорошо было совершать пешие прогулки по окрестностям Москвы, на Воробьевы горы, в Новодевичий монастырь, где каждый кирпич в стене говорил о русской истории. В одной из башен монастыря была заточена мятежная царевна Софья. Сюда же – еще задолго до этого, в эпоху Смутного времени, – шел народ просить Годунова, скрывшегося в одной из келий монастыря, на царство.

Зима 1839/40 года была занята устройством сестер, из которых удалось пристроить – в семейство П. Е. Раевской – только одну, Анну, посещением театра, новыми знакомствами и чтением в московских домах отрывков из своих сочинений.

Москва встретила Гоголя как сына. Всюду ему были рады, всюду его появление вызывало восторг. «Вы привезли с собою в подарок русской литературе беглеца Пасичника, – писал Н. Калайдович Погодину. – Теперь только разговоров, что о Гоголе… Только и слышим, что цитаты из «Вечеров на хуторе», из «Миргорода», из «Арабесков»… Петербург жалеет, что потерял одного из достойнейших литераторов».

Но Петербург более не влек Гоголя. В Петербурге не было Пушкина. В Петербурге был убит Пушкин.

В доме Погодина он чувствовал себя спокойно. «До обеда он никогда не сходил вниз, в общие комнаты, – вспоминает сын Погодина, – обедал же всегда со всеми нами, причем был большею частию весел и шутлив… После обеда до семи часов вечера он уединялся к себе, и в это время к нему уже никто не входил, а в семь вечера он спускался вниз, широко распахивал двери всей анфилады передних комнат, и начиналось хождение, а походить было где: дом был очень велик…» Три комнаты в нижнем этаже занимал кабинет Погодина, куда собирались по вечерам литераторы, профессора университета. В доме помещалось и знаменитое погодинское собрание портретов, рукописей, личных вещей знаменитых русских людей. Здесь были старопечатные книги, древние грамоты, автографы Кантемира, Ломоносова, Державина, Суворова. Гоголь любил порыться в этих бумагах, пощупать их руками, что называется, на цвет и на вкус – всякая подлинность в отношении минувшего была для него дорога.

В своей поэме он называл себя «историком предлагаемых событий». Он был историком – историком современной России, в чертах которой угадывались вместе с тем и родимые пятна времен отшедших. «Мертвые души» слишком бы сузились, если б в них присутствовала одна

современность, необходимо было раздвинуть их фон, ввести в ткань историческую перспективу, дух этой исторической перспективы. Тема 1812 года, которая начинала звучать в первой части поэмы, протягивала нить и в более далекие времена, может быть, в любимые Гоголем годы русского Средневековья – то есть в XVI и XVII века, когда решалась судьба Московского государства.

4

Одними из первых, кого посетил Гоголь в этот приезд в Москву, были Аксаковы. Как пишет С. Т. Аксаков, здесь не узнали Гоголя. В 1835 году, в свой последний приезд в Москву, он был еще совсем молодой человек, отчасти смахивающий на своего персонажа – Ивана Александровича Хлестакова. Было в его манерах что-то преувеличенно-столичное, что бросалось в глаза придирчивым к петербургским жителям москвичам. Было в его походке, жестах, манере обращаться к окружающим что-то легкое, подпрыгивающее; теперь это был другой человек. «Прекрасные белокурые густые волосы лежали у него почти по плечам. Красивые усы, эспаньолка довершали перемену: все черты лица получили совсем другое значение; особенно в глазах, когда он говорил, выражались доброта, веселость и любовь ко всем; когда же он молчал или задумывался, то тотчас изображалось в них серьезное устремление к чему-то высокому. Сюртук вроде пальто заменил фрак, который Гоголь надевал только в совершенной крайности».

Годы, проведенные в Риме, не прошли даром. Гоголь окреп физически, в душе его поселилось спокойствие, удовлетворяющая дух работа привела все силы в равновесие. Это был Гоголь лучшей поры своей жизни, Гоголь, еще не познавший бурь грядущих кризисов. Гоголь цветущий, Гоголь полдневный.

У Аксаковых (которые тогда жили в большом деревянном доме на Смоленском рынке) Гоголь читал «Тяжбу». Чтение это описано И. И. Панаевым: «Гоголь нехотя подошел к большому овальному столу перед диваном, сел на диван, бросил беглый взгляд на всех, опять начал уверять, что он не знает, что прочесть, что у него нет ни чего обделанного и оконченного… и вдруг икнул раз, другой, третий…

Дамы переглянулись между собою, мы не смели обнаружить при этом никакого движения и только смотрели на него в тупом недоумении.

– Что это у меня? точно отрыжка? – сказал Гоголь и остановился.

Хозяин и хозяйка дома даже несколько смутились… Им, вероятно, пришло в голову, что обед их не понравился Гоголю… Гоголь продолжал:

– Вчерашний обед засел в горле, эти грибки да ботвиньи! Ешь, ешь, просто черт знает, чего не ешь...

И заикал снова, вынув рукопись из заднего кармана и кладя ее перед собою...

– Прочитать еще «Северную пчелу», что там такое?.. – говорил он, уже следя глазами свою рукопись.

Тут только мы догадались, что эта икота и эти слова были началом чтения драматического отрывка, напечатанного впоследствии под именем «Тяжба». Лица всех озарились смехом... Щепкин заморгал глазами, полными слез...

М. С. Щепкин. Первый исполнитель роли Городничего в Москве. 1839 г.

...Восторг был всеобщий: он подействовал на автора.

– Теперь я вам прочту, – сказал он, – первую главу моих «Мертвых душ», хотя она еще не обделана.

...Все были потрясены и удивлены. Гоголь открывал для своих слушателей тот мир, который всем нам так знаком и близок, но который до него никто не умел воспроизвести с такою беспощадною наблюдательностью...

После чтения Сергей Тимофеевич Аксаков в волнении прохаживался по комнате, подходил к Гоголю, жал его руки и значительно посматривал на всех нас... «Гениально! гениально!» – повторял он».

Так же гениально читал Гоголь и «Ревизора» – все слушавшие в его исполнении знаменитую комедию подтверждают, что ничего подобного никогда не видели на сцене. Более всего изумлял в исполнении Гоголя Хлестаков. Он вызывал не только смех, но и сочувствие. В Петербурге и Москве Хлестакова играли как враля, как лицо водевильное. У Гоголя он тоже был легок, легкомыслен, но в его вранье чувствовалась поэзия. «Его несет», – замечал Гоголь о Хлестакове. Он, по существу, не ведает, что творит, свободно отдаваясь стихии вранья, – это его природная стихия, и он в ней поэт. Было в гоголевском Хлестакове и что-то детское, мальчишеское, что-то такое, что никак не заставляет отнестись к нему как к мошеннику, как к человеку, который сознательно решил одурачить бедных чиновников и оставить их с пустым карманом и пустою душой. Он и сам опустошается за эти часы пребывания в городе, за эти минуты, которые, как он сам говорит, были лучшими минутами его жизни. Приехав в Москву, Гоголь пошел смотреть «Ревизора». Эта встреча автора со своим детищем не принесла ему радости. Большой театр, где давалось представление, был полон. Вся дворянская интеллигенция, прослышав о присутствии в театре автора, повалила сюда. Все пять ярусов, и ложи, и партер ждали появления Гоголя. Он появился перед самым открытием занавеса, тихо прошел в ложу Чертковых и затаился. И когда в конце третьего акта раздались громкие крики: «Автора! Автора!», он вышел из ложи и уехал.

Т. Н. Грановский, присутствовавший на спектакле, писал Н. Станкевичу: «Сочинитель уехал, не желая тешить зрителей появлением своей особы. За это его ужасно поносили. Мне стало досадно: как будто человек обязан отдавать себя на волю публики, да еще какой!» Но не все думали так, как Грановский. Некоторые считали, что это проявление гордости Гоголя, неуважения Гоголя к Москве. Особенно негодовал М. Н. Загоскин. Гоголь пытался успокоить его, ссылаясь на случившиеся вдруг семейные неприятности, но Загоскин не верил.

Причиной бегства Гоголя из театра было не только нежелание выходить к публике (этого он не любил), но и дурная игра актеров. И хотя городничего играл Щепкин, а Осипа – Орлов (и играли хорошо),

ансамбль не получился. Менее всех нравился Хлестаков, он сбивался на водевиль.

Позже Гоголь признавался С. Т. Аксакову, что хотел бы сам поставить «Ревизора» на домашней сцене. При этом роль городничего он предназначал Сергею Тимофеевичу, а Хлестакова оставлял себе. Этому желанию Гоголя не суждено было сбыться.

В зиму 1848/49 года Гоголь ездит на литературные вечера к Хомяковым, Свербеевым, А. П. Елагиной, Киреевским. Философ и поэт А. С. Хомяков жил в те годы на Петровке. Авдотья Петровна Елагина, мать братьев Киреевских, жила у Красных ворот. Ее дом сделался местом встреч лучших людей Москвы. Иван Васильевич Киреевский в 1832 году издавал журнал «Европеец», его брат, Петр Васильевич, занимался собиранием русских народных песен. Это была чисто русская семья, в которой любовь к русской старине, к русской поэзии и народной песне соединялась с западной просвещенностью и высоким уровнем европейского образования. Знакомится Гоголь в Москве и с Н. П. Огаревым, с профессором всеобщей истории Московского университета Т. Н. Грановским, и с И. С. Тургеневым, и с молодым филологом, издателем «Запорожской старины» И. И. Срезневским. Чертковы стали добрыми знакомыми Гоголя в Риме. А. Д. Чертков был собирателем древностей, археологом, нумизматом. Его богатая книжная и рукописная коллекция составила впоследствии известную чертковскую библиотеку, на основе которой возник журнал «Русский архив», работали с этой коллекцией и по сей день работают писатели и историки литературы.

Был Гоголь в гостях и у П. Я. Чаадаева. Чаадаев жил на Басманной, его дом привлекал многих. Гоголь приехал, увидев незнакомых ему людей среди гостей, сел в углу в кресло и, не проронив почти ни слова, а только слушая, просидел так весь вечер.

6 апреля в «Московских ведомостях» появилось объявление следующего рода: «Некто, не имеющий собственного экипажа, ищет попутчика до Вены, имеющего собственный экипаж, на половинных издержках… Спросить на Девичьем поле, в доме Погодина, Николая Васильева Гоголя».

Гоголь собирался за границу. Его ждал Рим и окончание первого тома поэмы. Первоначальное объявление для газеты было составлено в шутливых тонах, в гоголевском духе и гласило: «Некто, не имеющий собственного экипажа, желает прокатиться до Вены с кем-нибудь… Оный некто – человек смирный и незаносчивый: не будет делать всю дорогу никаких запросов своему попутчику и будет спать вплоть от Москвы до Вены». Редакция сочла этот текст чересчур фривольным.

Перед отъездом Гоголь дал именинный обед в саду у Погодина. На обеде были И С. Тургенев, П. А. Вяземский, М. Ф. Орлов, М. Н. Загоскин, К. С. Аксаков, П. Г. Редкин, М. А. Дмитриев и М. Ю. Лермонтов.

В дневнике А. И. Тургенева – друга А. С. Пушкина, провожавшего его гроб до Святых Гор, – отмечены и другие гости: П. Я. Чаадаев, Щепкин, Хомяков, Баратынский.

Целое созвездие имен собралось под липами в погодинском парке. Лермонтов читал гостям отрывки из поэмы «Мцыри». Гоголь был оживлен, сыпал шутками, называл жженку, которую варил сам, Бенкендорфом за ее голубой цвет (голубым, как известно, был кант на жандармском мундире).

На следующий день Гоголь у Свербеевых вновь встретился с Лермонтовым. Краткая запись в дневнике А. И. Тургенева гласит: сидели «до 2-х часов». Гоголь никогда так поздно не засиживался в гостях. Для него это случай необычайный. Можно только догадываться о впечатлении, которое произвел на Гоголя уезжающий в ссылку на Кавказ Лермонтов. Позже, в статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность», Гоголь отдаст дань таланту Лермонтова, сказав, что никто у нас не писал еще такой благоуханной прозой, как автор «Героя нашего времени», и вместе с тем отметит в Лермонтове презрение к своему таланту, безрассудную игру с ним и «безочарование» его поэзии. Выстрел, прозвучавший в июле 1841 года у подножия горы Машук, больно отзовется в сердце Гоголя. Он откликнется на него горькими строками сожаления о судьбе русских поэтов.

18 мая, после завтрака, в 12 часов, Гоголь – в сопровождении своего попутчика Панова – отбыл из Москвы. Его поехали провожать Аксаковы, Погодин и Щепкин. Вот как описывает этот отъезд С. Т. Аксаков: «…ехали мы с Поклонной горы по Смоленской дороге… На Поклонной горе мы вышли все из экипажей, полюбовались на Москву; Гоголь и Панов, уезжая на чужбину, простились с ней и низко поклонились. Я, Гоголь, Погодин и Щепкин сели в коляску… Так доехали мы до Перхушкова, то есть до первой станции. Дорогой Гоголь был весел и разговорчив. Он повторил свое обещание, данное им у меня в доме за завтраком и еще накануне за обедом, что через год воротится в Москву и привезет первый том «Мертвых душ», совершенно готовый для печати… В Перхушкове мы обедали, выпили за здоровье отъезжающих, Гоголь сделал жженку… Вскоре после обеда мы сели, по русскому обычаю, потом помолились. Гоголь прощался с нами нежно, особенно со мной и Константином, был очень растроган, но не хотел этого показать…»

Гоголь свое обещание выполнил. В октябре 1841 года он привез в Москву из Италии готовый первый том «Мертвых душ». Начались хлопоты по переписке, по передаче поэмы в цензуру. 23 октября Гоголь писал Н. М. Языкову, с которым сошелся в Риме: «Меня, как ты уже, думаю, знаешь, предательски завезли в Петербург; там я пять дней томился. Погода мерзейшая, именно трепня. Но я теперь в Москве и вижу чудную разность в климатах. Дни все в солнце, воздух слышен свежий, осенний, передо мной открытое поле, и ни кареты, ни дрожек, ни души – словом – рай».

До этого как о рае он говорил только о Риме. Но все более он привыкал к Москве, к ее домашности, ее близости к лесу, полю, к мягкой погоде и мягкой русской речи. Петербург посвистывал ветрами с залива, продувал насквозь в эти осенние дни – тут стояла золотая пора: ни один желтый лист на березах и кленах не шевелился, синее небо разбросило над Москвой свой купол, горели на солнце кресты и золотые главы храмов и остатки паутины тянулись по уже обмякшей траве. Окна комнаты Гоголя выходили на восток, солнце показывалось тут с утра и грело, как в Риме.

Да и к зиме московской он привык. Заворачивали и тут морозы, мели метели, но не было этой болотной мороси, пробирающей до костей влаги, ветра с Невы, который, проносясь по голым проспектам, готов был унести с собой и прохожего. В Москве если и налетал ветер, то быстро запутывался в тесных переулках, стихал, пытаясь пробраться по кривым улочкам, тупичкам, сивцевым вражкам и собачьим площадкам. И печи здесь дольше хранили тепло, и деревянные стены особняков защищали надежнее.

Но с рукописью не все ладилось. Переписанная набело, она поступила к цензору И. М. Снегиреву, который не нашел в ней ничего предосудительного. И. М. Снегирев был не только цензор. Профессор Московского университета, автор книг «Русские простонародные праздники», «Русские в своих пословицах», «Памятники московской древности», он был человеком, которого читал Гоголь и чтил Гоголь. Еще за границей он просил друзей присылать ему книги Снегирева.

Но благожелательного отзыва Снегирева оказалось недостаточно. «Мертвые души» поступили на рассмотрение в Московский цензурный комитет. Не желая зависеть от решения комитета, в положительном заключении которого он не был уверен, Гоголь решает послать другой экземпляр рукописи в Петербург, надеясь там с помощью своих высокопоставленных знакомых – в частности, В. Ф. Одоевского, М. Ю. Вьельгорского, А. О. Смирновой, П. А. Плетнева – провести ее через Петербургский цензурный комитет. Он заготавливает письма на имя попечителя Петербургского учебного округа М. А. Дондукова-Корсакова

и министра просвещения графа С. С. Уварова с просьбой оказать содействие прохождению поэмы.

Саму поэму он вручает В. Г. Белинскому, который в то время уже жил в Петербурге (где Гоголь более тесно познакомился с ним у В. Ф. Одоевского) и сотрудничал в «Отечественных записках». Белинский приехал в старую столицу погостить на Рождество. Здесь, в доме В. П. Боткина в Петроверигском переулке, они и встретились. Свидание было деловым и тайным. Тайным для тех, кто не желал этой встречи, не желал сближения Гоголя и Белинского. Это было окружение Погодина, окружение «Москвитянина». В «Отечественных записках» Белинский выступил с критикой позиции московского журнала и вообще «московских» воззрений, которые условно назывались «московскими» в отличие от «петербургских», смысл которых заключался в том, что России предстоит западный путь развития. Москва стояла за допетровскую Русь, за ее уклад и обычаи, за свою дорогу развития, Петербург считал, что окно в Европу прорублено, и недаром. Гоголь не вмешивался в эти споры, но знал о них. Он ценил Белинского как критика, статья Белинского «О русской повести и повестях г. Гоголя» была лучшей статьей о нем. Так думал и сам Гоголь. Он говорил П. В. Анненкову, что никто так не понял его, как Белинский. С тех пор Гоголь следил за Белинским, читал Белинского, он даже написал о нем в статье «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году», но строки эти выпали из печатного текста. Вот они: «В критиках Белинского, помещающихся в Телескопе, виден вкус, хотя еще не образовавшийся, молодой и опрометчивый, но служащий порукою за будущее развитие, потому что основан на чувстве и душевном убеждении».

В письме В. Ф. Одоевскому в начале января 1842 года Гоголь писал: «Белинский сейчас едет. Времени нет мне перевести дух... Рукопись моя запрещена. Проделка и причина запрещения все смех и комедия. Но у меня вырывают мое последнее имущество. Вы должны употребить все силы, чтобы доставить рукопись государю». Гоголь очень надеялся на А. О. Смирнову, которая имела влияние на императора.

История с запрещением «Мертвых душ» в Московском цензурном комитете неясна. Некоторые считают ее мистификацией Гоголя, другие склонны верить Гоголю, который описал эту «комедию» так: «Я отдаю сначала ее цензору Снегиреву... Снегирев чрез два дни объявляет мне торжественно, что рукопись он находит совершенно благонамеренной... Вдруг Снегирева сбил кто-то с толку, и я узнаю, что он представляет мою рукопись в Комитет... Как только занимавший место президента Голохвастов услышал название *Мертвые души,* закричал голосом древнего римлянина: «Нет, этого я никогда не позволю: душа бывает бессмертна; мертвой души не может быть, автор вооружается против бессмертья». В силу наконец мог взять в толк умный президент, что дело

идет об ревизских душах… «Нет, – закричал председатель и за ним половина цензоров. – Этого и подавно нельзя позволить… уж этого нельзя позволить, это значит против крепостного права…»

«…Предприятие Чичикова, – стали кричать все, – есть уже уголовное преступление… вот он выставил его теперь, и пойдут другие брать пример и покупать мертвые души… Это толки цензоров-азиатцев… Теперь следуют толки цензоров-европейцев… Что вы ни говорите, а цена, которую дает Чичиков (сказал один из таких цензоров, именно Крылов), цена два с полтиною, которую он дает за душу, возмущает душу… Этого ни во Франции, ни в Англии и нигде нельзя позволить. Да после этого ни один иностранец к нам не приедет…» Я не рассказываю… о других мелких замечаниях, как то: в одном месте сказано, что один помещик разорился, убирая себе дом в Москве в модном вкусе. «Да ведь и государь строит в Москве дворец!» – сказал цензор (Каченовский)…»

Так или иначе, в Москве с рукописью вышла задержка, а в Петербурге ее почти без замечаний подписал цензор А. Никитенко. Было решено только заменить заглавие, точнее, видоизменить его: вместо «Мертвые души» написать «Похождения Чичикова, или Мертвые души» и смягчить главу о капитане Копейкине, заменив министра, к которому он идет с прошением, на вельможу.

Впрочем, право на смягчения добился сам автор. Вначале решено было Копейкина, как тревожившего самолюбие высших чинов, убрать. Гоголь не мог на это согласиться. Повестью о капитане Копейкине он дорожил особо, считая ее главной в первом томе поэмы. «Уничтожение Копейкина меня сильно смутило, – писал он в Петербург Плетневу, – это одно из лучших мест в поэме, и без него – прореха, которой я ничем не в силах заплатать и зашить. Я лучше решился переделать его, чем лишиться вовсе». «Если имя Копейкин их остановит, – писал он Прокоповичу о петербургских цензорах, – я готов назвать его Пяткиным и чем ни попало».

«Копейкин» переписывался в доме Погодина. «Я выбросил весь генералитет, – сообщал Гоголь Плетневу, – характер Копейкина означил сильнее, так что теперь видно ясно, что он причиною сам и что с ним поступили хорошо».

Это была тягостная работа, и Гоголь тосковал.

Вместе с «Копейкиным» переделывался и «Портрет», который Гоголь вскоре отправил тому же Плетневу для публикации в «Современнике», и дописывалась повесть «Рим». На последнюю претендовал издатель «Москвитянина» Погодин. Он требовал от Гоголя еще и куски из «Мертвых душ», но Гоголь, всегда боявшийся предварительной публикации в журналах, отказал ему. Их отношения омрачились.

8 апреля 1842 года в университетской типографии в Москве, которая помещалась на нынешней Пушкинской улице, дом 34, началось печатание поэмы Гоголя. На обложке заглавие выглядело так: «Похождения Чичикова» были набраны мелко, а «Мертвые души» крупно – Гоголь настаивал на своем названии. Кроме того, обложка была сделана по его рисунку, а ничто, кроме несущейся вверху листа тройки, не говорило в ней о приключенческом характере книги. Виньетка в виде бес численных черепов обрамляла слова «Мертвые души» и «поэма». Среди черепов, правда, легкомысленно мелькали штофы и бутылки, какие-то рыбы на блюдах и пожарная каланча.

Тираж книги был невелик: 2400 экземпляров. Деньги, вырученные за ее продажу, шли на долги.

Уезжая в Рим, Гоголь оставил С. П. Шевыреву список своих долгов: «Первые вырученные деньги обращаются в уплату следующим: Свербееву – 1500, Шевыреву – 1900, Павлову – 1500, Хомякову – 1500, Погодину – 1500… Выплативши означенные деньги, выплатить следующие мои долги: Погодину – 6000, Аксакову – 2000».

Все эти годы, пока писалась поэма, Гоголь жил в долг. Вспомоществования от государя, от наследника тоже были долгом – и хотя их не приходилось возвращать, долг этот лежал на душе.

Обложка первого издания

9 мая 1842 года Гоголь писал Данилевскому из Москвы: «Через неделю после этого письма ты получишь отпечатанные «Мертвые души», преддверие немного бледное той великой поэмы, которая строится во мне и разрешит, наконец, загадку моего существованья».

Более всего экземпляров поступило книгопродавцам в Москве, 300 штук было отправлено в Петербург, кроме того, три книги предназначались для матушки, 25 – Аксаковым, 6 – в цензурный комитет (для дарения

цензорам) и т. д. 62 экземпляра Гоголь взял себе. Часть из них он роздал на прощальном обеде у С. Т. Аксакова перед выездом за границу.

Он опять направлялся в дальние края. Нужно было проветриться, развеяться, дать собраться мыслям, вновь отвлечься от России, про которую он говорил, что она лучше видна ему издалека, на расстоянии. Это было заблуждение, но заблуждение, в котором он успел – за годы жизни на чужбине – укорениться. Нужны были новые потрясения и переживания, чтоб он стал думать иначе.

9 мая, как и два года назад, в саду у Погодина Гоголь устроил именинный обед. Москва в эту весну рано оделась листвою, соловьи пели, пахло свежей зеленью – накануне прошел теплый дождь. Гоголь с открытой улыбкой встречал приезжающих. Галантно целовал ручку дамам, целовался с друзьями. Труд, которому отдал он столько лет, был завершен. Книга вышла. Он имел основания считать, что время, проведенное вдали от родины, не пропало даром. Теперь следовало ждать, что скажет Россия по поводу «Мертвых душ».

Состав гостей, приглашенных на обед, говорит, что Гоголь обрел новых друзей в Москве. Был тут и друг Пушкина беспечный гуляка П. В. Нащокин (с него Гоголь будет писать героя второго тома поэмы, разорившегося помещика Хлобуева), молодые славянофилы К. Аксаков, Юрий Самарин, братья Киреевские, почитатель Гоголя критик Аполлон Григорьев. Были и старые знакомые – Грановский и Редкин. Но не было Чаадаева, не было Лермонтова.

Призывы Белинского печататься в «Отечественных записках» и предпочесть Москве Петербург (такое письмо Белинский написал Гоголю 20 апреля 1842 года) не были приняты Гоголем. Он не хотел склоняться ни к той, ни к другой стороне. Хотя, живя в Москве, он не мог не быть в житейском отношении ближе к москвичам.

23 мая, как и в прошлый раз, из дома Аксаковых Гоголь выехал за границу. Его провожали Мария Ивановна Гоголь, приехавшая в Москву за дочерью Елизаветой, Аксаковы, Щепкин. Вновь повторилась церемония отъезда. Но на этот раз Гоголь держал путь через Петербург. Ему надо было раздать экземпляры «Мертвых душ» нужным людям в Северной столице, освежить старые знакомства, встретиться с Н. Я. Прокоповичем, которому он решил поручить печатание своего собрания сочинений. Поэтому прощальный поезд доехал до первой станции – до Химок – и здесь остановился. «Приехавши на станцию, мы пошли… гулять, – пишет С. Т. Аксаков, – мы ходили вверх по маленькой речке, бродили по березовой роще, сидели и лежали под тенью дерев… находились в каком-то принужденном состоянии… Увидев дилижанс, Гоголь торопливо встал, начал собираться и простился с нами… в эту минуту я все забыл и чувствовал только горечь, что великий художник

покидает отечество и нас. Горькое чувство овладело мною, когда захлопнулись двери дилижанса; образ Гоголя исчез в нем, и дилижанс покатился по Петербургскому шоссе».

Перед отъездом из Москвы Гоголь объявил друзьям, что вернется на родину лишь через Иерусалим. Без этого путешествия он не мыслил продолжения работы над «Мертвыми душами». Сами «Мертвые души» в его воображении все более расширялись в своем материале и значении, жанр поэмы, который он дал им, соответствовал поэтическому замыслу. Из анекдота, из истории о похождениях Чичикова, затрагивающих, как говорил Гоголь, «с одного боку» Русь, они стали превращаться в некое сочинение из трех частей, в котором была бы охвачена вся Русь. Гоголь хотел уравновесить двумя последующими частями «темную» первую часть, дать полный срез русского общества через живописание бесчисленных его сословий.

Для исполнения этого замысла нужна была еще одна жизнь. Он чувствовал, что надо вернуться домой, что многое на родине, пока он отсутствовал, изменилось, многого он уже не знал или знал понаслышке. Но он оттягивал возвращение. Ему хотелось вернуться в Россию чистым. Он убеждал себя в том, что не готов к написанию второго и третьего тома поэмы, потому что душа еще не готова. «Голова готова, а душа нет», – прибавлял он.

Что это значило? Это значило, что, для того чтобы показать светлое (светлых героев в противовес темным героям первой части), надо и самому просветлиться, сделаться достойным изобразить светлое. Перед Гробом Господним, находящимся в Иерусалиме, он хотел испросить себе право на такое писание.

Как искренне верующий и христианин, он мог испросить такое право в любой церкви. Но Гоголю нужна была почти «очная встреча» с Христом. Вот почему он поехал в Иерусалим. Только здесь, как считал он, он может проверить себя.

Путь к новым частям поэмы, призванным заодно просветлить и Русь, откладывался.

Началась эра скитаний, блужданий внутренних и внешних, во время которых паспорт Гоголя испещрялся названиями новых городов и стран. 23 мая Гоголь выехал из Москвы. 20 июня он уже в Берлине. Далее следуют Дрезден, Прага, Гастейн, Зальцбург, Мюнхен, Венеция, Болонья, Флоренция, Рим. Наступает 1843 год. Гоголь вновь в дороге. Мелькают в его паспорте штампы Мантуи, Вероны, Триеста, Ровердо, Инсбрука, Зальцбурга, Мюнхена, Штутгарта, Ниццы. И вновь Страсбург, Брюссель, Аахен, Париж (это уже 1845 год), Берлин, Карлсбад, Прага, Венеция, Флоренция, Рим.

Гоголь колесит по Европе, ища успокоения своим нервам, рассеяния одиночества. Он приглядывается к европейской жизни, сравнивая ее с укладом русским. Как в копилке, откладываются в душе прозорливого путника и европейские успехи (чаще внешние), и европейские пороки (чаще внутренние). Он пишет повесть «Рим» и не заканчивает ее – это, собственно, портрет двух цивилизаций, одна из которых уже завершает свой путь, другая, наоборот, в азарте набирает темп. Первая – отмирающая цивилизация старой Европы, в которой верховодят законы естественности и дух не оттеснен еще гонкой за благополучием, вторая – вся эта гонка, эта поспешность, это изматывающее нервы соревнование с веком. Два города – Рим и Париж – выступают в повести как символы этих двух миров, и любимцу своему – Риму Гоголь отдает предпочтение.

Его страшит «гордость ума», культ наук, которые хвастаются своими победами над природой – и над природой человека в том числе. Железные дороги, вольная печать, комфорт и веселье, которые предлагают путнику европейская промышленность, европейская сытая жизнь, не по нему.

Его тянет домой – туда, где все не устоялось, не отстоялось, где реют в воздухе мятежные вопросы, где дух высок, хотя и велика бедность.

Долее чем где-либо задерживается Гоголь у Василия Андреевича Жуковского во Франкфурте-на-Майне. Старый поэт, кажется, весь погружен в старый мир. Он закончил перевод Гомеровой «Одиссеи», хочет перевести «Илиаду». Его волнуют вечные темы, ставшее уже вечным прошлое.

Гоголя тянет на настоящее. Он ездит по Европе не праздно, не от избытка денег (их у него нет), а чтоб, как он говорил, «понабраться» европейских сведений. Они нужны ему для сравнения. Сопоставив их с русскими фактами, он, как ему кажется, лучше поймет Россию.

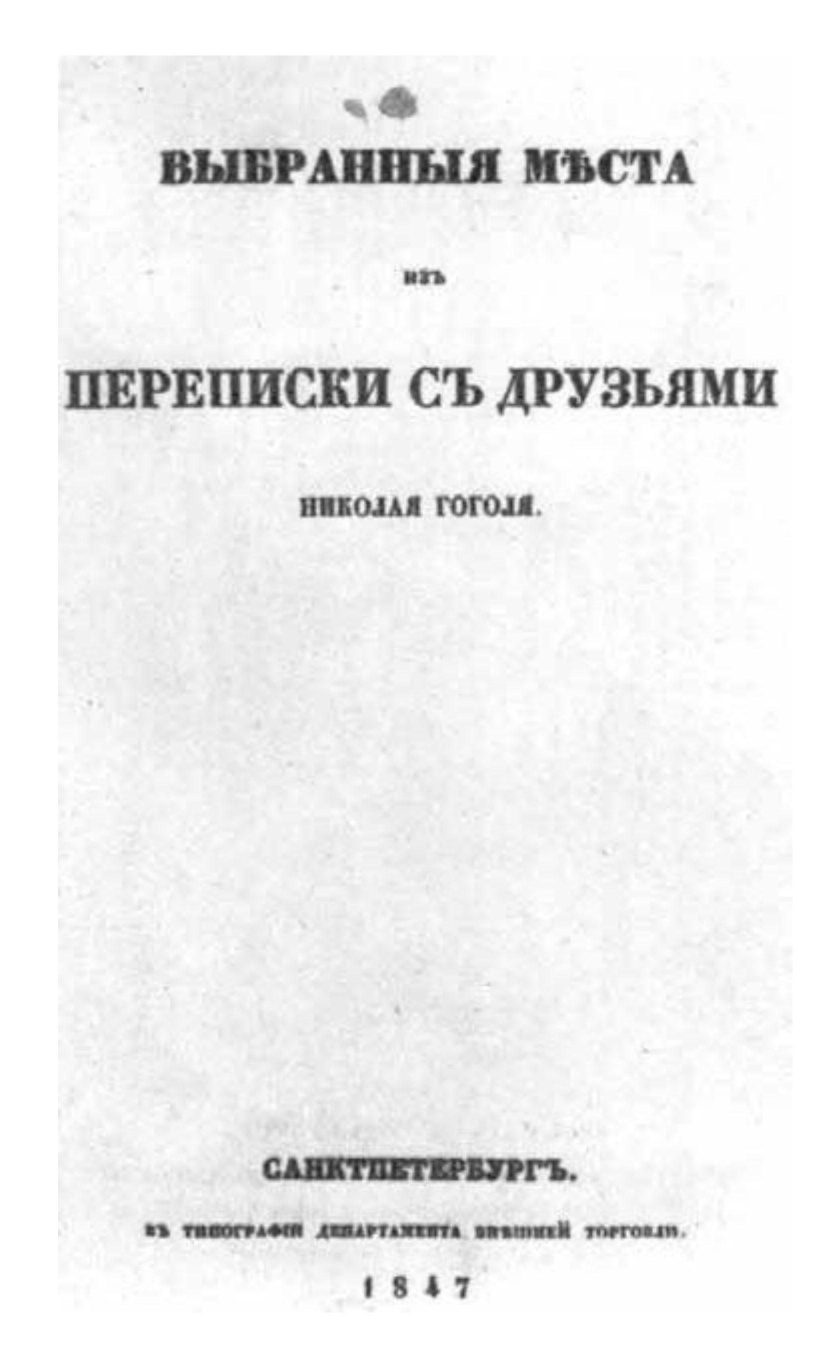
В самый последний момент перед отъездом в Иерусалим он застает в Неаполе революцию 1847 года. Образ толпы, требующей своих прав, образ рушащейся тишины старого мира (а в Италии он искал и находил эту тишину) Гоголь увозит с собою на пароходе, отправляющемся на Восток.

6

Гоголь вернулся в Москву лишь осенью 1848 года. Позади были, быть может, самые трудные годы его жизни. Это были и годы болезней, душевных кризисов, годы писания и сожжения написанного, годы, когда Гоголь думал вовсе оставить поприще литературы, которое казалось ему утратившим свое значение, свою силу влияния на читателя. Но он не оставил его. В эти годы «антракта», как назвал их сам Гоголь, родилась его новая книга – книга, которая не походила ни на

какие другие: поэма не поэма, роман не роман, книга без названия и без жанра, просто исповедь, с которой он решился обратиться ко всем в России – от царя до мелкого чиновника.

Это были «Выбранные места из переписки с друзьями».

ВЫБРАННЫЯ МѢСТА

ИЗЪ

ПЕРЕПИСКИ СЪ ДРУЗЬЯМИ

НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА ВНѢШНЕЙ ТОРГОВЛИ.

1847

В 1845 году он в минуты болезни и, как ему казалось, близости смерти сжег написанные главы второго тома поэмы и «нацарапал завещание». Потом это завещание в качестве предисловия появилось в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Тогда-то и начал он подумывать о какой-то особенной книге, о «прощальной повести», которая должна была стать повестью не в обычном смысле слова, а повестью его писательства, его жизни, повестью его душевной исповеди. Так образовывалась идея «Выбранных мест».

Гоголь составил эту книгу из писем, которые он писал друзьям и копии которых имел привычку оставлять у себя в портфеле. Иногда это были не копии, а черновики, потому что Гоголь любил отсылать своим адресатам текст, переписанный им самим и не содержащий никаких помарок. А бывало, что писал он небрежно, спустя рукава, с помарками и кляксами, но – очень близким людям, родным, приятелям. Там, где его перо сворачивало на серьезные вопросы, где задевалось нечто важное для Гоголя, он переписывал. Переписывал и черновик откладывал. Для этого у него существовали специальные конверты, которые он метил именем адресата. Иногда ему приходила мысль продолжить письмо, завершить недосказанное в нем и обратить его уже не к конкретному человеку, а к читателю – так по привычке действовал в нем писатель.

Адресатами Гоголя были: Александра Осиповна Смирнова-Россет, Петр Александрович Плетнев (ректор Петербургского университета и издатель «Современника»), Василий Андреевич Жуковский, Николай Михайлович Языков, Александр Петрович Толстой – бывший тверской губернатор, с которым Гоголь познакомился в Париже.

А. О. Смирнова-Россет. Акварель Н. Алексеева

Гоголь включил в книгу и просто статьи, которые поспели к тому времени в его бумагах. Статью о Карамзине, статью о Пушкине, статью о русской поэзии, статью о «Мертвых душах», статью о церкви и т. д. Они выросли из тех же писем, из дневниковых заметок, из записей между делом, в то время когда Гоголь формально молчал, но в душе его совершалась огромная работа. Он эту работу, собственно, и представил глазам зрителей. Он распахнул двери в свою «душевную клеть», как он писал, в свою мастерскую. То была не только мастерская писателя, поэта, но и душевный храм человека, куда доступ, кажется, разрешен только хозяину.

К тому времени, когда Гоголь приехал в Москву, «Выбранные места из переписки с друзьями» были уже прочитаны и почти повсеместно осуждены, причем на автора восстали как Москва, так и Петербург. Не было в России сословия, которое бы так или иначе не откликнулось на книгу. Одни говорили, что Гоголь оболгал Россию (тем, что высказал о ее жизни много печальных истин), другие оскорбились за поношение западной цивилизации, за восхваление церкви, монарха.

Книга Гоголя была полна излишеств. Год спустя он сам осудит их, сказав о себе: «Я размахнулся эдаким Хлестаковым». Но «намерение» (и это опять его слова) «было чистое». В «Выбранных местах» Гоголь хотел разом решить все вопросы русской жизни. Но такая цель не под силу одному человеку. Исходя из своего представления об идеале – и об идеале России, – он судил русскую реальность судом идеальности. То был строгий суд. И взятый в этой книге тон пророка, провозвестника и прорицателя смущал.

Страсти еще кипели, когда Гоголь вернулся. Во многих голосах, осуждавших его, слышалась вражда. Это больнее всего ударило по его сердцу. Ибо – при всех преувеличениях – книга его звала к миру. Она звала соотечественников объединиться, «как русские в 1812 году». Объединиться уже не против врага внешнего, а против врага внутреннего – взяток, корысти, нечестной жизни, лени. Каждый на своем месте должен делать свое дело честно – в этом Гоголь видел спасение России.

Пророчества Гоголя шли от сердца, но так же от сердца ответил ему и Белинский. К тому времени они уже обменялись письмами, одним из которых было знаменитое «Письмо к Гоголю». В своих письмах Белинскому, вызвавших этот ответ, Гоголь защищал «Выбранные места», признавая, впрочем, поспешность их издания и свой отрыв от положения текущих дел в России. Белинский возражал ему гневно: для него книга Гоголя была «падение», он называл автора ее

«проповедником кнута» и «апостолом невежества». Он звал Гоголя вернуться к художественному творчеству, чтоб создать «новые творения, которые напомнили бы» его «прежние».

* * *

Гоголь вновь остановился у Погодина, но отношения с ним вконец испортились. В одной из статей «Переписки» Гоголь больно задел Погодина, назвав его неряшливым писателем и трудолюбивым муравьем, который никому не принес пользы. Погодин даже плакал, прочитав эти строки. И хотя имя Погодина не было полностью названо в книге, а зашифровано словами «один мой приятель» и буквой «П», все узнали, о ком идет речь.

Постоянные требования Погодина что-либо дать для журнала, чем-то литературным заплатить за гостеприимство, которое он оказывал Гоголю, раздражали Гоголя. Казалось, Погодин имеет какое-то право собственности на него.

11 ноября 1848 года Погодин решил отпраздновать день своего рождения в широком кругу московских знакомых. Гоголь тоже был на вечере, но отношения между ним и хозяином не улучшились.

В конце декабря Гоголь съезжает со своей квартиры на Девичьем поле и перебирается в дом Талызина на Никитском бульваре – дом, в котором жил граф А. П. Толстой. Это было просторное строение с каменным первым этажом и деревянным вторым. Выходя боковой стороной на Никитский, фасад дома смотрел в маленький сквер, засаженный деревьями. Гоголь занял две комнаты в нижнем этаже справа от входа. Весь верхний этаж занимали граф и графиня.

7

Дом у Никитских ворот стал последним пристанищем Гоголя в Москве. Тут он прожил с перерывами три с лишним года. Это была уже не окраина столицы, а центр ее – центр, откуда рукой было подать до Кремля, до театров, до шумной Тверской. Если выйти из ворот дома налево, то вскоре можно было достичь Страстного монастыря, помещавшегося на нынешней Пушкинской площади. Тут же, в двух шагах от монастыря, находился Английский клуб, гостиница «Дрезден» (там, где сейчас Советская площадь), в которой останавливалась, когда приезжала в Москву, А. О. Смирнова.

Тут же, наискосок от гостиницы, стояло высокое здание «казенного дома» – резиденция московского генерал-губернатора князя Д. В. Голицына, слывшего покровителем искусств. Однажды князь решил залучить в свои палаты Гоголя. Гоголю передали его приглашение (с непременной просьбой прочитать что-нибудь). Он отказывался, ссылался на то, что у него нет фрака, фрак нашли (заняв его у сына С. Т.

Аксакова Константина), но из этого визита ничего не получилось. Гоголь чувствовал себя не в своей тарелке – он вообще не любил такого рода аудиенций, читал сквозь зубы (читал он свою повесть «Рим») и вскоре уехал, не произведя на хозяина должного впечатления.

«Тверской казенный дом», как называли здание, в котором размещался московский генерал-губернатор, сейчас стоит на своем месте. В его помещении располагается Моссовет.

Н. В. Гоголь. Автолитография Э. Дмитриева-Мамонова

Неподалеку от этого здания (Тверская, 20) жил другой губернатор – московский гражданский губернатор Иван Васильевич Капнист, с которым Гоголь был знаком гораздо короче, чем с Д. В. Голицыным. Это знакомство тянулось еще из детства Гоголя, из украинских, полтавских связей семьи Гоголей, друживших с отцом И. В. Капниста поэтом Василием Васильевичем Капнистом.

Иван Васильевич Капнист был в своем роде замечательный человек. Он был человек неумытной честности, как сказал бы Гоголь. И – редкой доброты. «Пишите ко мне почаще, – писал он Василию Афанасьевичу из Петербурга, – не забывайте меня. Надеюсь, что вы меня довольно знаете, чтобы могли подумать, что я могу когда-нибудь перемениться, – нет, я всегда буду стараться, чтоб вы меня любили по-прежнему».

Декабристы хотели ввести Ивана Капниста в состав Временного правления, которое они намеревались образовать после свержения императора. Пестель, будучи гостем Капнистов в их родовом имении Обуховке близ Сорочинец, предлагал Ивану Капнисту принять прямое участие в делах тайного общества. Капнист отказался. Он выдвинул свои резоны, считая, что Россия должна идти иным путем. Никто, естественно, не узнал об этих разговорах, несходство взглядов не означало вражды, и Капнист и Пестель расстались добрыми знакомыми, а не врагами.

Гоголь довольно часто бывал в доме у И. В. Капниста, чувствуя себя здесь запросто, читал хозяину свои сочинения и, не всегда получая одобрение, не обижался, наоборот, он ценил беспристрастность своего друга, потому что похвал он и так слышал много, а на критику в его адрес – во всяком случае, в присутствии автора – решались немногие.

И. В. Капнист был статский генерал, а Гоголь с детства недолюбливал генералов. Двоюродный брат матери Гоголя А. А. Трощинский был генерал-майор, когда он приезжал в Васильевку, все в доме вставало вверх дном. Чистились комнаты, мать и сестры принаряжались, батюшка нервничал, волнение передавалось и прислуге. Еще нет генерала, а все уже ждет генерала, бредит генералом. Даже бродячие псы, которых немало водилось в барской усадьбе, как-то поджимали хвосты и не лаяли так громко.

Наконец на дороге показывался верховой – он вез весть о скором прибытии генерала. Хозяева и дети высыпали на крыльцо, дворня становилась у ворот полукругом; карета генерала с лакеем на запятках въезжала в облаке пыли во двор, лакей соскакивал на землю, открывал золоченую дверцу, и из кареты высовывался до блеска начищенный сапог. Ожидание и страх разрешались возгласами, криками, поцелуями, слезами.

Эти сцены Гоголь хорошо запомнил. Позже он не раз встречался с генералами и всегда старался стушеваться, отойти в тень, казаться отсутствующим.

Они тоже не очень замечали его, но по мере того, как слава его росла, приходилось и им обращать внимание на знаменитого «Гогеля» (царь, например, так и не научился правильно произносить фамилию автора «Мертвых душ», так же – «Гогель» – произносили ее и многие его

министры) и даже вступать с ним в разговоры, высказывая свою благосклонность к изящной словесности.

Но всякий раз, когда кто-нибудь из них пробовал перейти с Гоголем на короткую ногу, показывая этим, что разницы в чине не существует, тот без размышления прерывал такие попытки.

Однажды, находясь в гостях у И. В. Капниста, Гоголь был в хорошем расположении духа, веселил гостей, показывая им в живых картинах сцены из басен Крылова. Вдруг приехало «значительное лицо». Капнист, желая смягчить некое напряжение, возникшее из-за этого приезда, представляя Гоголя гостю, сказал: «Рекомендую вам моего доброго знакомого, хохла, как и я, Гоголя». Генерал изобразил на лице улыбку и учтиво выразился: «Мне не случалось, кажется, сталкиваться с вами». Гоголь тут же ответил: «Быть может, ваше превосходительство, это для меня большое счастие, потому что я человек больной и слабый, которому вредно всякое столкновение».

Генерал покрылся бледностью. Был это М. Н. Муравь ев, впоследствии знаменитый под именем Муравьева-вешателя.

Почти такой же случай произошел и на дому у К. А. Булгакова, сына московского почтдиректора А. Я. Булгакова, дружившего с Вяземским и Жуковским, но не брезговавшего, как и гоголевский Шпекин, вскрывать переписку своих друзей.

Сын его, владевший богатым художественным собранием, вел жизнь рассеянную и праздную. В его доме на Мясницкой бывали литераторы и живописцы, ценители искусств. Они рассматривали коллекции живописи и музыкальных инструментов. Таким рассматриванием и занимался в один из своих приездов к Булгакову Гоголь. Он подошел к висящей над диваном картине и долго вглядывался в нее, не замечая, что под картиной расположился на диване какой-то важный генерал. Чем долее стоял возле картины Гоголь, не обращая никакого внимания на генерала, тем сильнее тот злился. Но Гоголь, нимало не смущаясь, все смотрел и смотрел на картину. «Я заметил, – рассказывал Булгаков, – что Гоголь, не видя этого петуха, осеняет его своим длинным носом, и стал их представлять. «Мой дорогой, – сказал я генералу, – представляю тебе знаменитого Гоголя, писателя». Тогда надо было видеть, как флегматично Гоголь опустил свой длинный нос на моего бедного генерала, побагровевшего от такого неслыханного бесцеремонного обращения».

Хозяин Гоголя, у которого он теперь жил, тоже был генерал, но с ним отношения были иные. Гоголь был благодарен ему за приют, за возможность спокойно работать (Толстой не вмешивался в дела постояльца), гость и хозяин встречались лишь за обедом и ужином, каждый жил своей жизнью, и эту свободу их соседства ценил Гоголь.

Для работы он избрал себе ту комнату, которая выходила окнами во двор. В проеме между окнами выросла конторка, встал широкий стол, на котором он разложил нужные для писанья книги (в основном справочники, статистику, исторические и религиозные сочинения, словари), у противоположной стены полукругом уютно расположился диван, гостиный столик, кресла. Высокая кафельная печь тепло обогревала комнату. Во второй комнате за ширмами спряталась одинокая кровать. Тут, кроме кровати, ширм и иконы в углу, ничего не было.

Сюда к Гоголю приезжали его земляк профессор истории литературы и славянских наречий Московского университета О. М. Бодянский, Щепкин, И. С. Тургенев, бывали тут Шевырев, Хомяков, Погодин, молодые Аксаковы. Сергей Тимофеевич Аксаков болел глазами, почти не видел, состояние его здоровья требовало, чтоб он жил в деревне. В Абрамцеве под Москвой у Аксаковых был дом, там поселился старик Аксаков, сыновья и дочери его жили в Москве.

На Никитский однажды приехал навестить Гоголя его лицейский товарищ и соперник Нестор Васильевич Кукольник. Кукольник к тому времени дослужился до действительного статского советника, жил в Таганроге, занимался угольными подрядами.

Закончив лицей, они разъехались, потом встретились в Петербурге, Кукольник привез в столицу свои трагедии, высокий стиль которых еще в Нежине дал ему прозвище Возвышенный (говорят, автором этого прозвища был Гоголь), читал их своему однокашнику, пробовал пробиться с ними на сцену. Успех неожиданно улыбнулся ему. Возвышенность Кукольника пришлась ко двору. Его трагедия «Рука Всевышнего отечество спасла» была поставлена в театре, сам государь ездил смотреть ее. Речь в пьесе шла о событиях 1613 го да – о воцарении на русском престоле дома Романовых. Гоголя в «Библиотеке для чтения» называли Поль де Коком, Кукольника – «нашим Гёте».

Впоследствии Кукольник сдружился с композитором М. И. Глинкой, писал стихи, которые Глинка положил на музыку, издавал «Иллюстрированную газету», жил на широкую ногу. Творчество для него было скорей отдыхом, чем работой. И успех стал постепенно гаснуть, трагедии и повести Кукольника уже никто не читал, двор поостыл к автору «Руки Всевышнего», и Кукольник уехал в провинцию.

В то время когда два бывших однокашника встретились в Москве, им уже нечего было делить: Гоголь был Гоголем, Кукольник – Кукольником. Их уже тревожили воспоминания, а не будущее.

Все, кто видел Гоголя в эти годы в Москве, пишут, что он очень изменился со времени последнего посещения столицы. Это был уже человек, проживший жизнь, хотя и во цвете лет, но сильно подорванный изнутри душевными бурями.

Душа Гоголя хотела мира, уединенной работы, но Россия ждала от него чего-то необыкновенного, и ждала не в неопределенном грядущем, а сегодня, сейчас. Это желание читающей России не могло не сказываться на его настроении, на отношении к своей работе. Гоголь каждый день стоит у своей конторки и пишет. Каждое утро, выпив кофию и пройдясь по бульвару, он возвращается к себе в комнаты и, запершись там (при этом никто не смеет войти к нему в эти часы), до обеда трудится. Иногда за дверями раздаются его шаги, кажется, он говорит на разные голоса, представляя своих персонажей, потом вновь настает тишина, и так длится час, два, три.

Встречи Гоголя в Москве тех лет – встречи и дружеские, и деловые. Он видится с литераторами, друзьями, но интересуют его и купцы, и промышленники, и просто добрые люди, у которых он находит утешение от своих дум. Одним из таких новых друзей Гоголя в Москве становится старушка Н. Н. Шереметева – женщина редкой доброты и радушия, дом которой делается его вторым домом. Шереметева, по словам С. Т. Аксакова, «любила Гоголя, как сына». Она вообще относилась так к людям – для нее ничего не значили ни их имя, ни положение в свете, – важно было, добрый ли это человек. Урожденная Тютчева, Шереметева приходилась родной теткой поэту Ф. И. Тютчеву. В ее доме бывали Жуковский, Языков, Аксаковы. Остаток своей жизни (когда Гоголь познакомился с ней в 1842 году, ей было 67 лет) она посвятила помощи бедным. Собственное семейное несчастье (ее зять, декабрист И. Д. Якушкин, был сослан в Нерчинские рудники) не сломило ее. К ней шли не столько за деньгами, за материальной поддержкой, сколько за душевным словом.

Такое слово услышал от нее и Гоголь. Он, может быть, больше других нуждался в этом бескорыстном дружеском одобрении, молчаливом понимании, не связанном ни с какими обязательствами, не повязанном никакими узами светской любезности. Многих удивляла эта дружба Гоголя со старой женщиной, но в ней была та сердечность и чистота, которых не хватало Гоголю в отношениях с другими его московскими почитателями.

Через Шереметеву он познакомился с И. А. Фонвизиным, племянником автора «Недоросля» и братом декабриста М. А. Фонвизина. И. А. Фонвизин состоял в Союзе Благоденствия, в январе 1826 года был арестован и помещен в Петропавловскую крепость, но вскоре отпущен за недоказанностью обвинений.

Знакомство с И. А. Фонвизиным, помнившим людей, принимавших участие в деле 14 декабря, было находкой для Гоголя. В своей поэме он хотел коснуться и этой темы – темы «тайных обществ» (намеки на эту тему есть в биографии героя второго тома «Мертвых душ» Тентетникова), и сведения об этих обществах, полученные из первых рук, были для него бесценны.

Вообще Гоголь очень рассчитывал на эти устные рассказы, на показания очевидцев, на предания не столь уж отдаленной старины, события которой он сам не застал. Случилась, правда, в Нежинском лицее одна история, которую правительство решило пришить к делу 14 декабря, но шита она была белыми нитками: просто бездарные профессора выступили против талантливых, мозоливших им глаза, а к этой корысти примешался донос о «вольнодумстве».

«Дело о вольнодумстве» заварилось в Нежине при Гоголе, он даже был вызываем в конференцию гимназии (собрание профессоров) для дачи показаний о смысле лекций, которые им читал профессор естественного права Белоусов. Многие из гимназистов трусили, предавали своего учителя, боясь, что их заступничество за него отразится на карьере. Гоголь дал показания в защиту Белоусова.

Так что и у него был некоторый опыт общественного поведения, некоторого гражданского испытания, в котором он неминуемо выбрал правую сторону.

Этот поступок Гоголя, хоть и естественный для честного человека, был тем не менее поступком – это тем более важно, что совершен он был, когда судьба выпускников Нежинского лицея была еще неизвестна.

Даже Н. Кукольник, который сначала давал показания за Белоусова, позже отказался от них.

* * *

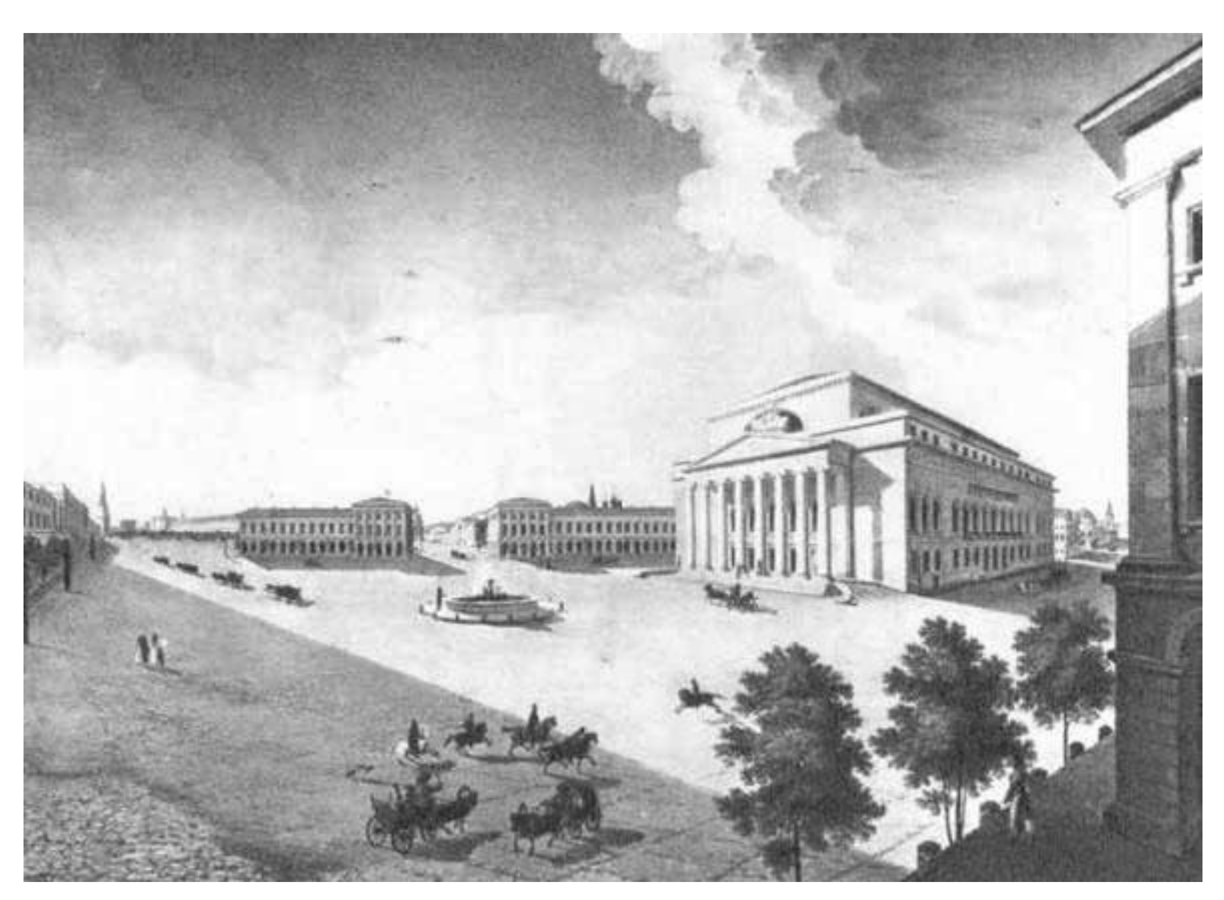
Гоголь, как и Пушкин, считал, что слово писателя есть и дело его. На этом он стоял. Поэтому он с осторожностью относился к попыткам той или иной группы привлечь его на свою сторону. Группы эти казались ему узкими и уверенными лишь в своей правоте. Писатель, говорил Гоголь, должен выслушать мнение всех, он должен взять в соображение разные точки зрения. Если он прилепится к одной, то упустит другую, если отдаст свои симпатии одному мнению, то не сможет услышать резонов другого.

Поэтому круг знакомств Гоголя, как всегда, широк.

В Москве это и славянофилы, и западники, семьи, связанные с опальной интеллигенцией, и люди делового мира. Гоголь дружит с профессором Московского университета О. М. Бодянским, своим земляком, который

за издание трудов Флетчера о России (где высказывались замечания об образе правления русского царя) был на несколько лет отстранен от кафедры и лишь в 1849 году возвращен. Первым, кто приехал поздравить его с победой «над супостаты», был Гоголь.

Ищет Гоголь встреч и с «умным» русским купцом Василием Варгиным. Варгин был одним из богатейших людей в Москве. Он поставлял провиант, холсты и сукна армии в кампанию 1812 года и сэкономил казне много денег. Патриотизм и честность Варгина обратились против него – его обвинили в недодаче казне миллиона рублей. Ему пришлось год провести в Петропавловской крепости.

Москва. Театральная площадь

Артисты, священники, губернаторы, купцы, опальные дворяне, литераторы, собиратели старины, городничие близлежащих к Москве городков (например, в Малоярославце, который Гоголь проезжал по пути к А. О. Смирновой в Калугу), старцы Оптиной пустыни под Калугой, люди военные, торговые, издатели, ученые – вот та смесь чинов и званий, которая попадает в круг внимания Гоголя, в круг его писательского любопытства.

Он вернулся в Москву не для того, чтоб доживать свои дни. Он приехал работать, и эта заповедь – работа, работа, работа («Когда я не пишу, я не живу», – говорил Гоголь) – выполняется им в Москве неукоснительно.

Он и своего хозяина, графа А. П. Толстого, рассматривал как некую модель, как будущий персонаж своей поэмы – тут влияние шло не от графа к Гоголю, а, скорее, наоборот. Недаром Гоголь посвятил Толстому несколько писем в «Выбранных местах из переписки с друзьями», в частности письма «О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности», «Нужно проездиться по России», «Нужно любить Россию». Тон этих писем-наставлений недвусмыслен. Гоголь дает советы А. П. Толстому, а в его лице и другим «вельможам», как вести себя, как служить России, как преодолевать в себе односторонность. А. П. Толстой был суховат, жестковат для идеального типа государственного человека.

«Вы очень односторонни и стали недавно так односторонни, – писал Гоголь А. П. Толстому в одном из писем, вошедших в «Выбранные места из переписки с друзьями». – Монах не строже вас». Он защищал театр и искусство от строгих суждений своего оппонента, считавшего, что театр прелесть, «пустая вещь», вводящее в соблазн язычество. «В нем, – продолжал Гоголь о театре, – может поместиться вдруг толпа из пяти, шести тысяч человек... вся эта толпа, ни в чем не сходная между собою, разбирая по единицам, может вдруг потрястись одним потрясением, зарыдать одними слезами и засмеяться одним всеобщим смехом. Это такая кафедра, с которой можно много сказать миру добра».

Отношения с Толстым шли по линии преодоления этой односторонности, этой сухости и жесткости – как в вопросах веры, так и в вопросах жизненного поведения и искусства. «Односторонние люди и притом фанатики, – предупреждал Гоголь своего адресата, – язва общества, беда той земле и государству, где в руках таких людей очутится какая-либо власть... они уверены, что весь свет врет и одни они только говорят правду».

И в христианстве А. П. Толстого он видел наличие той же жесткости и сухой теории. «Идите же в мир и приобретите прежде любовь к братьям», – писал он ему в другом письме, и это был призыв не к тому, чтоб любить людей вообще, бога вообще, а направлять это чувство на конкретных лиц, которые нуждаются в любви, судьба которых зависит от этого проявленного к ним сочувствия.

9

В эти годы Гоголь осваивает и Подмосковье. Он бывает на даче у С. П. Шевырева в Троицком (по нынешней Казанской дороге), гостит у А. О. Смирновой в ее подмосковном селе Спасском Бронницкого уезда (в пяти километрах от нынешнего Воскресенска), навещает П. А. Вяземского в Остафьеве.

Остафьево – святыня русской литературы, здесь долгие годы жил Н. М. Карамзин. Тут, за маленьким столиком в комнате второго этажа,

выходящей окнами в сад, он работал, создавая свою «Историю государства Российского». Гоголь с благоговением относился к Карамзину. Карамзин был одним из тех писателей, который повлиял на его литературное развитие, Карамзина Гоголь считал гордостью нации, олицетворением чести и достоинства нации. Он готов был присоединиться к словам Пушкина, сказанным об «Истории» Карамзина: это «подвиг честного человека».

Сейчас в Остафьеве сохранился дом Вяземских, в саду за домом стоит поставленный в 1913 году памятник Карамзину. Это необычный памятник. На нем нет изображения историка, на постаменте стоит сама история – те восемь томов «Истории государства Российского», которые были написаны в Остафьеве. Тут бывали Пушкин, и Жуковский, и Дмитриев, и Д. Давыдов, и Баратынский. Огромный остафьевский архив хранил переписку хозяина усадьбы с этими людьми, их автографы, воспоминания самого П. А. Вяземского. «Карамзин первый показал, что писатель может быть у нас независим, – писал Гоголь, – и почтен всеми равно, как именитейший гражданин в государстве».

Они приехали в Остафьево с М. П. Погодиным. По дороге, как записал Погодин, разговор шел об истории, о Европе, о России, о правительстве. Речь шла и о Петре Великом, о литературе, о крестьянах.

В остафьевском архиве сохранилась запись Гоголя: «5 июня 1849. Рылись здесь Гоголь...» Сама прогулка по остафьевскому парку навевала воспоминания. Тень Пушкина скользила здесь.

На даче у Шевырева Гоголь читал хозяину главы из второго тома «Мертвых душ». Они запираются с Шевыревым, и Гоголь читает тому главы о Тентетникове и Улиньке, о генерале Бетрищеве и Петре Петровиче Петухе, отрывки из которых – не уничтоженные Гоголем и черновые – дошли до нас. Как вспоминает живший в то же время на даче Шевырева Н. Берг, чтения эти покрывались такой тайною, что невозможно было узнать ничего о содержании прочитанного, да и Гоголь в письме к Шевыреву после отъезда с дачи просил его не разглашать того, что он знает. По свидетельствам слышавших эти главы или слышавших что-то о них, глав этих всего было одиннадцать – как и в первом томе.

Гоголь жаловался, что «скотина Чичиков» остановился пока только на полдороге, что второй том вяло пишется, тому были причины и душевные: именно в Москве, между 1848 и 1849 годами, Гоголь пережил свой, может быть, первый и единственный роман с женщиной, который закончился неудачно. Это была графиня Анна Михайловна Вьельгорская, младшая дочь обершенка двора его величества графа М. Ю. Вьельгорского и графини Вьельгорской, урожденной принцессы Бирон. В эту семью Гоголь попал случайно – в Риме он познакомился с

братом Анны Михайловны, Иосифом Вьельгорским, больным чахоткой. И. Вьельгорский умер на его руках, на вилле Волконской в Риме. Первым, кто сообщил эту новость прибывшим в Италию Вьельгорским, был Гоголь. Графиня была благодарна ему за заботы об умирающем сыне.

Так завязались отношения. Потом Гоголь выбрал Анну Михайловну в свои подопечные по «русским занятиям» – ему хотелось обучить эту почти не знавшую русского языка графинечку (говорившую и писавшую по-французски) русским привычкам. На почве этих уроков, делавшихся преимущественно в письмах, и произошло сближение, а затем и явилась мысль о сватовстве. Вьельгорские имели свою подмосковную (тоже по нынешней Казанской дороге, под Коломною), туда звал их на лето Гоголь, желая оторвать Анну Михайловну от Петербурга, от света, от петербургских дач.

В Москве Гоголь встречается с родственником Вьельгорских графом В. А. Соллогубом, автором повести «Тарантас», женатым на сестре Анны Михайловны, Софье Вьельгорской. Переговоры шли о том, что граф и графиня со всеми домочадцами приедут в Москву. Гоголь намеревался вместе с Анной Михайловной осматривать московские древности, он считал, что в Москве она пропитается русским духом.

Косвенно, через родственников графини Веневитиновых, Гоголь передал свое предложение руки и сердца младшей дочери Михаила Юрьевича, но не получил согласия. Это «расколебало» все его нервы и сказалось на работе.

Летом 1849 года Гоголь предпринимает поездку в Калугу.

В Калугу он отправился вместе с братом А. О. Смирновой – Л. И. Арнольди. Смирнова жила в Калуге уже несколько лет, несколько писем из «Выбранных мест из переписки с друзьями», и в том числе письмо «Что такое губернаторша», было посвящено ей. Со Смирновой Гоголь познакомился еще в 1831 году в Царском, когда она была фрейлиной императрицы и появлялась в доме Пушкина. Потом они встречались за границей. Когда мужа Александры Осиповны назначили губернатором в Калугу, переписка Гоголя и Смирновой оживилась – Смирнова поставляла ему сведения о русской провинции.

В оставшихся от сожжения черновых главах второго тома мелькает образ светской красавицы Чагравиной, которую, как утверждают современники, Гоголь писал со Смирновой. Судьба забрасывает ее в глушь, она томится среди непривычной ей среды, скучает, ищет дела своей душе. У Чагравиной возникает роман с помещиком Платоновым – типичным человеком сороковых годов, одним из тех, кого потом назовут «лишними людьми».

Роман этот заканчивается ничем. Чагравина не способна преодолеть привычек света, бросить свою прежнюю жизнь и взяться за какое-то полезное дело.

Сама Александра Осиповна, однако, была деятельной помощницей мужа. Она не только принимала в своем доме гостей и следила за домом, но и входила в отношения с подчиненными Н. М. Смирнова, сближалась с честными чиновниками, с их женами, влияла на ход губернского правления. Н. М. Смирнов, который большую часть жизни провел при дворе или в посольствах за границей, благодаря ее помощи сделал немало доброго на своем посту. Были устранены из губернских учреждений взяточники, льстецы, Смирнов даже отказался от своего жалованья в пользу неимущих чиновников. Он расследовал преступления и наказывал виновных. Но честность губернатора казалась подозрительной, в Петербург посыпались доносы, прибыла в Калугу комиссия, царь был недоволен, у Смирнова были неприятности.

Меж тем он не оставил своей должности. Все огорчения мужа приняла на себя и жена. Иногда ей казалось, что все ее усилия бесполезны, что надо вернуться обратно в Петербург, в свет, ко двору. Гоголь утешал ее и ободрял своими письмами. «Друг мой, вы устали, – писал он ей в июне 1846 года. – Из ваших же отчетов вижу, что вы уже немало сделали кое-чего хорошего для начала… О вас уже распространились слухи вне Калуги; кое-что из них дошло и до меня. Но вы еще очень поспешны, вы еще слишком поражаетесь всем, вас слишком шевелят и сражают все неприятности и гадости. Друг мой, вспомните вновь мои слова, в справедливости которых, вы говорите, что убедились: глядеть на Калугу, как на лазарет. Глядите же так! Но прибавьте к этому еще кое-что, а именно: уверьте себя, что больные в этом лазарете ваши родные, близкие сердцу вашему, и тогда все перед вами изменится: вы с ними примиритесь и будете враждовать только с их болезнями. Кто вам сказал, что болезни эти неизлечимы?.. Вы ищете все избранных и лучших. Друг мой! за это я вам сделаю упрек; вы должны всех любить».

Позже, уже после смерти Гоголя, А. О. Смирнова, знавшая многих блестящих людей века – Пушкина, Жуковского, Вяземского, Лермонтова, – писала С. М. Соллогуб: «Никто не займет место Гоголя в моем сердце, никогда не будет у меня такого верного, преданного, надежного друга. Не говоря прямо, он умел давать почувствовать тем, которых он любил, их предназначение. Это происходило от того, что он любил всех…»

В 1849 году А. О. Смирновой было 38 лет. Молодость ее минула, старость не наступила. Она все еще была красавица и к тому же одна из умнейших женщин России.

В 1846 году, проезжая через Калугу в Крым вместе со Щепкиным, Белинский был принят губернаторшей. «Это знатная дама, – писал он жене в Петербург, – свет не убил в ней ни ума, ни души, а того и другого природа отпустила ей не в обрез. Она большая приятельница Гоголя... Чудесная, превосходная женщина – я без ума от нее. Снаружи холодна как лед, но страстное лицо, на котором видны следы душевных и физических страданий...»

Места, по которым проезжали Гоголь и Арнольди, были те места, которые давно хотел посмотреть автор «Мертвых душ». По этой дороге когда-то отступал из Москвы Наполеон. Тема Наполеона мелькала в поэме Гоголя. Император французов, бронзовые статуэтки которого стояли тогда во всех домах, был высмеян Гоголем еще в «Старосветских помещиках». Именно Наполеона имел он в виду, когда писал в этой повести: «Какой-нибудь завоеватель собирает все силы своего государства, воюет несколько лет, полководцы его прославляются, и наконец все это оканчивается приобретением клочка земли, на котором негде посеять картофеля».

Наполеон появлялся в смешном виде и в «Мертвых душах». За Наполеона, бежавшего с острова Эльба (а действие поэмы протекало в те годы, когда исторический Наполеон был жив) принимают в городе Чичикова. В его профиле находят сходство с профилем Наполеона, в его поступках что-то таинственно-наполеоновское. Затем тема эта перескакивает в повесть о капитане Копейкине. Не кто иной, как Копейкин, а в его лице и другие такие же копейкины являются, по мысли Гоголя, истинными героями истории, хотя и не знают об этом. Копейкин нарисован хоть и комически, но с тем комизмом, в котором, как говорил Аполлон Григорьев, живет неутоленный идеал.

Не какие-то идеальные люди, невесть откуда (разве что из воображения Гоголя) взявшиеся, должны были появиться в поэме и стать в противовес мертвым душам, обитающим на ее страницах. Нет, это были реальные герои русской истории. Это, как говори Собакевич, все ядреный народ, непорченый народ. Они и дом сумеют сладить, и без страха крест водрузить на самой высокой колокольне, и изготовить телегу, и сшить такие сапоги, которые вовек не износятся.

Не эти ли мужики и прогнали из Москвы Наполеона? Перед поездкой в Калугу Гоголь писал А. Данилевскому: «...собираюсь в дорогу. Располагаю посетить губернии в окружности Москвы, повидаться с некоторыми знакомыми и поглядеть на Русь сколько ее можно увидеть на большой дороге».

Эта Русь открывалась сейчас ему.

Проезжали места Пушкина – здесь в нескольких верстах от Перхушкова, в сельце Захарово, провел он свои детские годы в имении бабушки.

Маленький Пушкин, как пишет его биограф П. В. Анненков, был увален, редко бегал, шалил, все сидел и сидел на месте чуть ли не до семи лет – потом как будто проснулся. Отсюда, из невысокого дома, стоящего над прудом и окруженного липами, возили его в гости к богатым соседям Голицыным, здесь бросился ему в глаза и навечно запомнился неяркий русский пейзаж – поля и перелески, избы мужиков с соломенными крышами, пылящая дорога, озими, крики грачей по весне.

Проехали Голицыно, Рузу, остановились в Малоярославце. Город этот был знаменит вошедшим в историю малоярославским сражением, в котором был окончательно сломан хребет армии Наполеона. Сам Гоголь не видел ни русских, ни французских войск. Его, трехлетнего ребенка, 1812 год обошел стороной. Наполеон прошел мимо тех мест, где жили Гоголи, не было в тех местах ни военных действий, ни раненых, ни убитых. Лишь отец Гоголя принимал участие в хлопотах полтавского дворянства по снабжению и обмундированию русской армии, состоял помощником при губернском маршале Д. П. Трощинском, который доверил ему хранение всех собранных полтавским дворянством на нужды войны денег. За эту службу отечеству был представлен отец Гоголя к награде (к награде даже представили и Марию Ивановну), но представление это где-то затерялось в российских канцеляриях. Может быть, так же, как дело капитана Копейкина.

В Малоярославце, пока чинили колесо, Гоголь познакомился с городничим, который, узнав, что перед ним автор «Ревизора», ничуть не оскорбился (вообще-то русские городничие были обижены за эту комедию на Гоголя), а, наоборот, с готовностью взялся сопровождать его по городу. Посетили они монастырь Святого Николая, стоящий на горе, над рекой. С высоты этого холма было хорошо видно поле малоярославского сражения. Оно все зеленело, мягкие волны от легкого ветерка ходили по нему, вдали синел лес.

Вот несколько сценок из этой поездки в записях Л. И. Арнольди:

«Когда наступил день отъезда, Гоголь приехал ко мне со своим *маленьким* чемоданом и *большим* портфелем. Этот знаменитый портфель заключал в себе второй том «Мертвых душ», тогда уже почти конченных вчерне.

...Портфеля не покидал Гоголь во всю дорогу. На станциях он брал его в комнаты, а в тарантасе ставил всегда подле себя и опирался на него рукою...

...Мы много смеялись, Гоголь был в духе, беспрестанно снимал свою круглую серую шляпу, скидывал свой зеленый камлотовый плащ и, казалось, вполне наслаждался чудным теплым июньским вечером, вдыхая в себя свежий воздух полей...

...У трактира городничий с нами раскланялся. На сцену явился половой и бойко повел нас по лестнице в особый нумер. Гоголь стал заказывать обед, выдумал какое-то новое блюдо из ягод, муки, сливок и еще чего-то, помню только, что оно вовсе не было вкусно. Покуда мы обедали, он все время разговаривал с половым, расспрашивал его, откуда он, сколько получает жалованья, где его родители, кто чаще других заходит к ним в трактир, какое кушанье больше любят чиновники в Малоярославце и какую водку употребляют, хорош ли у них городничий и тому подобное. Расспросил о всех живущих в городе и близ города и остался очень доволен остроумными ответами бойкого парня в белой рубашке, который лукаво улыбался, сплетничал на славу и, как я полагаю, намеренно отвечал всякий раз так, чтобы вызвать Гоголя на новые расспросы и шутки...

...Мы ехали довольно тихо, а он беспрестанно останавливал кучера, выскакивал из тарантаса, бежал через дорогу в поле и срывал какой-нибудь цветок; потом садился, рассказывал мне довольно подробно, какого он класса, рода, какое его лечебное свойство, как называется он по-латыни и как называют его наши крестьяне. Окончив трактат о цветке, он втыкал его перед собой за козлами тарантаса и через пять минут бежал опять за другим цветком, опять объяснял мне его качества, происхождение и ставил на то же место. Таким образом, через час с небольшим образовался у нас в тарантасе целый цветник желтых, лиловых, розовых цветов...»

В Калуге Гоголь провел около двух недель. Опять те же хлопоты, те же расспросы. Беседы с губернатором и его женою, знакомство с губернской чиновной иерархией, плутания по лавкам, по магазинам. В Москве его уже узнавали – студенты, литераторы, завидев его гуляющим по Никитскому, знали, что это Гоголь, показывали на него, ходили за ним. Слава, о которой он мечтал в молодости, сейчас досаждала, мешала нырнуть глубоко в московскую толпу. В Калуге было проще. Тут – что книгопродавец, что купец, что просто прохожий – были рады показать ему и то и это и растолковать про то и про это, не спрашивая с него ни внимания, ни благодарности.

Калуга была типичный губернский город. Она находилась вблизи Москвы, но вместе с тем порядочно от Петербурга. Царская фамилия и иные высшие чины заезжали сюда редко, гораздо реже, чем, например, в Полтаву. Тут была глушь и не глушь, бойкая жизнь и тихая – как раз то, что нужно было Гоголю. Как Чичиков у него в поэме – ни толстый ни тонкий, «ни то, ни се», так и город, в котором он обделывает свои делишки, тоже такой же. Губернатор есть, палаты на месте, полицмейстер, прокурор, суд – те же, что и во всех городах. И свой бомонд, и свой «низ», и так же в воскресные и табельные дни трактир закрыт до окончания обедни.

Москва со всех сторон была окружена такими городами – Калуга, Тула, Ярославль, Владимир. И каждый из них походил на город, в котором протекает действие первого тома «Мертвых душ», и на Тьфуславль, в котором разворачиваются события второго тома. Только в Тьфуславле имеет резиденцию генерал-губернатор, а в NN правит обыкновенный губернатор. В имени Тьфуславль слышится перекличка и с Ярославлем, где никогда не бывал Гоголь, и с Екатеринославлем, который чуть не стал городом его школьного детства (их с братом Иваном хотел туда отправить учиться отец).

По пути в Калугу путешественники погостили четыре дня в имении Смирновых Бегичево. Здесь их встретила сама Александра Осиповна, Гоголь был в прежнем хорошем настроении, он ходил по полям, заговаривал с косцами, съездили в находящееся поблизости имение Гончаровых Полотняный Завод.

Здесь живал Пушкин, тут в первые годы вдовства поселилась Наталья Николаевна с детьми.

В большом доме Гончаровых, в усадьбе царило запустение. Лениво ходили по двору куры, сад зарос.

Гоголь прошелся по запущенному парку, пересек небольшой луг и провел несколько минут в уединении на берегу тихой речки с названием Суходрев. Густая тень ив хранила прохладу, тихо бежала река, мир господствовал над этой мирной землей, но не было на ней уже Пушкина.

30 июля Гоголь писал из Москвы А. М. Вьельгорской: «Я ездил взглянуть на некоторые губернии поблизости Москвы, был в Калуге, где прогостил несколько дней у Александры Осиповны; возвратился снова на короткое время в свою комнатку в Москве...»

10

Гоголь то оставляет Москву на недолгое время, то вновь запирается в своей комнатке на Никитском бульваре. Летом он, как правило, у кого-нибудь на дачах или едет (в 1850 году) в Васильевку, зимует одну зиму (1850/51 года) в Одессе, но возвращается обратно. Его еще тянет, как он говорил, в «теплые края», но Россию, Москву он не рискует оставить не только на год – на два, но даже и на месяцы. Он вновь приезжает в Калугу, навещает Оптину пустынь под Козельском, гостит у Аксаковых в Абрамцеве, где понуждает старого Аксакова писать, и слушает его «Записки ружейного охотника» и «Записки об уженье», знакомится с А. Н. Островским, будущим автором «Истории России» С. М. Соловьевым, встречается с И. С. Тургеневым.

Гоголь, как правило, избегал встреч с литераторами. Он предпочитал знакомства с людьми, которые могли сообщить ему нечто, чего он сам не

знал. Но все же случай иногда сводил его и с писателями. Еще в 1848 году такая встреча состоялась на квартире А. А. Комарова. Вот как ее описывает присутствовавший на ней И. И. Панаев: «Гоголь изъявил желание А. А. Комарову приехать к нему и просил его пригласить к себе нескольких известных новых литераторов, с которыми он не был знаком. Александр Александрович пригласил между прочими Гончарова, Григоровича, Некрасова и Дружинина… Мы собрались к А. А. Комарову часу в девятом вечера. Радушный хозяин приготовил роскошный ужин для знаменитого гостя и ожидал его с величайшим нетерпением… В ожидании Гоголя не пили чай до десяти часов, но Гоголь не показывался, и мы сели к чайному столу без него.

Гоголь приехал в половине одиннадцатого, отказался от чая, говоря, что он его никогда не пьет, взглянул бегло на всех, подал руку знакомым, отправился в другую комнату и разлегся на диване. Он говорил мало, вяло, нехотя… Хозяин представил ему Гончарова, Григоровича, Некрасова и Дружинина. Гоголь несколько оживился, говорил с каждым из них об их произведениях, хотя было очень заметно, что не читал их…

…От ужина, к величайшему огорчению хозяина дома, он… отказался. Вина не хотел пить никакого, хотя тут были всевозможные вина.

– Чем же вас угощать, Николай Васильич? – сказал, наконец, в отчаянии хозяин дома.

– Ничем, – отвечал Гоголь, потирая свою бородку. – Впрочем, пожалуй, дайте мне рюмку малаги.

…Но Гоголь, изъявив свое желание, через четверть часа объявил, что он чувствует себя не очень здоровым и поедет домой.

– Сейчас подадут малагу, – сказал хозяин дома, – погодите немного.

– Нет, уж мне не хочется, да к тому же поздно…

Хозяин дома, однако, умолил его подождать малаги. Через полчаса бутылка была принесена. Он налил себе полрюмочки, отведал, взял шляпу и уехал, несмотря ни на какие просьбы…»

Много в этой сценке придумано И. И. Панаевым, но все же похоже на Гоголя.

Про него ходили слухи, что он ничего не читает, ничем не интересуется. Но, как вспоминает Л. И. Арнольди, он все читал и за всем следил. О сочинениях Тургенева, Григоровича, Гончарова отзывался с большой похвалой. «Это все явления утешительные для будущего, – говорил он. – Наша литература в последнее время сделала крутой поворот и попала на настоящую дорогу».

На эту дорогу уже вышли и Достоевский, и Некрасов, и Гончаров (глава из романа которого – «Сон Обломова» – была напечатана в 1849 году), и Тургенев, и Герцен. Повесть Достоевского «Бедные люди» Гоголь читал еще в 1846 году и отозвался об авторе как о большом таланте. Он высоко оценил Даля.

Уже родились все замечательные писатели XIX века – современниками Гоголя были и Фет, и Салтыков-Щедрин, и Островский, и Добролюбов, Тютчев, Майков, Кольцов, Чернышевский, Достоевский, Толстой. «Детство» Л. Н. Толстого вышло в 1852 году – в год смерти Гоголя. Это поколение писателей вырастало под сенью Пушкина и под его, Гоголя, сенью, и ему была небезразлична их судьба – судьба тех, кому он уже, по существу, передавал жезл российской словесности.

3 декабря 1849 года он слушал в доме Погодина комедию А. Н. Островского «Банкрут» (позднее название – «Свои люди – сочтемся»). Пьесу читал сам автор. Гоголь приехал позже других. Он не вошел в комнату, а остановился у двери и так простоял до конца чтения. Все ждали его суда, и более всего, конечно, Островский. Гоголь сказал что-то спросившей его о впечатлении графине Ростопчиной и уехал. Потом обнаружилось, что он все же оставил для автора записку. В записке был похвальный отзыв.

Литературные интересы Гоголя мешаются с архитектурными, историческими, лингвистическими. Он изучает ботанику, греческий язык, чтобы в подлиннике читать древние книги по истории церкви, встречается с архитектором Ф. Ф. Рихтером, реставратором Кремля и строителем Кремлевского дворца, видится со знатоками московской старины, с художниками, с автором «Аскольдовой могилы» композитором А. Н. Верстовским.

Кремль – любимое место прогулок Гоголя. Он бывает здесь один, бывает и в обществе Берга, Островского, П. В. Анненкова.

Гоголь любит бывать на Кремлевском холме и в дни гуляний, праздников, когда можно лучше рассмотреть московскую толпу, и в ранние часы после заутрени, когда пустынны каменные плиты на тесной площади, обнесенной соборами, когда молчат деревья в кремлевском парке и золотится под первыми лучами солнца в поднебесной вышине колокольня Ивана Великого. Звон московских колоколов, который откликается на кремлевские колокола, веселит сердце Гоголя.

Не чужд Гоголь и посещению выставок, вернисажей. На выставке в доме А. Ф. Ростопчина на Садово-Кудринской улице он видит картины П. Г. Федотова – «Гоголя в живописи», как называют его некоторые. Работы Федотова, как пишет А. С. Дружинин, понравились Гоголю; Федотов, добавляет он, «очень уважал Гоголя и на одном вечере, после долгого разговора с автором «Бульбы», сказал потихоньку одному из

присутствующих: «Приятно слышать похвалу от такого человека! Это лучше всех печатных похвал».

9 мая 1850 года Гоголь в последний раз устраивает именинный обед в погодинском саду. Присутствуют С. Т. и К. С. Аксаковы, М. П. Погодин, А. Н. Островский, М. А. Максимович, Н. В. Берг и другие. Редеет круг друзей, менее веселым делается и празднество. На этом обеде, как вспоминает Берг, хохотал и говорил больше всех Хомяков, читавший объявление в «Московских ведомостях» о волках с белыми лапами.

Отъезд Тараса Бульбы с сыновьями. Художник М. В. Нестеров

Вот что записано об этом объявлении в дневнике О. М. Бодянского: «Везде то и дело что ищут № 55 «Московских ведомостей», в котором напечатано следующее: «Я, нижезначущийся... занимаюсь теперь дрессированием... Сверх того я обучаю людей подзывать волков, и так верно, что по отзыву этого зверя могу утвердительно определить число их стаи: а как в Мензелинском уезде в настоящее время показано много прибыли и волков с белыми лапами, похищавших преимущественно достояние государственных крестьян, которые и сами воют волком, но не могут еще в точности определить число кочующих стай... предлагаю мое знание к услугам...» Говорят, что это иносказание: под волками разуметь следует чиновников министерства государственных имуществ, обирающих в Оренбургской и других губерниях государственных крестьян... И редактор, и корректор просидели под арестом (у себя дома) 3 дня, во избежание большего взыскания со стороны высшего

начальства. В Москве в этот же самый день разнесся слух об этом объявлении и, кажется, вдруг заговорили во всех углах о нем».

Газеты иногда приносили такие сведения, которых нельзя было зачерпнуть ни в каких разговорах, сплетнях, слухах. Сдуру редакторы печатали такое, чего не могли придумать никакие злые языки. Еще со времени жизни в Петербурге Гоголь привык время от времени просматривать «Северную пчелу» и «Санкт-Петербургские ведомости», ища там забавные случаи, а также образцы слога и глупости, которые потом попадали в его сочинения. Так, бред Поприщина в «Записках сумасшедшего» – бред об гамбургском бочаре, делающем Луну, и тому подобное – был почерпнут из занимательных сообщений «Смеси» в «Северной пчеле» и целиком составлен из анекдотов и казусных случаев, описанных там. «Смесь» печаталась и в журналах – иногда сообщения ее были сенсационны: «Недавно... поймана рыба, принадлежащая к числу тех, которые в древности назывались сиренами. Голова и грудь ее совершенно подобны женским, и когда рыба поднимается из воды по пояс, то она издали довольно походит на женщину...»

Однажды Гоголь с А. О. Смирновой долго следили по «Русскому инвалиду» за передвижениями некоего майора, который по странной прихоти переезжал из города в город. В газете то и дело сообщалось о том, что он выехал из такого-то города и въехал в такой-то город. Гоголь даже придумал удивительную интригу этого путешествия, представляя в лицах самого майора, его денщика (или слугу), хозяев гостиниц, где он останавливался. Всплывала и таинственная цель поездки, носящая явно государственный характер, с почти шпионскими замашками. Это был сюжет Чичикова, только переброшенный в другую среду.

Гоголь читает в Москве статистику и географию, покупает карты средней России и Сибири, куда должен был отправиться его герой Тентетников. Годы жизни в Москве – это годы накопления знаний, собирания их про запас, для долгой жизни, для капитального сочинения о Руси. Нет, вовсе не собирался Гоголь останавливаться на втором и третьем томах «Мертвых душ». Он хотел написать книгу для юношества – «книгу, которая бы знакомила русского еще с детства с землей своей». Кроме этой книги о России, где было бы представлено «живое, а не мертвое изображенье», «та существенная, говорящая ее география, которая поставила бы русского лицом к России», он задумывает и пишет работу «Размышления о божественной литургии», делает выписки из отцов церкви, составляет материалы для словаря, готовит новое собрание сочинений, просматривая строго свои прежние творения.

Венчать собрание сочинений должны были полные «Мертвые души».

Но срок Гоголя был уже отмерен. Ему оставалось жить несколько месяцев.

Часть лета 1851 года Гоголь проводит в имении А. О. Смирновой в Спасском. «Подмосковная деревня, в которой мы поселились, – пишет Л. И. Арнольди, – очень понравилась Гоголю. Все время, которое он там прожил, он был необыкновенно бодр, здоров и доволен. Дом прекрасной архитектуры, построенный по планам Гр. Растрелли, расположен на горе; два флигеля того же вкуса соединяются с домом галереями с цветами и деревьями, посреди дома круглая зала с обширным балконом, окруженным легкой колоннадой… Перед домом, через террасу, уставленную померанцами и лимонами, мраморными статуями, ровный скат, покрытый ярко-свежей зеленью, и внизу – Москва-река, с белою купальнею и большим красивым паромом. За речкой небольшие возвышенности, деревушка соседа с усадьбою, сереньким городским домиком, маленьким садом и покачнувшимися набок крестьянскими избами». Читая это описание вида с балкона дома в Спасском, невольно вспоминаешь вид, описанный в первой главе сохранившегося второго тома «Мертвых душ». Тот же ландшафт, те же краски, та же высота. «Гоголь жил подле меня во флигеле, – продолжает Арнольди, – вставал рано, гулял один в парке и поле, потом завтракал и запирался часа на три у себя в комнате. Перед обедом мы ходили с ним купаться. Он уморительно плясал в воде и делал в ней разные гимнастические упражнения, находя это очень здоровым. Потом мы опять гуляли с ним в саду, в три часа обедали, а вечером ездили иногда по дороге гулять, к соседям или в лес…»

Видимо, в Спасском наносились последние штрихи на уже готовый к печати второй том поэмы.

Бодрое настроение Гоголя говорит о том, что он был доволен написанным.

И в первые же дни после возвращения в Москву его видели таким. Никаких следов усталости, разочарования или плохого настроения не было в его лице.

22 августа он показался на балконе дома Пашкова в Москве (сейчас Библиотека им. Ленина), где размещалась тогда 4-я московская гимназия. Гости были приглашены посмотреть иллюминацию Кремля, устроенную в честь годовщины коронации императора Николая. Гостей съехалось множество, и все знатных. Среди них Гоголь казался незаметным. И все же его заметили. «Между собравшимися звездоносцами, – вспоминает очевидец, – выделялся одетый в черный сюртук худой, длинноносый, невзрачный человечек, на которого со вниманием смотрели гости наши, а воспитанники просто поедали глазами. Это был знаменитый автор «Мертвых душ» Н. В. Гоголь.

Помню, как он, долго любуясь на расстилавшуюся под его ногами грандиозно освещенную матушку нашу Москву, задумчиво произнес: «Как это зрелище напоминает мне Вечный город».

А вот еще одно свидетельство о Гоголе 1851 года. Это свидетельство Г. П. Данилевского, автора «Сожженной Москвы». «В назначенный час я отправился к Бодянскому, чтобы ехать с ним к Гоголю… Мы сели в извозчичьи дрожки и поехали по соседству на Никитский бульвар, к дому Талызина. Теперь этот дом № 314 принадлежит Н. А. Шереметевой. Он не перестроен, имеет, как и тогда, шестнадцать окон во двор и пять на улицу, в два этажа, с каменным балконом на колоннах во двор…

…Въехав в ворота ограды, направо к балконной галерее дома Талызина мы вошли в переднюю нижнего этажа. Старик – слуга графа Толстого приветливо указал на дверь из передней направо.

– Не опоздали? – спросил Бодянский…

– Пожалуйте, ждут-с! – ответил слуга.

Бодянский прошел приемную и остановился перед следующей, ведущей в угольную комнату, два окна которой выходили во двор и два на бульвар. Я догадался, что это был рабочий кабинет Гоголя. Бодянский постучался в дверь этой комнаты.

– Чи дома, брате Миколо? – спросил он по-малорусски.

– А дома ж, дома! – негромко ответил кто-то оттуда.

Сердце у меня сильно забилось. Дверь растворилась. У порога ее стоял Гоголь.

Мы вошли в кабинет. Бодянский представил меня Гоголю, сказав ему, что я служу… и что с ним, Бодянским, давно знаком через Срезневского и Плетнева.

– А где ж наш певец? – спросил, оглядываясь, Бодянский.

– Надул, к Щепкину поехал на вареники! – ответил с видимым неудовольствием Гоголь. – Только что прислал извинительную записку, будто забыл, что раньше нас дал слово туда.

– А может быть, и так! – сказал Бодянский. – Вареники не свой брат.

…Я не спускал глаз с Гоголя. Мои опасения рассеялись. Передо мной был не только не душевнобольной (слухи о душевной болезни Гоголя ходили по Москве. – *И. З.*) или вообще свихнувшийся человек, а тот же самый Гоголь, тот же могучий и привлекательный художник, каким я привык себе воображать его с юности.

Разговаривая с Бодянским, Гоголь то плавно прохаживался по комнате, то садился в кресло к столу, за которым Бодянский и я сидели на диване, изредка посматривал на меня. Среднего роста, плотный и с совершенно здоровым цветом лица, он был одет в темно-коричневое длинное пальто и темно-зеленый бархатный жилет, наглухо застегнутый до шеи, у которых поверх атласного черного галстука виднелись белые, мягкие воротнички рубахи. Его длинные каштановые волосы прямыми космами спадали ниже ушей, слегка загибаясь над ними. Тонкие, темные, шелковистые усики чуть прикрывали полные, красивые губы, под которыми была крохотная эспаньолка. Небольшие карие глаза глядели ласково, но осторожно и не улыбаясь даже тогда, когда он говорил что-либо веселое и смешное. Длинный сухой нос придавал этому лицу и сидящим по его сторонам осторожным глазам что-то птичье, наблюдающее и вместе добродушно-горделивое. Так смотрят с кровель украинских хуторов, стоя на одной ноге, внимательно задумчивые аисты».

Записные книжки Гоголя говорят и о хозяйственных заботах, об укладе его жизни в доме на Никитском – укладе жизни холостяка, который сам должен заботиться о себе. «Купить материи нитяной на фуфайку, – записывает он, – ящики для посылок. Сапоги. Железноводской воды. Бумага серая».

Н. Гоголь

Автограф писателя

Одна надпись гласит: «Наменять денег для бедных». Простота и непритязательность гоголевского быта поражали даже и тех, кто не очень привык к роскоши. Это была почти аскетическая простота и аскетическая непритязательность. Ничего лишнего, никаких дорогих вещей, любимых безделушек, предметов, не нужных на каждый день, для постоянного обихода. Книги, тетради для писания, перья, склянка для перьев, одна шуба, одна шинель. В описи гоголевского имущества, оставшегося после него, нет ни одной вещи, которая стоила бы дороже 15 рублей. Все, кроме часов, шубы и шинели, оценивается в копейки. «После Н. В. Гоголя, – писал С. П. Шевырев, – осталось в моих руках от благотворительной суммы, которую он употреблял на вспоможение бедным молодым людям, занимающимся наукою и искусством, 2533

рубля 87 коп. Его карманных денег – остаток от вырученных за второе издание «Мертвых душ» – 170 р. 10 к.».

Живя в долг, не имея собственного угла, он привык обходиться самым насущным, не думая об удовольствиях, которые позволяли себе люди его звания. Он отказался в пользу матери от своей доли в имении, он посылал деньги сестрам, раздавал их крестьянам в Васильевке, помогая тем, у кого пал скот или покосилась хата, кто не от праздности, а от болезней или неурожая впадал в бедность.

При нем постоянно была только одна движимость и недвижимость – его портфель с рукописями. Это было и его имущество, и богатство. К нему присоединялся один дорожный чемодан.

Но чемодан этот уже более не упаковывался. Наступил январь 1852 года. Гоголь все еще был бодр, выезжал с визитами, правил корректуру собрания сочинений. «Мертвые души» были готовы и переписаны. Все ждали отдачи их в цензуру, а затем и в печать.

Внезапно настроение Гоголя переменилось. Он передумал печатать второй том и занемог. 26 января неожиданно умерла Екатерина Михайловна Хомякова, родная сестра поэта Языкова. К этой женщине Гоголь был нежно привязан, ее сына, названного Николаем, крестил.

Хомякова умерла совсем молодой, от неизвестной болезни. Эта смерть, как и смерть Иосифа Вьельгорского в свое время, подействовала на Гоголя сильно. «Теперь для меня все кончено», – сказал он Хомякову. Он не явился на похороны и заперся дома.

Приближался Великий пост. Гоголь умерил свой стол, отказался от скоромного (чего он ранее не делал даже в недели поста), сделался худ и бледен. Он никого не принимал, сидел в кресле и что-то писал на обрывках бумаги. Некоторые из этих его записок сохранились. На них – обрывки молитв, заповедей самому себе, рисунки пером. На одном из таких рисунков изображен профиль человека, который выглядывает изнутри раскрывшейся книги. Профиль человека очень похож на профиль Гоголя.

Кажется, Гоголь принял какое-то решение, хотя колебания, сомнения все еще одолевают его. Ведь он писал и говорил, что не работать для него – значит не жить. Если он не способен работать, продолжать сделанное, ему остается проститься с жизнью, уйти. Неудовольствие собой смешивается в этих переживаниях с недовольством написанным. Второй том жжет сердце Гоголя, он кажется ему несовершенным. А выдавать в свет несовершенное он не привык. Это соблазн, обман для читателя и для писателя.

Странное поведение Гоголя в последние дни его жизни, тем не менее поведение ясно сознающего меру своих сил писателя. Он пробует обратиться к кому-то за советом, просит А. П. Толстого передать рукопись второго тома на отзыв митрополиту Филарету, боясь, что сам в праведном гневе уничтожит ее. Толстой отговаривает его и оставляет рукопись при Гоголе.

В ночь на 11 февраля Гоголь сжигает второй том поэмы. В огонь летит труд многих лет, жизнь, прожитая в этом труде и ее надежды. Хомякову, приехавшему навестить его, Гоголь говорит: «Надобно же умирать, а я уже готов и умру». Толстому он признается: «Я готовлюсь к такой страшной минуте».

Само сожжение рукописи было совершено в трезвом уме и при ясной памяти. Гоголь бросил в огонь не все бумаги, а лишь те, которые обрек уничтожению. Остались целы письма Пушкина к нему, письма Жуковского, собственные его письма. Кое-что он отложил в сторону – черновики второго тома, черновик «Размышления о божественной литургии», «Авторскую исповедь».

Сжегши бумаги, Гоголь заплакал. Он обнял присутствовавшего при этом служившего ему мальчика (Семена Григорьева) и вернулся на правую половину дома. Сожжение произошло в левой от входа половине, причем дрова в камине не разгорались. Гоголь поджигал углы тетрадей свечой, они загорались и гасли, он вновь поджигал, потом бросил в камин и ждал, когда они займутся все.

Счеты с творчеством и с жизнью были кончены.

Он уже не ел, не пил ничего, кроме воды, разбавленной красным вином, лежал на постели лицом к стене и ждал смерти. В одиннадцать часов вечера 20 февраля 1852 года он поднял голову с подушки и отчетливо произнес: «Лестницу, поскорее лестницу!» В восьмом часу утра 21 февраля его не стало. Находившаяся при Гоголе теща Погодина – единственная свидетельница его смерти – рассказывала: «По-видимому, он не страдал ночью, был тих, только к утру дыхание сделалось реже и реже и он как будто уснул».

12

В официальном документе о смерти коллежского асессора Гоголя было сказано, что он умер «от простуды». Другие считали, что это тиф. Терялись в догадках и врачи, лечившие Гоголя или пытавшиеся его лечить.

Душа Гоголя устала – устала бороться с собой, со слабостью телесных сил, не позволявших ему закончить его титаническую работу. Эта работа – три тома поэмы – была рассчитана на крепкого человека, на человека,

который не отдал столько смолоду, сколько отдал творчеству Гоголь. Пока дух был силен, тело ему повиновалось, но дух колебнулся – и тело сразу подчинилось этому колебанию. Сомнение Гоголя в совершенстве им созданного решило все. И никакой иной болезни тут не было. Он не хотел войти в храм искусства неряшливо одетым. Но он уже и не имел сил войти в него так, как хотел бы.

За два дня до смерти его посетил Иван Васильевич Капнист.

– Верно, Николаша, ты меня не узнаешь? – спросил он, склонившись над умирающим.

– Как не знать. Вы Иван Васильевич Капнист, – ответил Гоголь. – И я прошу вас об одолжении. Не оставьте вниманием сына моего духовника, служащего у вас в канцелярии.

Смерть Гоголя всколыхнула всю Москву. К дому на Никитском шли и шли люди. Никто их не звал – это случилось само собой. Шли студенты и простой народ, дорогие шубы мешались с сукном армяков и поддевок. И. С. Тургенев писал П. Виардо из Петербурга: «Нет русского сердца, которое не обливалось бы кровью в настоящую минуту. Для нас это был более чем писатель: он раскрыл нам самих себя. Он во многих отношениях был для нас продолжателем Петра Великого». И он же писал С. Т. Аксакову: «Мне, право, кажется, что он умер потому, что решился, захотел умереть, что это самоубийство началось с истребления «Мертвых душ».

Гоголь не оставил после себя даже завещания, если не считать того «Завещания», которое он напечатал когда-то в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Там он писал, что просит не ставить на его могиле никакого памятника и не устраивать каких-либо торжественных похорон. «Грех себе возьмет на душу тот, – писал Гоголь, – кто станет почитать смерть мою какой-нибудь значительной или всеобщей утратой».

Но Москва иначе отнеслась к этому событию. День и ночь дежурили люди у гроба Гоголя в церкви Московского университета. Его, как почетного члена университета, решили перенести сюда. На голове Гоголя был лавровый венок, в руках – иммортели. Кто-то брал их себе на память.

Н. В. Гоголь. Резьба по кости Н. Скубенко. 1952 г.

Скульптор Н. А. Рамазанов уже снял посмертную маску – лицо Гоголя было умиротворенно, покойно.

Утром 24 февраля выпал снег. По глубокому сырому снегу съезжались к церкви сани, сходились люди. Приехал и генерал-губернатор Москвы А. А. Закревский и попечитель Московского учебного округа В. П. Назимов. Закревский был при орденах и ленте. У гроба Гоголя стояли Грановский, Хомяков, Островский, Чаадаев. «Мы хороним одну из слав России», – сказал Иван Аксаков. «Больше, кажется, хоронить некого», – добавил Грановский. «Какое-то расположение к миру наблюдается у нас везде по его кончине, – писал А. О. Смирновой ее брат А. О. Россет. – Доказательство самое убедительное и сильное, что в основании его сочинений и действий была любовь».

«Вся мученическая художественная деятельность Гоголя, – писал позже И. С. Аксаков, – его существование, писание «Мертвых душ», сожжение их и смерть – все это составляет огромное историческое событие». «Это тайна, – вторил ему И. С. Тургенев, – грозная тайна – и надо стараться ее разгадать».

В «Московских ведомостях» было напечатано письмо Тургенева из Петербурга, в котором Гоголь был назван великим человеком. Автор письма за столь дерзкое преувеличение был посажен под арест.

Тургенев, Вяземский, Жуковский – новое и старое, «пушкинское» поколение литературы откликнулось болью на смерть Гоголя. Не было мыслящего человека во всем государстве, которого бы не поразила эта весть.

13

Крышку гроба Гоголя закрыл Михаил Семенович Щепкин. Гроб подняли и понесли. Так, на руках, и несли его от Моховой, где находилась университетская церковь, до Данилова монастыря – более восьми верст. Следом текли толпы людей. Погребение состоялось в полдень 24 февраля 1852 года в ограде монастыря. Его совершили приходский священник Алексей Соколов и дьякон Иоанн Пушкин.

Гоголя положили между церковью Св. Даниила и кельями. Над могилою был врыт деревянный крест, его позже сменил медный. Он водрузился на грубо отесанной серой глыбе, от подножия глыбы легла на землю тяжелая мраморная плита. На гранях ее были высечены слова: «Истиннымъ же оуста исполнить смѣха, оустне же их исповѣданія. Іова, гл. 8, ст. 21», «Мужъ разумивый престолъ чувствія. Притчей, гл. 12 ст. 23». «Правда возвышаетъ языкъ. Притчей, гл. 14, ст. 34» и «Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся. Іереміи, гл. 20, ст. 8».

Сверху на плите начертали: «Здесь погребено тело Николая Васильевича Гоголя. Родился 19 марта 1809 года, скончался 21 февраля 1852 года».

31 мая 1931 года прах Гоголя – вместе с прахом Н. М. Языкова, С. Т. и К. С. Аксаковых, Е. М. Хомяковой и А. С. Хомякова, Д. В. Веневитинова – был перенесен на кладбище Новодевичьего монастыря.

26 апреля 1909 года в Москве, на Арбатской площади, был открыт памятник Гоголю. Его поставили в честь столетия со дня рождения великого сына России. Мысль о сооружении такого памятника возникла во время проведения пушкинских торжеств 1880 года. Тогда на Тверском бульваре встал памятник Пушкину работы Опекушина. Было создано жюри и объявлена подписка на памятник Гоголю. Подписные листы приходили отовсюду. В них – под малыми и большими суммами – расписывались и те, кто не умел писать (ставили крестик), и великие князья, и графиня С. А. Толстая, и крестьяне, и купцы, и лица духовного звания, и литераторы.

Одновременно был объявлен конкурс на проект памятника Гоголю. В объявлении жюри было одно жесткое условие: проект только тогда будет считаться принятым, если за него проголосуют все члены жюри без исключения. Победу на этом конкурсе одержал проект молодого скульптора Н. Андреева. Много лет работал Андреев над своим созданием, и наконец его Гоголь предстал очам Москвы.

Гоголь сидел в кресле и, как бы отворачиваясь от шумящей у его подножия разноцветной весенней толпы, уходил в себя, отводил взгляд. Но откуда бы присутствовавшие ни смотрели на него, они всюду улавливали этот взгляд, – то было не отдаление, не удаление, не желание уйти, а скромное уклонение от воздаваемых ему почестей. Как, казалось, ни был хмур в этот солнечный день Гоголь, как ни был против этого всенародного и публичного проявления любви к нему, робкая печать улыбки, признательности и ответной любви угадывалась на его лице.

И по сей день этот памятник стоит во дворе дома на Никитском (Суворовском) бульваре и встречает каждого, кто проходит в ворота,

ведущие к крыльцу, по ступеням которого не раз поднимался творец «Мертвых душ»...

Это святое место нашего Отечества.

Примечания

1

Ремонтер – офицер, занимающийся закупкой лошадей для войск.

2

«Гоголиана» – хранилище гоголевских рукописей и документов. Находится в библиотеке Академии наук в Киеве.

3

Сейчас их, к сожалению, нет.

4

Десятина – мера земли, равная 1,09 га.

5

Арабески – лепное или писаное украшение... из ломаных и кривых узорочных черт, цветов, листьев, животных (по В. И. Далю).

6

Так зовут героиню в черновом варианте повести.
